

ISSN 2587-7844

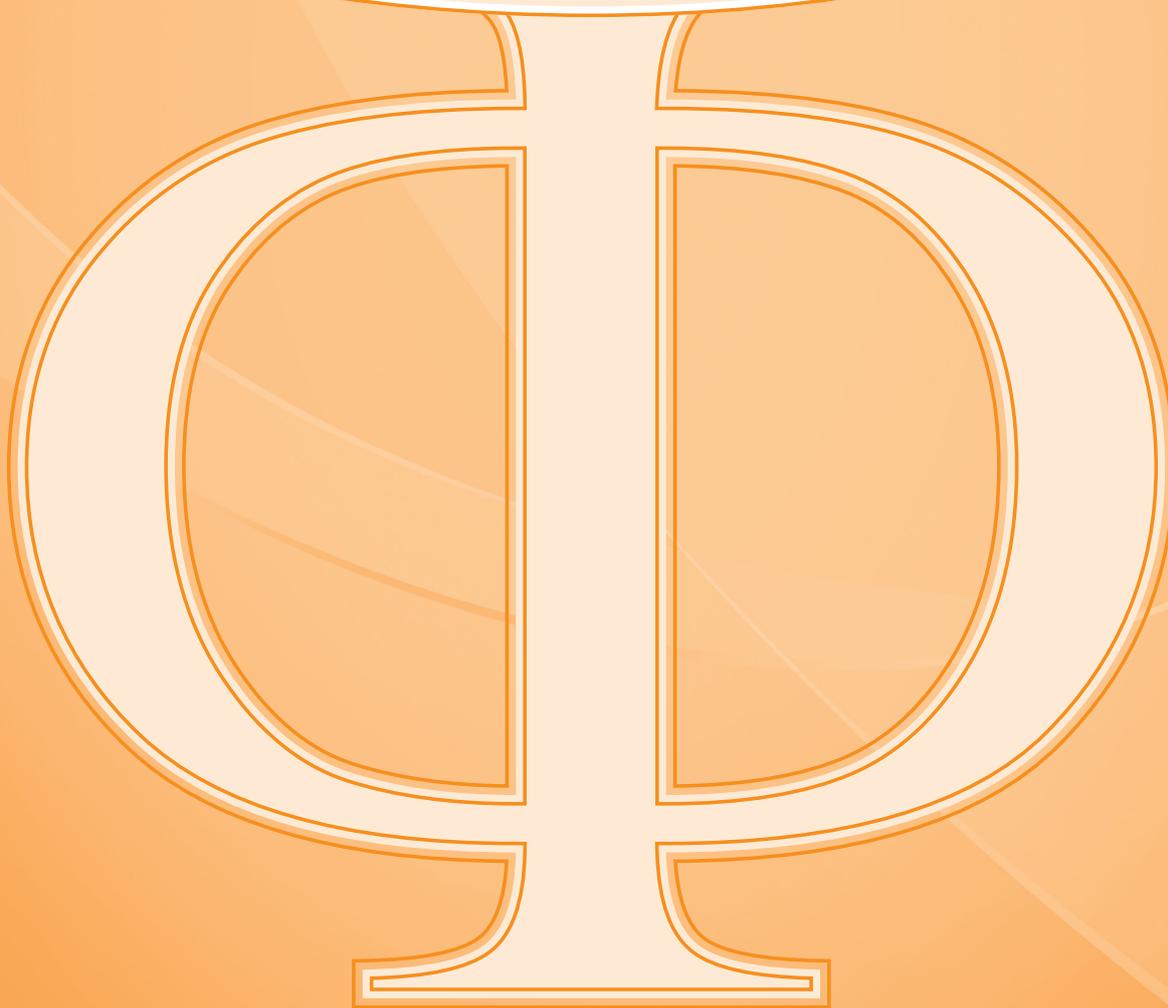
СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2022. № 1 (18)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведён Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии 10.00.00

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований
Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
Россия, 660049, Красноярск,
ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в международную ассоциацию издателей CrossRef, которая разрабатывает общую инфраструктуру (CrossRef DOI) для поддержки наиболее эффективной научной коммуникации (публикациям журнала присваивается идентификатор DOI – индексированная ссылка к постоянному местонахождению статьи для получения необходимой информации о ней)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Журнал размещается на платформе публикаций Readera

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-Chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-Chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Бенет Винсент, доктор филологических наук, профессор, INALCO (Франция)
Benet Vincent, Doctor of Philology, Professor, INALCO (France)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voynovich Yasmina, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Игнатиева Т.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Ignatieva T.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пак Чжон-Кван, доктор PhD, Национальный университет Кёнбук (Республика Корея)
Park Jong-kwan, PhD, Doctor, Gyeongbuk State University (The Republic of Korea)

Керо Энрике, Университет Гранады (Испания)
Kero Enrique, University of Granada (Spain)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Протасова Е.Ю., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, Университет Хельсинки (Финляндия)
Protasova E.Yu., Doctor of Education, PhD in Philology, University of Helsinki (Finland)

Садовский Я., доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор Ягеллонского университета, директор Института восточнославянской филологии, заведующий кафедрой языковой и культурной коммуникации (Краков, Польша)
Sadowski J., PhD in Philology, Doctor of History, Professor, Director of the Institute of East Slavic Philology, Head of the Department of Language and Cultural Communication, Jagiellonian University (Krakow, Poland)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Тышковска-Каспршак Э., доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелева Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Velikiy Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Актуальные проблемы языкознания

- А.А. Абрамова, В.Л. Васильева, М.Г. Волкова**
ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА
МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
«ЧЕЛОВЕК – ЭТО МЕХАНИЗМ»
И «МЕХАНИЗМ – ЭТО ЧЕЛОВЕК»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
A.A. Abramova, V.L. Vasilyeva, M.G. Volkova
EVALUATIVE SEMANTICS
OF THE METAPHORICAL MODELS
“MAN IS A MECHANISM”
AND “MECHANISM IS A MAN”
IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD
[4]

- А.В. Берестнева**
АРХАИЧНАЯ ЛЕКСИКА
В РОМАНЕ «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ: БРАТСТВО КОЛЬЦА»
КАК ОСОБЕННОСТЬ ИДИОСТИЛЯ ДЖ. Р.Р. ТОЛКИНА
A.V. Berestneva
ARCHAIC WORDS
IN THE NOVEL “THE LORD OF THE RINGS:
THE FELLOWSHIP OF THE RING”
AS AN ELEMENT OF J.R.R. TOLKIEN’S INDIVIDUAL STYLE
[16]

- О.В. Богуславская**
АКТУАЛИЗАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ
КАК СУБЪЕКТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ЯЗЫКОВОГО ИМИДЖА ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА
O.V. Boguslavskaya
POLITICAL ACTUALIZATION OF TEMPORALITY
AS A SUBJECTIVE COMPONENT
OF THE LINGUISTIC IMAGE OF A FEMALE POLITICIAN
[29]

- А.Д. Васильев**
НЕСКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ:
МАГНЕТИЗМ ТЕМНЫХ СЛОВ
A.D. Vasilyev
SHAMELESS CHARM OF ANGLICISMS:
MAGNETISM OF OBSCURE WORDS
[40]

- И.В. Пекарская, Е.А. Шпомер**
ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
КОМПОЗИЦИИ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕЙ А.Ф. КОНИ
I.V. Pekarskaya, E.A. Shpomer
LINGUO-PERSONOLOGICAL ASPECTS IN THE COMPOSITION
OF A.F. KONY’S SPEECHES FOR PROSECUTION
[51]

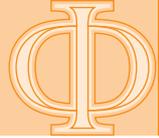
- К.В. Шульгина, Е.В. Осетрова**
ДОСТОВЕРНОСТЬ РЕПРОДУКТИВНОГО
ВЫСКАЗЫВАНИЯ-ОСКОРБЛЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОТОКОЛОВ ДОПРОСА)
K.V. Shulgina, E.V. Osetrova
RELIABILITY OF A REPRODUCTIVE STATEMENT-INSULT
(ON THE EXAMPLE OF INTERROGATION PROTOCOLS)
[66]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Слово молодым

- А.И. Гонtareва**
«ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЕ КУХНИ»
В РОМАНЕ Л.Е. УЛИЦКОЙ «ЗЕЛЕНый ШАТЕР»:
ТВОРЧЕСТВО КАК СТИМУЛ БЫТИЯ
A.I. Gontareva
“INTELLECTUAL KITCHENS”
IN L.E. ULITSKAYA’S NOVEL “THE BIG GREEN TENT”:
CREATIVITY AS A STIMULUS OF BEING
[79]

- Е.О. Новикова**
ОБРАЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ
В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ РОМАНА СЕНЧИНА
E.O. Novikova
THE IMAGE OF A LITERARY HERO
IN THE EARLY WORKS OF ROMAN SENCHIN
[89]
- ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ
[102]

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-104>

УДК 81-119

ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ «ЧЕЛОВЕК – ЭТО МЕХАНИЗМ» И «МЕХАНИЗМ – ЭТО ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

А.А. Абрамова (Томск, Россия)**В.Л. Васильева (Томск, Россия)****М.Г. Волкова (Томск, Россия)**

Аннотация

Постановка проблемы. В статье анализируются антропоморфный образ механизма и механистический образ человека в аспекте оценочной семантики, выявлена аксиологическая направленность концептуальных моделей, представлена характеристика обратимой соотнесенности анализируемых концептов с точки зрения их оценочной направленности.

Цель исследования – проанализировать метафорические модели «ЧЕЛОВЕК – МЕХАНИЗМ» и «МЕХАНИЗМ – ЧЕЛОВЕК» в аспекте оценочной семантики, выявить природу и аксиологический потенциал концептуальных метафорических моделей (ММ). Исследование выполнено на методологической основе когнитивной лингвистики и на материале текстов Национального корпуса русского языка, интернет-форумов, репрезентирующих семантику механизма в качестве как сферы-мишени, так и сферы-источника для метафорической интерпретации образа человека.

Результаты исследования подтверждают функционально-семантическую асимметрию метафорических моделей, появляющуюся в разной оценочной направленности метафор сравнимых моделей. Так, большинство лексических репрезентантов модели «ЧЕЛОВЕК – это МЕХАНИЗМ» характеризуется отрицательной оценочной коннотацией: человек в образе механизма характеризуется негативно или иронично, в то время как оценочная семантика метафор соотнесимой ММ «МЕХАНИЗМ – это ЧЕЛОВЕК» характеризуется нейтральностью.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, метафорическая модель, оценочная семантика, обратимость метафорических моделей, русская языковая картина мира.

Постановка проблемы. Пройдя долгий путь в качестве объекта исследования от Античности до наших дней, метафора по-прежнему остается в центре внимания различных наук: философии, логики, психологии, психолингвистики, лингвистики и др.

Современная когнитивистика изучает метафору как призму, через которую обозначаются значимые для человека качества и атрибуты, приписываемые объекту образной интерпретации. С помощью метафор человек не просто выражает свои мысли, а мыслит, мыслит метафорами, создавая мир, в котором он живет (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова,

Н.А. Мишанкина, Е.В. Рахилина, З.И. Резанова, А.П. Чудинов, Э. Кассирера, Ж. Фоконье, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Дж. Ортега-и-Гассет, М. Тернер и др.). В этом смысле изучение проблемы образного языкового моделирования действительности, а также изучение антропоморфной природы метафорических образов всегда актуально в рамках лингвистических исследований.

Именно проблема образного моделирования действительности в вариации теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона является основой настоящего исследования. В монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» метафора обозначена как основная когнитивная операция познания, «единица мышления, представляющая собой когнитивный механизм объединения двух понятийных сфер, при котором одна понятийная сфера (сфера-мишень) интерпретируется в терминах другой понятийной сферы (сфера-источник) на основе аналогии [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 10]. В данном исследовании мы используем термин «метафорическая модель» (ММ), соотносимый с понятием «концептуальная метафора», для того чтобы отметить и модельную природу анализируемого феномена, и его двойственную, когнитивно-языковую природу, представленность схем концептуального соотнесения в рядах лексических репрезентаций, соотношения прямых и переносных значений лексем.

Обзор научной литературы. На определенном этапе развития когнитивной теории мощный интерпретационный потенциал метафоры актуализировал вопрос о взаимодействии концептуальных метафор, их взаимосвязи. В данной работе объектом исследования выступает особый тип концептуальных метафор, определяемый как обратимые. Обратимые метафорические модели (ОММ) рассматриваются как функциональные типы концептуальных метафор, характеризующиеся обратным соотношением сфер-источников и сфер-целей: когнитивная сфера – источник одной метафорической модели в рамках обратимой модели является целевой сферой, а целевая сфера первой модели – является исходной сферой другой модели [Резанова, 2012]. Соотношение понятийных сфер в обратимых моделях характеризуется в аспекте симметрии/асимметрии, основанной на продуктивности метафоризации или оценочной семантики.

В работах Е.А. Потураевой, направленных на изучение метафорических моделей, формирующих интерпретационный материал концептуальной сферы «Дом», выделяются обратимые метафорические модели. Автор доказывает асимметричность моделирующей направленности метафорических моделей «ДОМ – это ЧЕЛОВЕК» и «ЧЕЛОВЕК – это ДОМ». По утверждению Е.А. Потураевой, первая модель высвечивает собственные признаки жилища, поэтому аспектируются обжитость, освоенность, одухотворенность материального пространства, которое оценивается положительно, и проявляется «человеческий» аспект. Вторая модель сосредоточена на осмыслении человеком собственной телесности, которая подвергается ироничному оцениванию, поэтому акцентируется прежде всего материальная сторона [Потураева, 2011].

Будучи сонастроенной с человеком, метафора обязательно попадает в сферу оценки, содержит ее, формируется ею и выражает аксиологическое отношение к предмету метафорической интерпретации. В одной из своих работ В.Н. Телия предположила, что в оценочной метафоре мотив или внутренняя форма играют роль катализатора оценочной реакции: «Невозможно не заметить, что оценочная метафора подчеркивает какую-то особенность, отображаемую в описательной части значения. Эта особенность становится смысловым пиком оценочного значения наряду с оценкой» [Телия, 1986].

В когнитивной лингвистике значение отождествляется с концептуализацией, которая включает в себя говорящего, слушающего и другие элементы контекста [Langacker, 2001]. Все вышеизложенное приводит к выводу, что оценка не может быть объяснена в рамках одной только семантики. Любой теоретический фрейм, построенный для нее, должен включать элементы контекста, такие, например, как говорящий и слушающий.

Взаимосвязь метафорических структур и оценки отмечалась в работах многих исследований, это Н.Д. Арутюнова, В.Г. Баранов, М.А. Дмитровская, Т.В. Писанова, Е.М. Вольф, Н.А. Мишанкина, З.И. Резанова и др.

Исследование оценки в аспекте ее возможностей когнитивного освоения действительности с точки зрения ее способности выражать в метафорическом значении информацию о разных аспектах человеческого опыта познания мира и себя базируется на теоретических положениях когнитивной лингвистики, одним из постулатов которой является положение о том, что оценка должна рассматриваться с точки зрения информационного потенциала, в контексте влияния культуры с ее нормативностью, символичностью, единством чувственного, эмоционального, рационального начал [Писанова, 1997].

Важно отметить, что аксиологическая составляющая формируется в процессе сложного взаимодействия начального и конечного знаний, в результате чего она носит дискуссионный характер. При интерпретации метафор возрастает роль субъективного фактора. Как отмечает Э.М. Вольф, «оценочное значение может быть извлечено из высказывания на основе последующего контекста» [Вольф, 1988]. Оценка может содержаться в денотативном начальном значении лексических единиц и в переносном значении самих метафор. В одном случае контекст может актуализировать и подчеркнуть это значение, в другом – оценка создается из общего согласия аксиологических значений единицы и контекста. Мы исходим из теоретического положения о согласованности аксиологического и денотативного значений единицы и контекста: два слова в тексте имеют общие компоненты и характеризуются внутренней оценочной согласованностью.

Цель исследования – проанализировать ОММ «ЧЕЛОВЕК – МЕХАНИЗМ» и «МЕХАНИЗМ – ЧЕЛОВЕК» в аспекте оценочной семантики, выявить природу и аксиологический потенциал концептуальных метафорических моделей, а также охарактеризовать обратимую корреляцию анализируемых концептов с точки зрения их оценочной направленности. Объектом данного исследования является

ОММ «ЧЕЛОВЕК – это МЕХАНИЗМ» и «МЕХАНИЗМ – это ЧЕЛОВЕК», предметом исследования является оценочная семантика данных ОММ.

Методология. Исходя из того, что метафорические модели представляют собой ментальные модели и находят реализацию в языке, в данном исследовании мы совмещаем методы семантического и когнитивного анализа: от анализа языковых данных переходим к анализу когнитивных структур, далее к исследованию их оценочной направленности.

Единицей анализа являются сочетания лексем, репрезентирующих семантику механизма в качестве как сферы-мишени, так и сферы-источника для метафорической интерпретации образа человека, один из компонентов которых употребляется в метафорическом значении.

Источником материала выступили данные толковых словарей русского языка [БАС, 1950–1965; Толковый словарь русских глаголов, 2008], так как по словарным толкованиям указанных источников определяется корпус метафорических смыслов, представляющих узувальную часть реализации метафорических моделей.

Основным источником контекстного материала послужил Национальный корпус русского языка [НКРЯ, 2001–2021]. Необходимость обращения к контекстным данным актуализации метафорических значений лексем связана с тем, что они позволяют выявить активность использования метафорических моделей. Более того, обращение к ним дает возможность уточнить словарные данные при формулировке переносных значений лексем, которые не отражаются в словарях, а также выявить спектр окказиональных случаев метафорического использования лексем, репрезентирующих ОММ «МЕХАНИЗМ – это ЧЕЛОВЕК» и «ЧЕЛОВЕК – это МЕХАНИЗМ».

С использованием приема направленной выборки из текстов Национального корпуса русского языка для анализа было отобрано 2 523 контекста (637 контекстов механистической интерпретации образа человека, 1 886 контекстов антропоморфной интерпретации образа механизма). Всего было проанализировано 252 лексические единицы, характеризующие ОММ «МЕХАНИЗМ – это ЧЕЛОВЕК» и «ЧЕЛОВЕК – это МЕХАНИЗМ».

Оценочная семантика модели определяется на основе учета оценочной коннотации производных метафорических номинаций и характеризуется преобладанием той или иной окраски метафорического образа (положительной, отрицательной или нейтральной).

Результаты исследования. Анализ аксиологического потенциала ММ «ЧЕЛОВЕК – это МЕХАНИЗМ» и «МЕХАНИЗМ – это ЧЕЛОВЕК» на примере лексем русского языка позволил определить оценочную характеристику выделенных моделей и сравнить аксиологическую семантику механистического образа человека и антропоморфного образа механизма.

Общая оценочная характеристика механистического образа человека складывается из оценочного потенциала частных подмоделей, входящих в состав ММ «ЧЕЛОВЕК – это МЕХАНИЗМ». Человек концептуализируется как единство

физического, психологического, ментального, социального, культурного аспектов, и на основе актуализации каждого из них либо объединяется, либо противопоставляется объектам внешнего по отношению к нему мира, вписываясь, как сложно организованная система свойств, отношений в общую многоуровневую модель мира. Анализируя механистический образ человека, мы, следуя упомянутой логике концептуализации человека, выделяем основные направления метафорического моделирования концептуальной модели «ЧЕЛОВЕК – это МЕХАНИЗМ». На основе соотнесения частных аспектов концептов «Человек» и «Механизм» было выявлено несколько частных подмоделей: 1) «Анатомическое строение человека – устройство механизма»; 2) «Физиологическое состояние человека – устройство механизма и его техническое состояние»; 3) «Ментальная деятельность, психоэмоциональное состояние человека – устройство механизма и его функционирование»; 4) «Звучание человека – звучание механизма»; 5) «Звучание человека – техническое состояние механизма и его частей»; 6) «Поведение человека в обществе, социальное взаимодействие людей – устройство механизма и его техническое состояние» [Абрамова, 2018, с. 76–77].

Наиболее регулярно в сферу образной интерпретации попадают особенности строения человека, что может быть отмечено как частная подмодель «Строение человека – устройство механизма». Данная подмодель реализуется в метафорических употреблениях существительных, называющих разные виды механизмов (*компрессор, насос, прибор*) и элементы устройства механизма (*деталь, запасная часть, клапан, мотор, винт, рычаг, поршень, шестерня, подшипник, провод, шарнир, фара*).

Посредством образов механизма, названных вышеперечисленными лексемами, происходит метафорическое осмысление анатомического строения человека. Человеческий организм изображается устройством, которое состоит из структурных элементов механизма: Как известно, мозг – самая загадочная и самая неизученная деталь человеческого организма (Р.Э. Арбитман). Важной характеристикой реализации подмодели «строение человека – устройство механизма» считается отсутствие оценочной направленности большинства производных метафорических номинаций, созданных в ее рамках.

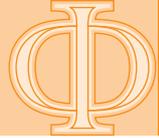
Наравне с анатомическим строением человека метафорически осмысляются и физиологические состояния, и потребности человека. Контексты подмодели «Физиологическое состояние человека – устройство механизма и его техническое состояние» репрезентируют метафорические номинации, уподобляющие физиологические состояния человека техническому состоянию механизма и его частей: *заправились вином* («выпили»); *зарядиться пищей на день* («поели») и т.д.

Кроме лексем, характеризующихся оценочной нейтральностью, в рамках данной подмодели присутствуют слова, которые используются чаще в разговорной речи и представляют «сниженный» образ человека. Подобной оценке чаще подвергается физическое здоровье человека. Слабое состояние человека

вследствие болезни или старости уподобляется неисправному состоянию машины или механизма и репрезентируется лексемами *неисправный* (прямое значение: ‘который имеет повреждения; испорченный’) и *поломка* (состояние по значению глагола поломаться ‘разрушившись, прийти в негодность, испортиться; сломаться’): *он улыбнулся заученной, самолюбивой улыбкой, показав неисправные зубы, и сказал...* (В.П. Катаев); *нарушается баланс веществ во всем организме и начинаются «поломки» то в одном его месте, то в другом. Попробуй потом, врач, найти причину таких «поломок»* (О. Мочалова) и др. Основанием метафорического переноса являются признаки «повреждение», «испорченность». Мы соотносим эти образы с механистической метафорой, однако в данном примере можно говорить о более общей модели «МИР – это АРТЕФАКТ», уподобляющей окружающую действительность предметному миру. Наименование процесса коррозии (прямое значение: ‘самопроизвольное разрушение металлов в результате взаимодействия с окружающей средой’) служит обозначением заболевания суставов посредством метонимического перехода. Металлические детали механизма приходят в неисправное состояние в результате процесса коррозии, ржавчины, и компоненты прямого значения лексем «ржавчина» и «коррозия» («разрушение», «вредное, разъедающее действие») становятся основанием для образной интерпретации человеческого заболевания – атеросклероз: *Я с усилием – будто заржавели все суставы – поднял руку* (Е.И. Замятин) и др.

Второе основное направление развития метафорической модели «ЧЕЛОВЕК – это МЕХАНИЗМ» – распространение образов механистического мира на внутренний мир человека. Несмотря на общеизвестный факт, что механизмы и компьютеры не обладают уникальными человеческими свойствами – эмоциями, творческой способностью и интенциональностью в отношении своих действий, наиболее разнообразно и продуктивно через образ механизма осмысливается именно психоэмоциональная сфера человека.

Кроме лексем, характеризующихся нейтральной оценочной направленностью (*пружина раздражения* («о волнении, сильном переживании»); *отпустить все тормоза* («расслабиться»); *генератор идей* («идейный вдохновитель»)), в рамках модели создаются лексемы, передающие чаще смешливое, ироничное или негативное отношение к человеку. К примеру, номинация *оперативная память* (прямое значение: ‘постоянное запоминающее устройство, в котором хранятся программы и данные, необходимые для работы самого компьютера’) служит образным наименованием человеческой памяти: *Оперативная память нашего мозга огромна, но все же если ежедневно загружать ее тем объемом всевозможной фигни, которая обрушивается на человека, неспособного противостоять этому напору, то и у нее не хватит возможностей для более неспешных и зрелых размышлений* (Василий Голованов). Память человека воспринимается иронично, отождествляется с запоминающим устройством компьютера.

С помощью таких материальных образов механизма, как его устройство, техническое состояние, метафорически представляется внутренний мир человека, его чувства, способности как некий механизм, который имеет определенные внешние и внутренние характеристики и который порой выходит из строя. Следует отметить, что большинство производных метафорических номинаций имеют негативную окраску при образном осмыслении человека. Сфера применения таких метафор – обозначение неустойчивости внутреннего мира человека (*заводиться с пол-оборота* «нервничать, остро реагировать на ситуацию»; *отказали тормоза* «о неуправляемом поведении»; *сорваться с гайки* «о неустойчивом психоэмоциональном состоянии человека; *над чем ты тут зависла?* «характеристика задумчивого состояния человека и под.).

Звуковая и речевая деятельность человека менее всего осмысляются через механистическую метафору. Примеры подобных лексических метафор единичны: *тархтеть* («много и быстро говорить»), *ржавый* голос («неприятный голос»). Проанализированные метафоры в большей степени имеют негативную коннотацию при образном осмыслении звучания человека.

Социальная сфера жизни человека также метафорически осмысляется через образ механизма – его устройство и функционирование: *Костырев – деталь, один из винтиков сложного механизма* (Надежда Мандельштам). Большая часть проанализированных лексем имеет также негативную окраску при образном осмыслении человека: человек – неисправный винтик социального механизма-общества, наполненного пружинами интриг.

Таким образом, отрицательная оценочная направленность большинства подмоделей образной интерпретации в совокупности выразилась в отрицательную оценочную семантику метафорической модели «ЧЕЛОВЕК – это МЕХАНИЗМ» (табл.).

Сравнительный анализ оценочной семантики ММ «ЧЕЛОВЕК – это МЕХАНИЗМ» и «МЕХАНИЗМ – это ЧЕЛОВЕК»

Comparative analysis of the evaluative semantics of the MM “MAN is a MECHANISM” and “MECHANISM is a MAN”

«ЧЕЛОВЕК – это МЕХАНИЗМ»	Лексическая наполненность, кол-во лексем	Оценка, +/-	«МЕХАНИЗМ – это ЧЕЛОВЕК»	Лексическая наполненность, кол-во лексем	Оценка, +/-
1	2	3	4	5	6
Анатомическое строение человека – устройство механизма	16	+/-	Устройство механизма – строение человека	30	+/-
Физиологическое состояние человека – устройство механизма и техническое состояние	10	–	Техническое состояние механизма и его частей – физиологическое состояние человека	43	+/-

Окончание табл.

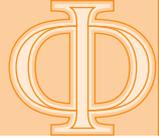
1	2	3	4	5	6
Ментальная деятельность, психоэмоциональное состояние, человека – устройство механизма и его функционирование	21	–	Функции и действия механизма – ментальная деятельность, психоэмоциональное состояние человека	27	+/-
Звучание человека – звучание механизма	1	–	Звучание механизма – звучание человека	34	+/-
Поведение человека в обществе, социальное взаимодействие людей – устройство механизма и его физическое состояние	4	–	Воздействие человека на механизм – социальное взаимодействие людей	10	+/-
			Внешний вид механизма – внешность человека	13	+/-
			Действия, выполняемые механизмом, – физическая активность и деятельность человека	17	+/-
			Функции и действия механизма – поведение, черты характера человека	24	-
			Существование механизма и его этапы – периоды жизни человека	11	+/-
Звучание человека – физическое состояние механизма и его частей	1	–			
Итого	43 (53)	–		208	+/-

Анализ оценочной направленности ММ «МЕХАНИЗМ – это ЧЕЛОВЕК» на примере лексем русского языка позволил определить общую оценочную характеристику антропоморфного образа механизма.

Механизм в целом образно отождествляется с «типичным» человеком: *оранжевые глаза троллейбусов; голова поезда; нос теплохода; согнутая рука кранов; сердце автомобиля; под животом самолета; «внутренности» компьютера; меняем станкам «мозги»* и др. Механизм живет, взрослеет, стареет: *40-летний возраст машины; живой работающий теплоход; сравнительно «молодая» машина; старый трактор; любой «взрослый» мотоцикл; пожилым холодильником* и пр.

Характеристики технического состояния механизма схожи с физиологическими особенностями человека – механизм дышит, питается, болеет, спит, просыпается: *автомат вдохнул, выдохнул и ожил; мощное дыхание кондиционера; питание компьютера; кондиционер «съедает»; дремлют корабли; шхуна спит; работоспособные компьютеры; телевизор мигает* и т.д.

Будучи созданным для облегчения человеческого труда и являясь главным помощником человека, механизм образно наделяется способностями, не свойственными машине: *на полях трудились комбайнеры и тракторы; бегущий*

паровоз; лифт шел плавно и бесшумно; теплоход топтался на месте; работают кондиционеры; ноутбук думает много и охотно; компьютер теперь стал понимать; на быстро идущем эскалаторе и др.

Звуки, издаваемые механизмом, интерпретируются через образы человеческого звучания: *пел чайник; шептали станки; почти что без пауз сипел чужой телефон; радио беседует само с собой; телевизор болтал и пел весь день напролет* и пр.

Механизм, как и человек, имеет семью и родственников: *родственником электровозов; в это семейство входят 6 моделей таких конвейеров; братья-автоматы, стоят сестры стиральные машины «Малютки»* и др.

Ряд контекстов содержит оценочные компоненты в оценке антропоморфного образа механизма – *стоявший в углу неуклюжий станок, сутулый грузовичок* («о неказистом внешнем виде механизма»); *небольшим элегантным компьютером* («красивый современный внешний вид»); *сильный вентилятор, работоспособных компьютеров* («характеристика высокой производительности механизмов»); *слабенький компьютер, уставший паровоз* («характеристика малоэффективной работы механизма»); *хрипят и кашляют автомобили, машина у них закапризничала* («о неполадках механизма»); *послушная машина, верному компьютеру, порядочно-го утюга* («характеристика хорошей работы механизма») и др. Оценочные смыслы в таких метафорах наследуются из сферы-источника метафорической экспансии.

Важно отметить, что антропоморфное моделирование концепта механизма направлено, скорее всего, на осмысление и понимание различных аспектов моделируемого понятия, нежели на их оценочную характеристику, вследствие чего большинство выделенных подмоделей характеризуется нейтральной оценочной модальностью (табл.).

Заключение. Анализ оценочной семантики ММ «ЧЕЛОВЕК – это МЕХАНИЗМ» и «МЕХАНИЗМ – это ЧЕЛОВЕК» выявил элементы функциональной асимметрии, появляющиеся в разной оценочной направленности метафор сравниваемых моделей.

Так, большинство лексических репрезентантов модели «ЧЕЛОВЕК – это МЕХАНИЗМ» характеризуется отрицательной оценочной коннотацией: человек в образе механизма характеризуется негативно или иронично. Человек предстает в образе живой машины, которая состоит из деталей: винтов, клапанов, проводов, рычагов. Части этого живого механизма нередко выходят из строя: *организм начинает барахлить, подшипники запястья сносились, хруст ржавых коленок* и пр. Внутренний мир человека также представляется неким механизмом: *внутренняя пружина напряжения*, которому характерно нестабильное функционирование: *завис над вопросом, сорваться с гайки* и др.

В то время как оценочная семантика метафор соотносимой ММ «МЕХАНИЗМ – это ЧЕЛОВЕК» характеризуется нейтральностью. Другими словами, антропоморфное моделирование концепта «механизм» нацелено прежде всего на осмысление и понимание различных аспектов моделируемого понятия, а не на их оценочную характеристику.

Рассуждая о преобладании отрицательной оценки механистических метафор при концептуализации сферы «Человек», мы не можем утверждать, что это универсальная особенность. Однако можно предположить, что в большей степени отрицательная оценка выводится из фоновых знаний читателя. Основание культурологической оценки, как правило, не эксплицировано, оно формируется за счет культурологической компетенции читателя. В гуманитарной концепции при осмыслении человека через образы животного или артефакта чаще всего отмечается отрицательная аксиологическая направленность.

Библиографический список

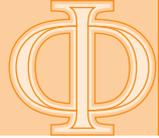
1. Абрамова А.А. Обратимость метафорических моделей «человек – это механизм» и «механизм – это человек» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 275 с.
2. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы Английские эквиваленты / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. 576 с.
3. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 52–65.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 2004.
5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс] / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2001–2021. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.06.2021).
6. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 393 с.
7. Потураева Е.А. Метафорическая интерпретация концептуальной сферы «дом» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 233 с.
8. Резанова З.И. Обратимые метафорические модели: семантико-функциональная асимметрия // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2. С. 30–43.
9. Словарь современного русского литературного языка (БАС): в 17 т. М.; СПб.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965.
10. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
11. Langacker R. An Introduction to Cognitive Grammar, Cognitive Science // A Multidisciplinary Journal. 1986. № 10 (1):1–4. P. 26–27. DOI: 10.1016/S0364-0213(86)80007-6

Сведения об авторах

Абрамова Анастасия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Сибирский государственный медицинский университет (Томск); e-mail: neanastasiya@yandex.ru

Васильева Светлана Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Сибирский государственный медицинский университет (Томск); e-mail: vasilyeva_sl@mail.ru

Волкова Марина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры латинского языка и медицинской терминологии, Сибирский государственный медицинский университет (Томск); e-mail: img77@sibmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-104>

EVALUATIVE SEMANTICS OF THE METAPHORICAL MODELS “MAN IS A MECHANISM” AND “MECHANISM IS A MAN” IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

A.A. Abramova (Tomsk, Russia)

V.L. Vasilyeva (Tomsk, Russia)

M.G. Volkova (Tomsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. This article analyzes the anthropomorphic image of a mechanism and the mechanistic image of a person in the aspect of evaluative semantics, reveals the axiological orientation of conceptual models, and presents the characteristics of the reversible correlation of the analyzed concepts in terms of their evaluative orientation.

The purpose of the article is to analyze the metaphorical models “MAN – MECHANISM” and “MECHANISM – MAN” in terms of evaluative semantics, to identify the nature and axiological potential of conceptual metaphorical models. The study was carried out on the methodological basis of cognitive linguistics and was carried out on the material of the texts of the National Corpus of the Russian Language, Internet forums representing the semantics of the mechanism both as a target sphere and as a source sphere for the metaphorical interpretation of the image of a person.

Research results confirm the functional-semantic asymmetry of metaphorical models, which appears in different evaluative orientations of the metaphors of the compared models. Thus, most of the lexical representatives of the “MAN is a MECHANISM” model is characterized by a negative evaluative connotation: a person in the image of a mechanism is characterized negatively or ironically. While the evaluative semantics of the metaphors of the correlated MM “MECHANISM is a MAN” is characterized by neutrality.

Keywords: *cognitive linguistics, conceptual metaphor, metaphorical model, evaluative semantics, reversibility of metaphorical models, Russian language picture of the world.*

References

1. Abramova A.A. Reversibility of the metaphorical models “man is a mechanism” and “mechanism is a man” in the Russian language picture of the world: dis. ... cand. philol. Tomsk, 2018. 275 p.
2. Big explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. Synonyms. Antonyms English equivalents / Ed. prof. L.G. Babenko. Moscow: AST-PRESS, 2008. 576 p.
3. Wolf E.M. Metaphor and evaluation // Metaphor in language and text. Moscow: Nauka, 1988. P. 52–65. Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols. Moscow; St. Petersburg: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1948–1955.
4. Lakoff J., Johnson M. Metaphors we live by: per. from English. Moscow: Editorial URSS, 2004.
5. National Corpus of the Russian Language (NCRL) [Electronic resource] / Institute of the Russian Language. V.V. Vinogradov RAS. Moscow, 2001–2021. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (access date: 06.14.2021).
6. Pisanova T.V. National-cultural aspects of evaluative semantics: aesthetic and ethical assessments: dis. ... dr. philol. sciences. Moscow, 1997. 393 p.
7. Poturaeva E.A. Metaphorical interpretation of the conceptual sphere “house” in the Russian language picture of the world: dis. ... cand. philol. sciences. Tomsk, 2011. 233 p.

8. Rezanova Z.I. Reversible metaphorical models: semantic-functional asymmetry // Tomsk State University Bulletin. Philology. 2012. No. 2. P. 30–43.
9. Dictionary of the modern Russian literary language (BAS): in 17 vol. Moscow; St. Petersburg: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950–1965.
10. Teliya V.N. The connotative aspect of the semantics of nominative units. Moscow: Nauka, 1986.
11. Langacker R. An Introduction to Cognitive Grammar, Cognitive Science A Multidisciplinary Journal. 1986. No. 10 (1):1–4. P. 26–27. DOI: 10.1016/S0364-0213(86)80007-6

About the authors

Abramova Anastasiya Anatolyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department, Siberian State Medical University (Tomsk, Russia); e-mail: neanastasiya@yandex.ru

Vasilyeva Svetlana Leonidovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department, Siberian State Medical University (Tomsk, Russia); e-mail: vasilyeva_sl@mail.ru

Volkova Marina Gennadyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Latin Language and Medical Terminology Department, Siberian State Medical University (Tomsk, Russia); e-mail: img77@sibmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-105>

УДК 811.111

АРХАИЧНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ: БРАТСТВО КОЛЬЦА» КАК ОСОБЕННОСТЬ ИДИОСТИЛЯ ДЖ.Р.Р. ТОЛКИНА

А.В. Берестнева (Майкоп, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Словарный состав того или иного языка непрерывно обновляется, освобождаясь от избыточных слов, но в то же время пополняется новыми лексическими единицами. Процесс устаревания слова представляет собой сложное явление, результатом которого может быть его постепенное исчезновение. Кроме отдельных случаев реактивизации пассивной лексики, большинство слов из состава устаревшей лексики постепенно забываются, со временем становясь совершенно непонятными для носителей языка. Архаизмы относятся к области лексики, которая характеризуется подвижностью и изменчивой сферой употребления в любом языке. Наиболее ярко авторский стиль проявляется именно при отклонении от литературной нормы языка и активном поиске писателем новых или переосмыслении архаичных языковых форм.

Одной из актуальных проблем в современной лингвистике является возможность влияния писателя на используемый им язык как важнейший элемент его идиостиля. Язык художественного произведения, являясь средством передачи содержания, не только соотнесен, но и связан с этим содержанием; состав языковых средств зависит от содержания и от характера отношения к нему со стороны автора.

Цель статьи состоит в выявлении роли архаизмов в формировании индивидуального авторского стиля Дж. Р.Р. Толкина на материале романа «Властелин Колец: Братство Кольца».

Основные *методы* исследования: метод описания, метод компонентного анализа, а также методы лексикографического и контекстуального анализа.

Выводы. Современная тенденция изучения творчества конкретного писателя основана на принципе, согласно которому каждое отдельное произведение характеризует его индивидуальный художественный стиль, так как имеет определенные специфические черты. Проведенный анализ языкового материала позволяет отметить, что словарь идиостиля Дж.Р.Р. Толкина включает в большом количестве устаревшие лексические единицы, что является отличительной чертой его авторского стиля. В представленных отрывках наглядно видно, как писатель использует морфологические черты в сочетании с поэтической и архаической лексикой для моделирования изображаемого мира. Мотивированный отбор определенных языковых средств продиктован содержанием и жанром произведения и включает употребление архаизирующих синтаксических структур, всего спектра устаревшей лексики, поэтизмов, историзмов, а также авторских неологизмов.

Ключевые слова: *архаизмы, историзмы, поэтизмы, литературная норма, идиостиль, историческая стилизация.*

Постановка проблемы. Словарный состав того или иного языка непрерывно обновляется, освобождаясь от избыточных слов, но в то же время пополняется новыми лексическими единицами. Процесс устаревания слова представляет собой сложное явление, результатом которого может

быть его постепенное исчезновение. Сначала происходит переход слова из активного словаря, слова из которого регулярно используются в повседневной речевой практике, в состав малоупотребительной лексики. Кроме отдельных случаев реактивизации пассивной лексики, большинство слов из состава устаревшей лексики постепенно забываются, со временем становясь совершенно непонятными для носителей языка.

Постоянное развитие языка ведет к изменению литературной нормы. Проблема гибкости и изменчивости языковой нормы, так же как факты попадания пассивной лексики в разряд общеупотребительной, обуславливается динамической теорией нормы. При определении нормы Ю.Н. Караулов обращает внимание исследователей еще на один аспект: «Норма, учитывающая как системный, так и эволюционный аспекты языка, невозможна без третьей координаты – личностной, т.е. языкового сознания» [Караулов, 1987, с. 156].

Одной из актуальных проблем в современной лингвистике является возможность влияния писателя на используемый им язык как важнейший элемент его идиостиля. Язык художественного произведения, являясь средством передачи содержания, не только соотнесен, но и связан с этим содержанием; состав языковых средств зависит от содержания и от характера отношения к нему со стороны автора. «В этом случае под “языком” понимается система средств словесно-художественного выражения и изображения» [Виноградов, 1959, с. 74].

В текстах художественной литературы принципиально возможны любые речевые средства, единицы любого варианта литературного языка, а также внелитературные элементы, вплоть до табуированной лексики. Однако при всем языковом многообразии отбор и организация языковых средств подчиняются принципу образного отображения действительности. «Цель писателя – средствами языка воспроизвести якобы реальный мир в соответствии с собственным эстетическим видением жизни, своей художественной фантазией, своим миропониманием» [Воронцова, 2008, с. 88].

Цель нашего исследования состоит в выявлении роли архаизмов в формировании индивидуального авторского стиля Дж.Р.Р. Толкина на материале романа «Властелин Колец: Братство Кольца». Использование устаревших и архаичных слов в художественной литературе имеет прагматическую направленность не только в исторических повествованиях, где они связаны со стилизацией, но и в текстах, тематически не связанных с ушедшими эпохами. Они относятся именно к той области лексики, которая отражает состояние постоянного обновления языка. По мнению И.Р. Гальперина, архаизмы проходят три стадии устаревания: слова, выходящие из употребления (*obsolescent words*), устаревшие слова (*obsolete words*) и собственно архаизмы (*archaic words*) [Galperin, 1981, p. 74].

Исследованием лингвистической стороны произведения Дж.Р.Р. Толкина занимались многие лингвисты, тогда как специфика использования архаизмов сравнительно мало изучена. Так, С.Н. Попова, рассматривая наиболее яркие фонетические, семантические и синтаксические приемы в романе, коснулась в своем

исследовании словосочетаний, содержащих архаичные структуры, которые использовались для придания повествованию формы сказаний о подвигах и событиях давно минувших дней [Попова, 2008]. Бетти Ирвин отмечает аккуратное использование Толкином архаичных форм английских местоимений для обозначения значимости, отношения или привязанности. Как указывает исследователь, автор применяет их «экономно, но эффективно» [Irwin, 1987].

Значительное количество работ посвящено особой традиции именования в трилогии «Властелин Колец: Братство Кольца». Е.Г. Ершова в исследовании указывает, что при создании онимов Дж.Р.Р. Толкин широко использует устаревшие и архаичные слова, а также поэтизмы. Автор статьи отмечает, что «в произведении представлена вся иерархия стилей: от просторечного и бытового (язык хоббитов, орков) до торжественного (эльфы) и архаизирующего (рохирримы)» [Ершова, 2016]. Джон Тинклер, занимаясь исследованием словотворчества писателя, указывает, что все онимическое пространство романа и даже целые фразы из повседневного общения построены в традициях древнеанглийской культуры. Дж. Тинклер объясняет, что означают имена жителей Рохана и почему они им присваивались. Например, плохой советчик (Гнилоуст) называется *Grima, son of Galmod* (др.англ. *grima* «маска или призрак» и *galmod* «безнравственный»). Подобным образом анализируются топонимы, зоонимы (например, кличка лошади *Arod* (др.англ. *arod* «быстрый»)), хремотонимы (имя меча *Guthwine* – «друг в битве») [Tinkler, 1969]. Также ономастикон романа рассматривался в диссертационной работе В.М. Беренковой [Беренкова, 2007] и др.

Таким образом, исследователи отдельных лингвистических аспектов творчества Дж.Р.Р. Толкина более сосредоточены на анализе архаизмов в ономастиконе и поэтике трилогии и ранее попыток комплексного анализа архаичной лексики в романе не предпринималось. Это и обусловило новизну данного исследования, не получившую достаточного освещения.

Метод исследования в работе носит комплексный характер. Метод описания позволил дать характеристику архаичной лексике в романе «Властелин Колец: Братство Кольца», сделать выборку материала и провести анализ. Метод компонентного анализа выявил устаревшие лексемы и их семантику. Применялись также методы лексикографического и контекстуального анализа.

Многие авторы, которые используют в произведениях устаревшую лексику, традиционно работают в жанре исторического романа. При необходимости отдалить изображаемую эпоху от современной реальности автору приходится адаптировать язык произведения под язык прошлого. С целью создания более правдоподобного образа прошлой эпохи автор намеренно создает иллюзию дистанции времени. Условная стилизация в идеале, так же как и целостная, должна осуществляться языковыми средствами разных видов и разных уровней (иначе лексический уровень языка текста, например, будет контрастировать с синтаксическим уровнем, и правдоподобия, пусть даже относительного, автор добиться

не сможет). По мнению Е.Н. Мешалкиной, «при целостной стилизации автор всегда преследует задачу создания более достоверного языка эпохи описания и архаические языковые средства отбираются по возможности из средств эпохи описания (или близких к ней эпох) и употребляются в большем количестве, нежели при условной стилизации» [Мешалкина, 2008, с. 87].

Произведения Дж.Р.Р. Толкина относятся к жанру фэнтези, и по количеству используемых элементов в тексте мы можем говорить о целостной стилизации. Для придания вымышленной реальности колорита эпохи Средневековья автор насыщает прозу трилогии «Властелин колец: Братство кольца» многочисленными лексическими и грамматическими архаизмами, воспроизводит неторопливую обстоятельность повествования, характерную для идиостиля авторов англосаксонских эпических поэм. Следует отметить, что сам известный литератор рассуждал о трудностях исторической стилизации, связанной с лексикой, занимаясь переводом «Беовульфа», который впоследствии называл одним из своих самых ценных источников легендарного Средиземья. Дж.Р.Р. Толкин писал о том, что не стоит впадать в крайности и использовать слова только потому, что они относятся к устаревшим или вышедшим из употребления. Необходимо выбирать слова, насколько бы далеки от разговорной речи они не были, использующиеся в литературном языке, особенно в поэтическом, в среде образованных людей, но при этом надо уметь обходиться без пояснений. «Построение литературного языка при помощи архаичных и диалектных слов и образований или слов, использующихся в особых значениях, может не нравиться. Однако для этого есть особый повод: развитие языка понятного, но избавленного от тривиальных ассоциаций, наполненного воспоминаниями о добре и зле, является большим достижением, и люди, владеющие оным, чувствуют себя богаче, чем те, кто не обладает подобной традицией» [Толкин, 2004, с. 99].

В тексте философской сказочной эпопеи «Властелин колец: Братство кольца» национальный колорит создается автором не только географическими и этнографическими реалиями, включающими разнообразные топонимы и мифологические понятия, но и общественными и историческими реалиями, званиями, титулами и даже окказиональными пословицами и поговорками. В.В. Виноградов отмечает, что «временная историческая стилизация в оригинале может создаваться практически исключительно благодаря широкому использованию слов-реалий» [Виноградов, 1959, с. 543].

В комментариях к переводу «Беовульфа» Дж.Р.Р. Толкин отмечал, что «за словами стоят не просто образы, а ассоциации, призванные отразить мировоззрение описанной в тексте эпохи/культуры и создать контраст с современным миропониманием» [Tolkien, 2014, с. 57]. Поэтому в своей трилогии «Властелин колец: Братство кольца» при воссоздании эпохи Средневековья автор тщательно отбирал элементы архаизирующего языка, чтобы они не вступали в противоречие с теми идеями, которые выражены в тексте.

Результаты исследования. Арсенал средств, которые Дж.Р.Р. Толкин использует в своем произведении для стилизации эпохи, включает историзмы, устаревшую или устаревающую фразеологию, синтаксические средства и архаическую лексику, в которой выделяются собственно лексические архаизмы, лексико-семантические архаизмы, лексико-словообразовательные архаизмы, лексико-фонетические архаизмы и лексико-морфологические архаизмы [Соловьева, 2016, с. 26].

Анализ примеров из романа «Властелин колец: Братство кольца» начнем с самой многочисленной группы лексических архаизмов. В отрывке, описывающем воспоминания Гэндальфа о давно прошедшем путешествии, употребляется собственно-лексический архаизм *whither* (союз; нареч.), имеющий помету *уст.*, и в современном английском более употребителен его синоним *where* (куда): «To Gandalf the far-off memories of a journey long before were now of little help, but even in the gloom and despite all windings of the road he knew **whither** he wished to go, and he did not falter, as long as there was a path that led towards his goal» [Tolkien 2002, vol. I, p. 201].

Существительные *discomfiture* и *ward* могут рассматриваться как примеры использования лексико-семантических архаизмов. В предложении «I do not doubt that news of the **discomfiture** of the Riders has already reached him, and he will be filled with wrath» [Tolkien, 2002, vol. I, p. 133] рассказывается о плохих новостях, связанных со всадниками Саурона, которые потеряли своих коней во время переправы. Слово *discomfiture* в данном контексте употребляется в устаревшем значении – «полный разгром, поражение в бою». При этом у слова есть также значения «расстройство планов», «замешательство», которые актуальны в настоящий период.

Слово *ward* употребляется в современном английском в нескольких значениях: «административный район города», «внутренний дворик», «тюремная камера» и др. В представленном примере мы имеем дело с устаревшим обозначением охраны или караула: «They usually stood open and door **wards** sat here» [Tolkien, 2002, vol. I, p. 190].

Рассмотрим использование Дж.Р.Р. Толкином лексико-словообразовательных архаизмов в романе. В отрывке «And **yestereve** a new moon come again» [Tolkien, 2002, vol. II, p. 152] используется наречие *yestereve*, которое соответствует *yesterevening* (вчера вечером). В следующем отрывке «...and at **whiles** it seemed a heavy weight» [Tolkien, 2002, vol. I, p. 203] автор использовал лексико-словообразовательный архаизм *whiles*, который в настоящее время в активном словаре используется без флексии. В другом примере «...and afterwards a like dream came **oft** to him again, and once to me» [Tolkien, 2002, vol. I, p. 62] используется безаффиксальная форма наречия *often* – *oft*.

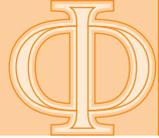
Рассматривая устаревшую лексику, нельзя не выделить архаизмы грамматические, или морфологические, к которым относится употребление устаревших форм слова. В произведении «Властелин колец: Братство кольца» достаточно частотно употребление устаревших форм причастия прошедшего времени и формы Past Simple глаголов. В качестве примера можно рассмотреть

следующий отрывок: «Only I hear the stones lament them: deep they delved us, fair they **wrought** us, high they **builded** us; but they are gone» [Tolkien, 2002, vol. I, p. 143], в котором используется устаревшая форма прошедшего неопределенного времени *wrought* от *work*; и *builded* от *build*. Примечательно, что в настоящее время парадигма спряжения глагола *build* образуется по правилам неправильных глаголов, а глагола *work* – по правилам правильных глаголов.

К средствам синтаксической архаизации, которые используются в романе «Властелин Кольца: Братство Кольца», можно отнести частое использование инверсивного порядка слов, что в утвердительных предложениях английского языка используется как стилистический прием эмоционально окрашенной речи. Нельзя также не учитывать того факта, что для среднеанглийского периода характерен обратный порядок слов в предложениях, начинающихся с обстоятельств, а в придаточных предложениях сказуемое оказывается в конце предложения [Аракин, 2007, с. 208]. В следующих отрывках примеры подобной инверсии можно встретить в прямой речи персонажей романа: «Only from Rohan now will any man run to us when we call» [Tolkien, 2002, vol. I, p. 62]; «Long yet will that march be delayed» [Tolkien, 2002, vol. II, p. 107]; «Lonely men are we, rangers of the wild, hunters...» [Tolkien, 2002, vol. I, p. 67]. Также для целостности повествования автор использует инверсию и в авторских описаниях: «Before them was another cavernous hall... Down the centre stalked a double line of towering pillars... Right across the floor, close to the feet of two huge pillars a great fissure had opened» [Tolkien (V. II), 2002, с. 20]. Как видно, в данном отрывке, описывающем один из огромных залов Мории, куда попали члены Братства, Дж.Р.П. Толкин использует синтаксическое построение, отличное от современной грамматической нормы, в чем проявляется индивидуальный стиль подлинного автора. Для сохранения правдоподобия своего замысла автор не только использует архаизирующий язык в эмоционально окрашенной речи персонажей, но и ведет на нем большую часть всего повествования для полноты отображения действительности. Такие синтаксические черты в сочетании с архаичной лексикой придают тексту возвышенность и поэтичность древнеанглийского фольклора.

Что касается историзмов, то их функция в произведении исключительно образительная, так как они используются для обозначения существовавших в прошлом реалий и не имеют синонимов в современном языке. Например, при описании специальных воинских доспехов участников похода автор использует историзм *corslet* (латы): «Bilbo had a **corslet** of mithril-rings that Thorin gave him» [Tolkien, 2002, vol. I, p. 214]. В следующем примере используется историзм *footpad* (разбойник): «So you know about our little **footpad**, do you?» [Tolkien, 2002, vol. II, p. 142].

Следует отметить, что использование автором романа историзмов целесообразно для погружения читателя в создаваемый им мир Средиземья, а их количество не перегружает повествование необходимостью делать многочисленные пояснения и ссылки.

При отборе фразеологических архаизмов Дж.Р.Р. Толкин учитывал как временной аспект сюжетной линии, так и стилистическую соотнесенность жанра фэнтези. Использование фразеологизмов в любом художественном тексте отражает творческую изобретательность писателя, так как, с одной стороны, они являются наиболее выразительными средствами создания образа автора через речь персонажей, а с другой – придают произведению аутентичность.

В предложении: «I was sent **to bear tidings not burdens**» [Tolkien, 2002, vol. I, p. 96], автор архаизирует известную идиому *to bear burdens* (нести бремя) добавляя устаревшее слово *tidings* (известия, новости, вести). Эта фраза принадлежит орлу Гвайхиру, который был послан передать новость о победе Голлума, но заметив Гэндальфа, заключенного на крыше башни, он отнес его в Эдорас. Таким образом, автор искусно обыграл известный фразеологизм: «Я был послан нести вести, а не бремя».

Следующий фразеологизм *plain as a pikestaff* (ясно как день) имеет в своем составе историзм *pikestaff* (древко пики, копьё): «‘**Plain as a pikestaff** it is’, but it’s no good Sam Gamgee putting in his spoke just now’» [Tolkien, 2002, vol. II, p. 168]. Это выражение Сэм Гэмджи произнес, наблюдая за мучительным выбором Фродо, касающемся разделения Братства Кольца. Для него самого решение было ясно как день.

Еще одно идиоматическое выражение *at someone’s bidding* (по поручению, по указанию кого-либо) имеет в составе лексико-семантический архаизм *to bid*, одно из устаревших значений которого «просить, приказывать»: «**At Aragorn’s bidding** they paddled now for long spells, and the banks went swiftly by» [Tolkien, 2002, vol. II, p. 143]. Так как Арагорн возглавлял Братство Кольца после падения Гэндальфа в пропасть, то и приказы отдавал он, откуда фраза – «по приказу Арагорна...».

Интересным примером использования устаревших лексико-грамматических явлений служит отрывок из романа, в котором Исилдур описывает свое решение сохранить захваченное в битве Кольцо Всевластья и какое роковое влияние оно оказывало на него: «*Yet even as I write it is cooled, and it **seemeth** to shrink, though it **loseth** neither its beauty nor its shape. Already the writing upon it, which at first was as clear as red flame, **fadeth** and is now only barely to be read... What evil it **saith** I do not know; but I trace here a copy of it, lest it fade beyond recall. The Ring **misseth**, maybe, the heat of Sauron’s hand, which was black and yet burned like fire, and so Gilgalad was destroyed; and maybe were the gold made hot again, the writing would be refreshed. But for my part I will risk no hurt to this thing: of all the works of Sauron the only fair. It is precious to me, though I buy it with great pain*» [Tolkien, 1954, p. 77].

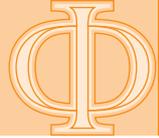
Архаический строй грамматики в представленном отрывке создается употреблением устаревшей формы третьего лица единственного числа у большинства глаголов: *seemeth* (вместо – seems); *loseth* (loses); *fadeth* (fades); *saith* (says); *misseth* (misses). Окончание -eth в третьем лице единственного числа считается более архаичным, чем форма второго лица единственного числа.

Синтаксис письма также отличается архаичностью и торжественностью. Например, предложения с инвертивными конструкциями: *What evil it saith I do not know; Yet even as I write it is cooled; and maybe were the gold made hot again; But for my part I will risk no hurt to this thing*; формы сослагательного наклонения: *and maybe were the gold made hot again, the writing would be refreshed; but I trace here a copy of it, lest it fade beyond recall. But for my part I will risk no hurt to this thing* [Tolkien, 2002, vol. I, p. 77].

Если остановиться подробнее на устаревшей форме сослагательного наклонения, то в тексте можно встретить Subjunctive I, употребление которого в повседневном использовании лимитировано текстами определенной стилистической направленности: «There lies our hope, if hope it **be**» [Tolkien, 2002, vol. I, p. 107], где глагол *to be* имеет форму *be* для всех лиц единственного и множественного числа.

Как показывают многие исследования, произведения, отмеченные архаическими чертами, зачастую приобретают характерный экспрессивно-стилистический колорит, что неизбежно придает фрагменту с использованием архаизмов возвышенное, даже немного помпезное звучание. Намеренно вводя в свои тексты архаичные языковые единицы, авторы художественных произведений используют их не только для придания повествованию торжественности, но иногда и для исторической стилизации ситуации. Именно поэтому статус архаизмов, которые часто употребляются в поэтической речи, был переосмыслен и они стали называться поэтизмами [Золотов, 2014]. Особенности поэзии Дж.Р. Толкина, представленной в романе «Властелин колец: Братство кольца» текстами песен, поэм и баллад, уже подвергались анализу ранее (В.Г. Зусман, В.А. Афанасьева [Зусман, Афанасьев, 2018]; А.В. Маркин, Е.А. Хорькова [Маркин, Хорькова, 2020] и др.), нам интересно рассмотреть поэтизмы в прозаическом повествовании. Поэтические слова составляют весьма незначительный пласт специальной литературной лексики. Это в основном архаичные или очень редко используемые высоколитературные слова, которые имеют целью произвести возвышенный эффект [Galperin, 1981, p. 70]. Сам автор так высказывается о них: «Для многих древнеанглийских поэтических слов в современном языке (естественно) просто не существует сходных по поэтике и мелодике аналогов: несущие отголоски древних времен, они пришли к нам из-за темных пределов северной истории» [Толкин, 2004, с. 92].

Достаточно частотно употребление поэтизмов и книжных слов в беседах персонажей, которые редко можно встретить в современной разговорной речи. Приведем несколько примеров: *plight* – сущ.; книжн. обязательство; *foe* – сущ.; поэт. враг, недоброжелатель, недруг; *wain* – сущ.; поэт. колесница; *fraught* – прил.; поэт. нагруженный, наполненный; *to gird* – гл.; книжн. подпоясываться, готовиться; *to wind* – гл.; книжн. играть на духовом инструменте, трубить, дудеть; *to tarry* – гл.; книжн. пребывать, проживать, медлить, мешкать; *to bend* – гл.; книжн. приложить силы, усилия; *to chant* – гл.; поэт. петь, воспевать.

Как уже отмечалось выше, чтобы придать высказыванию стилистическое единство, Дж.Р. Толкин выстраивает авторское повествование таким образом, что его порою трудно отделить от речевой характеристики персонажей. Для сравнения рассмотрим отрывок речи Гэндальфа, который содержит поэтизмы и книжные слова, выдержанные в том же стиле, что и следующий далее отрезок авторской речи, в котором описывается нарастание мощи Темного Лорда.

«If there turn to larwain be thought too dangerous, then flight to the Sea is now **fraught** with gravest **peril**» [Tolkien, 2002, vol. II, p. 106], где *peril* – сущ.; книжн. опасность; *fraught* – прил.; поэт. нагруженный, наполненный;

«From the havens of Harad ships of war put out to sea; and out of the East Men were moving endlessly: swordsmen, spearmen, bowmen upon horses, **chariots** of chieftains and **laden wains**» [Tolkien, 2002, vol. II, p. 179], где *chariot* – сущ.; ист.; поэт. колесница; *laden* – прил.; книжн. нагруженный, отягощенный; *wain* – сущ.; поэт. колесница.

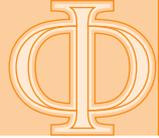
С точки зрения стилистической характеристики речи интересно отметить, что привычная читателю специфика разговорной речи в диалогах персонажей «Властелина колец» несколько приглушена. Герои романа, особенно в торжественных эпизодах, говорят между собой почти тем же возвышенным языком автора, каким ведется все повествование. Эти черты проявляются главным образом в монологах персонажей во время торжественных собраний и советов. Например, на Совете Элронда, когда каждый из действующих лиц (Глоин, Элронд, Боромир, Арагорн, Леголас и, наконец, Гэндальф) берет на себя роль рассказчика, чтобы выстроить хронологию пережитых ими событий. Изложение запутанной истории от лица разных персонажей превращается в многоголосую, практически не отделяемую друг от друга прозаическую балладу. Дж.Р.Р. Толкин умело вводит читателя в мир Средневековой героики, именно благодаря архаично-возвышенному стилю, включающему экспрессивный синтаксис, старинные и книжные слова, а иногда и авторские неологизмы.

Выводы. Современная тенденция изучения творчества конкретного писателя основана на принципе, согласно которому каждое отдельное произведение характеризует его индивидуальный художественный стиль, так как имеет определенные специфические черты. Проведенный анализ языкового материала позволяет отметить, что словарь идиостиля Дж.Р.Р. Толкина включает в большом количестве устаревшие лексические единицы, что является отличительной чертой его авторского стиля. В представленных отрывках наглядно видно, как писатель использует морфологические черты в сочетании с поэтической и архаической лексикой для моделирования изображаемого мира. Мотивированный отбор определенных языковых средств продиктован содержанием и жанром произведения и включает употребление архаизирующих синтаксических структур, всего спектра устаревшей лексики, поэтизмов, редких слов, а также авторских неологизмов.

Для произведений современных авторов характерно явление переосмысления устаревших слов. Процесс устаревания слова представляет собой сложное явление и поэтому может выступать как самостоятельный объект исследования языковедов. Использование устаревших и архаичных слов в художественной литературе нацелено, с одной стороны, на историческую стилизацию, а с другой – на усиление выразительности текста. Поэтому участие писателя в процессах перераспределения между активным и пассивным запасами лексического состава и умение заставить архаичную лексику служить индивидуализации авторской речи заслуживают самого пристального исследовательского внимания.

Библиографический список

1. Аракин В.Д. Очерки по истории английского языка / под ред. М.Д. Резвевой. М.: Физматлит, 2007. 288 с.
2. Беренкова В.М. Авторские новообразования и их функции в трилогии Дж.Р.П. Толкиена «Властелин колец»: в английском и русском текстах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.20. Майкоп, 2007. 189 с.
3. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
4. Воронцова Т.А. Элементарная стилистика: учеб.-метод. пособие / УдГУ. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2008. 130 с.
5. Ершова Г.М. Функционально-семантические особенности имен собственных в трилогии Джона Толкина «Властелин Колец» // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (32). С. 103–108.
6. Золотов С.П. Использование архаизмов для построения текстов художественных произведений // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: матер. Третьей студ. виртуал. науч. конф. / ГГТУ. Орехово-Зуево, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ggtu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1841%3A1-r&catid=29&Itemid=390 (дата обращения: 16.06.2021).
7. Зусман В.Г., Афанасьев В.А. Поэтика аллитерационных стихотворений в романе «Властелин Колец» Дж.Р.П. Толкиена // Филологический аспект. 2018. № 6 (38). С. 218–232 [Электронный ресурс]. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/poetika-alliteratsionnykh-stikhotvorenij-v-romane-vlastelin-kolets-dzhrr-tolkina.html> (дата обращения: 10.07.2021).
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 363 с.
9. Маркин А.В., Хорькова Е. Стихи в трилогии Дж.Р.П. Толкиена «Властелин колец»: историческая поэтика и поэтическая история // Известия Уральского федерального университета. 2020. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. Т. 26, № 2 (197). С. 89–99 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia1/article/view/4525> (дата обращения: 10.06.2021).
10. Мешалкина Е.Н. Стратегии исторической стилизации в художественном переводе: на материале англоязычной художественной литературы XVIII–XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20. М., 2008. 205 с.
11. Попова С.Н. Особенности стиля Дж.Р.П. Толкиена // Записки Горного института. 2008. Т. 175. С. 41 [Электронный ресурс]. URL: <https://pmi.spmi.ru/index.php/pmi/article/view/7343> (дата обращения: 12.02.2022).
12. Соловьева Н.С. Средства исторической стилизации в романе Ю. Германа «Россия молодая»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2016. С. 21–37.
13. Толкин Дж.Р.П. О переводе «Беовульфа» // Профессор и чудовища: эссе: пер. с англ., лат., др.-исл. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 91–109.

14. Comprehensive English-Russian dictionary ABBYY Lingvo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (дата обращения: 16.06.2021).
15. Galperin I.R. Stylistics = Стилистика английского языка. 3rd ed. М.: Vyšaja Škola, 1981. 334 p.
16. Irwin B.J. Archaic pronouns in «The Lord of the Rings» // Mythlore. 1987. Vol. 14, No. 1 (51). P. 46–47.
17. The American Heritage Dictionary of the English Language [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ahdictionary.com> (дата обращения: 12.07.2021).
18. Tinkler J. Old English in Rohan // Tolkien and the Critics. Essays on J.R.R. Tolkien's The Lord of the Rings / ed. by N.D. Isaacs & R.A. Zimbaro. University of Notre Dame Press. Notre Dame Lon-don First Paperback Edition, 1969. P. 164–169.
19. Tolkien J.R.R. Beowulf: A Translation and Commentary together with Sellic Spell. UK: Harper Collins, 2014. 425 p.
20. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring. Book II, vol. I / ком. Е.В. Гвоздиковой (на англ. яз.). М.: Рольф, 2002. 256 с. (Читаем в оригинале).
21. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring. Book II, vol. II / ком. Е.В. Гвоздиковой (на англ. яз.). М.: Рольф, 2002. 224 с. (Читаем в оригинале).
22. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring. UK: George Allen & Unwin, 1954. 423 p. [Электронный ресурс]. URL: https://ae-lib.org.ua/texts-c/tolkien__the_lord_of_the_rings_1__en.htm#2-01 (дата обращения: 26.06.2021).

Сведения об авторе

Берестнева Александра Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Адыгейский государственный университет (Майкоп); e-mail: beralex777@rambler.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-105>

ARCHAIC WORDS IN THE NOVEL “THE LORD OF THE RINGS: THE FELLOWSHIP OF THE RING” AS AN ELEMENT OF J.R.R TOLKIEN’S INDIVIDUAL STYLE

A.V. Berestneva (Maykop, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The vocabulary of a particular language is constantly updated, getting rid of redundant words, and simultaneously, enriching with new lexical units. The process of word obsolescence is a complex phenomenon, the result of which may be its gradual disappearance. Apart from sporadic cases of reactivation of passive vocabulary, most of the words from the obsolete vocabulary are gradually forgotten, eventually becoming completely incomprehensible to native speakers. Archaic words belong to the field of vocabulary, which is characterized by mobility and changeable sphere of use in any language. The most vivid manifestation of author’s style is in deviation from the literary norm of the language when the writer actively searches for the new linguistic forms or reinterprets archaic ones.

One of the urgent problems in modern linguistics is the writer’s influence on the language he uses as the most important element of his individual style. The language of a literary work as a way of conveying content, is not only correlated, but also connected with this content; the lexicon depends on the content and on the author’s attitude towards it.

The purpose of the article is to identify the role of archaisms in the formation of the individual J.R.R. Tolkien’s style on the example of the novel “The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring”.

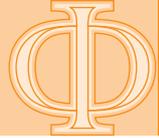
Methodology is as follows: method of linguistic description, component analysis method, methods of lexicographic and contextual analysis.

Conclusion. The modern trend of studying individual style of a writer is based on the principle that every literary work has certain specific features which characterize the writer’s style. The analysis of the language material reveals the fact that J. R. R. Tolkien’s individual style dictionary includes a large number of obsolete words as a hallmark of his individual style. The suggested passages clearly show how the writer uses morphological features in combination with poetic and archaic vocabulary to model the represented reality. The motivated selection of certain lexical units is dictated by the content and genre of the work and includes the use of archaizing syntactic structures, the entire spectrum of obsolete vocabulary, poetic words, author’s neologisms.

Keywords: *archaic words, obsolete words, poetic words, literary norm, individual style, historical stylization.*

References

1. Arakin V.D. Essays on the history of the English language / Ed. by M.D. Rezvetsova. Moscow: Fizmatlit, 2007. 288 p.
2. Berenkova V.M. Author’s new formations and their functions in the trilogy of J.R.R. Tolkien’s “Lord of the Rings”: in English and Russian texts: dis. ... cand. of philol. sciences: 10.02.01, 10.02.20. Maykop, 2007. 189 p.
3. Vinogradov V.V. On the language of fiction. Moscow: Goslitizdat, 1959. 656 p.
4. Vorontsova T.A. Elementary style: study method. textbook / UdGU. Izhevsk: Publishing House “Udmurt University”, 2008. 130 p.

5. Ershova G.M. Functional and semantic features of appointment in John Tolkien's trilogy "The Lord of the Rings" // Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical University. 2016. No. 4 (32). P. 103–108.
6. Zolotov S.P. The use of archaisms to build texts of works of art // Materials of the third student virtual scientific conference "Actual problems of linguistics and methods of teaching foreign languages" GSTU. 2014 [Electronic resource]. URL: https://www.ggtu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1841%3A-l-r&catid=29&Itemid=390 (access date: 16.06.2021).
7. Zusman V.G., Afanasiev V.A. Poetics of alliterative poems in the novel "The Lord of the Rings" by J.R.R. Tolkien // Philological aspect. 2018. No. 6 (38). P. 218–232 [Electronic resource]. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/poetika-alliteratsionnykh-stikhotvorenij-v-romane-vlastelin-kolets-dzhrr-tolkina.html> (access date: 10.07.2021).
8. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. Moscow: "Nauka", 1987. 363 p.
9. Markin A.V., Khorkova E.A. Poems in J.R.R. Tolkien's trilogy "The Lord of the Rings": historical poetics and poetic history // Bulletin of the Ural Federal University. 2020. Ser. 1: Problems of education, science and culture. T. 26, No. 2 (197). P. 89–99 [Electronic resource]. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia1/article/view/4525> (access date: 10.06.2021).
10. Meshalkina E.N. Strategies of historical stylization in literary translation: based on the material of English-language fiction of the 18th–20th centuries: dis. ... cand. of philol. sciences: 10.02.20. Moscow, 2008. 205 p.
11. Solovieva N.S. Means of historical stylization in Yu. German's novel "Young Russia": abstract of dis. ... cand. philol. sciences. Petrozavodsk, 2016. P. 21–37.
12. Popova S.N. // Journal of Mining Institute. 2008. Vol. 175. P. 1. [Electronic resource]. URL: <https://pmi.spmi.ru/index.php/pmi/article/view/7343> (access date: 12.02.2022).
13. Tolkien J.R.R. On the translation of "Beowulf" // The Professor and the monsters: Essay / trans. from English, Latin, other-Isl. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2004. P. 91–109.
14. Comprehensive English-Russian dictionary ABBYY Lingvo [Electronic resource]. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (access date: 16.06.2021).
15. Galperin I.R. Stylistics. 3rd ed. Moscow: Vyšaja Škola, 1981. 334 p.
16. Irwin B.J. Archaic pronouns in "The Lord of the Rings" // Mythlore. 1987. Vol. 14, No. 1 (51). P. 46–47.
17. The American Heritage Dictionary of the English Language [Electronic resource]. URL: <https://www.ahdictionary.com> (access date: 12.07.2021).
18. Tinkler J. Old English in Rohan // Tolkien and the Critics. Essays on J.R.R. Tolkien's The Lord of the Rings / Ed. by Neil D. Isaacs & Rose A. Zimbaro. University of Notre Dame Press. Notre Dame Lon-don First Paperback Edition, 1969. P. 164–169.
19. Tolkien J.R.R. Beowulf: A Translation and Commentary together with Sellic Spell. UK: Harper Collins, 2014 425 p.
20. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring. Book II, vol. I / Com. by E.V. Gvozdikova in English. Moscow: Rolf, 2002. 256 p. (Read in original).
21. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring. Book II, vol. II / Com. by E.V. Gvozdikova in English. Moscow: Rolf, 2002. 224 p. (Read in original).
22. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring. UK: George Allen & Unwin, 1954. 423 p. [Electronic resource]. URL: https://ae-lib.org.ua/texts-c/tolkien__the__lord__of__the__rings__1__en.htm#2-01 (access date: 26.06.2021).

About the author

Berestneva Aleksandra Valerievna – PhD (Philology), Associate Professor, English Philology Department, Adyghe State University (Maykop, Adyghe Republic, Russia); e-mail: beralex777@rambler.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-106>

УДК 81'23

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ КАК СУБЪЕКТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОГО ИМИДЖА ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА

О.В. Богуславская (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В центре внимания автора находится языковой имидж женщины-политика – один из самых интересных объектов политической лингвистики. Понятие языкового имиджа при этом трактуется достаточно широко, а интерес к соответствующей проблематике обусловлен не только антропоцентрической направленностью современной лингвистической науки, но и глобальным процессом медиатизации сфер человеческой жизнедеятельности. *Научную базу* в данном случае определяют труды, посвященные исследованию языковой личности. Лингвисты, в самых разных аспектах исследующие этот феномен, обращают внимание на коммуникативную составляющую публичного образа и ее языковую репрезентацию. На этом фоне заметен явный дефицит работ, посвященных временной актуализации политических текстов и ее имиджформирующему потенциалу; автор данной статьи формулирует данную проблему и предлагает пути ее разрешения. *Цель* данного исследования – выявить особенности субъективной составляющей языкового имиджа женщины-политика в контексте темпоральной актуализации. *Материалом* исследования послужили тексты публичных выступлений М. Захаровой, официального представителя МИДа, опубликованные в 2016–2018 гг. В работе использованы описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный *методы*, а также понятийный и методический инструментарий семантического синтаксиса.

В результате исследования определено, что большая часть выявленных модусных маркеров демонстрируют семантику настоящего времени, поскольку М. Захарова как субъект властной сферы личностно включена в ситуацию речи и с учетом тех полномочий, которыми наделена в данный момент, реализуется в актуальном настоящем. Второй темпоральный «акцент» сосредоточен на футуральной событийной перспективе. В последнем случае спикер, морально и эмоционально чувствующий себя ответственным не только за политическое настоящее, но и будущее, становится на речевую позицию «прогнозиста».

Вывод. На основе методов семантического анализа расширено представление о языковом содержании публичного политического имиджа. Одним из элементов, влияющих на него, является реализация категории темпоральности – использование тех временных рамок, в которые спикер «вставляет» описываемые политические события.

Ключевые слова: коммуникация, языковой имидж, женщина-политик, семантический синтаксис, диктум, модус, темпоральность, диагностирующее пятно.

Постановка проблемы. Языковой имидж имеет широкие понятийные границы и в течение нескольких десятилетий как объект научного и практического изучения представляет интерес для многих гуманитарных сфер знания: психологии, социологии, имиджелогии, рекламы, философии и политологии.

В последние годы имидж с учетом самых различных его составляющих все чаще анализируется в работах как российских, так и западных лингвистов. В современном языкознании интерес к проблематике коммуникативной составляющей языковой личности, методологическую базу которой заложил Ю.Н. Караулов [Караулов, 2010], обусловлен не только главной для гуманитарной науки антропоцентрической парадигмой, так называемой человекоцентричностью, но и глобальным процессом медиатизации социума. Активное участие в этом принимают публичные субъекты (спикеры), которые, активно проявляя себя в различных содержательных контекстах, усиливают, таким образом, влияние на медиатизацию речевой составляющей.

Как и все прочие гуманитарные сферы, политическая сфера общения, попав под влияние медиатизации, не только существенно расширяет свой содержательный контекст, но и обновляет коммуникативное пространство. В его границах пересматривается традиционный набор речевых масок и ролей, вводятся новые типы участников публичной сферы, а в ряду субъектов коммуникации упрочивает свои позиции женщина-политик, становясь полноправным участником властной деятельности.

Объектом анализа определен языковой имидж политика, а *целью* – выявление особенностей субъективной составляющей языкового имиджа женщины-политика в контексте темпоральной актуализации.

Тема языкового имиджа многоаспектна, находится на пересечении нескольких областей знаний, которые формируют *научную базу исследования*. Общий научный контекст в данном случае формирует теория языковой личности, основу которой заложили труды Ю.Н. Караулова [Караулов, 2010], а также исследования по лингвоперсонологии (подробный обзор см. в [Башкова, 2011]). Особого внимания в этом отношении заслуживает работа О.И. Иссерс [Иссерс, 2000], автор которой фокусирует внимание на коммуникативных особенностях портрета языковой личности. Отдельный блок, связанный с проблемой «язык и личность», составляют публикации, посвященные изучению языкового имиджа [Осетрова, 2016; Богуславская, 2016; Санароуа, Багуслауская, 2020], а также субъективной составляющей текстов политика [Богуславская, Осетрова, 2021]. Сделанные в них наблюдения учитывают общее понимание имиджа, утвердившееся в целом ряде трудов, опубликованных в конце XX – начале XXI в. [Браун, 2001; Почепцов, 1998].

Другим научным полем, на котором культивирован научный интерес автора статьи, является политическая лингвистика, представленная в работах Е. Шейгал [Шейгал, 2004], А.П. Чудинова [Чудинов, 2001], С. Тичер, Р. Водак [Тичер, Водак, 2009]. Интересы к актуальному политическому медиадискурсу и проблемам политического языка сосредоточены в трудах: [Bralczyk, 2013; Добросклонская, 2012; Ivanova et al., 2018; Чернявская, 2006; Cock et al., 2018; Balakhonskaya et al., 2018, 2019; Bull, Waddle, 2021; Moody, Eslami, 2020; Kotsur et al., 2020; Rice, Newman, 2018].

Методология (материалы и методы). Материалом исследования послужили расшифровки публичных выступлений Марии Захаровой, официального представителя Министерства иностранных дел России, опубликованные в 2016–2018 гг. В процессе их анализа использованы описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы лингвистического анализа, метод компонентного анализа [Алефиренко, 2009], кейс-метод [Леонтович, 2011], а также понятийный и методический инструментарий семантического синтаксиса. При проведении исследования использовались методы лингвистического описания (описательно-аналитический метод), сравнительно-сопоставительный а также метод семантического анализа. В последнем случае прежде всего имеются в виду положения, идеи и выводы, изложенные Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1976], Е.В. Падучевой [Падучева, 2004] и Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1995].

Результаты исследования. Теоретической основой семантического синтаксиса является представление об объективной составляющей содержания всякого высказывания, и шире текста (диктум), в ее соотношении с субъективной составляющей (модус). Это положение – с акцентом на его методическую реализацию – развивает Т.В. Шмелева в своем «Семантическом синтаксисе», говоря о том, что диктум представляет информацию о мире, обусловленную действительностью, а модус – информацию, исходящую непосредственно от автора. Как правило, диктумная часть в предложении выражена эксплицитно, а модусная – преимущественно имплицитно [Шмелева, 1995]. Однако такое соотношение семантических компонентов свойственно только тем типам высказываний и текстов, в которых автор, отдавая их пространство под описание некоего «объективного положения дел», почти не обнаруживает своего присутствия, не проявляя собственного, «авторского», отношения к происходящему.

В связи с этим интересно рассмотреть степень субъективного присутствия автора в политических текстах, которые преимущественно изучаются в аспекте их объективного содержания, репрезентированного через концептуальные понятия, ключевые слова, лозунги, модели прошлого, настоящего, будущего и др. Добавим к сказанному то, что традиционно интересы политической лингвистики сосредоточены на публичном образе и публичной речи политиков мужчин. Автор данного исследования, в противовес сказанному, помещает в центр собственного внимания женский имиджевый тип, учитывая следующие параметры: коммуникативная самостоятельность спикера; активность в публичном политическом пространстве; закрепленный политический статус; принадлежность к одной из ветвей власти, в данном случае – законодательной.

Следуя за логикой развертывания и составом модусных смыслов, установленных Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1995], автор исследования использует их в функции своеобразной «модусной сетки», последовательно накладывая ее на текстовый материал и анализируя наличие/отсутствие в нем определенного модусного маркера.

Результаты анализа. В ходе анализа публичных выступлений М. Захаровой с опорой на положение о так называемом «диагносцирующем пятне» [Николаева, 1991], в котором обоснована правомерность анализа лишь «социально выделенных» характеристик языкового объекта, выявлен один из значимых элементов языкового имиджа. Имеется в виду актуализация темпоральности, которая обусловлена в данном случае политическим контекстом.

Оговоримся, что общий состав актуализационных модусных категорий, к которым принадлежит и категория времени (темпоральность), намного шире. Он включает, кроме временной актуализации, еще три «позиции»: авторизацию, модальность и пространственную локализацию, выведенные в данном случае за рамки анализа.

Содержание темпоральности, которое обусловлено здесь политическим контекстом, одновременно является социально маркированной характеристикой языкового имиджа М. Захаровой.

В границах традиционных представлений о времени, соответствующих грамматической системе русского языка, выделяются будущее, настоящее и прошедшее время, каждое из которых использует и названный спикер.

В границах модели прошлого М. Захарова помещает: а) отчеты о «запланированных событиях»; б) новости о «прецедентных ситуациях», находящих свое выражение в событийных пропозициях действия; либо в) комментарии об «актуальном прошлом», связанном с обсуждаемой в данный момент ситуацией; ср. соответствующие примеры:

Девятого декабря в дружественной Армении прошли внеочередные парламентские выборы. На них работали российские наблюдатели – как в составе миссии БДИПЧ ОБСЕ, так и по линии СНГ. Депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации осуществляли мониторинг по линии Межпарламентской Ассамблеи СНГ, Парламентской ассамблеи ОБСЕ, Парламентского собрания Союза Беларуси и России (Брифинг МИД РФ (далее – Брифинг), декабрь, 2018);

Буквально на днях произошла очередная насильственная акция в отношении представителей российских соотечественников на Украине. В Полтаве сотрудники СБУ провели обыск у члена Всемирного координационного совета российских соотечественников, председателя Правления объединения «Русское содружество» С. Проваторова (Брифинг, декабрь, 2018);

Такие же заявления мы слышали от наших германских партнеров. Были и другие заявления на этот счет. Российской стороной уже было сказано, что в данном случае речь идет о необходимости постановки на место Киева теми странами, государствами и чиновниками, которые воодушевляли его на проводимую им политику на протяжении многих лет (Брифинг, апрель, 2017).

Однако в большей части публичных выступлений М. Захаровой репрезентированы модели настоящего или будущего.

Примерами актуализации спикером коммуникативных параметров настоящего времени могут стать следующие случаи:

Со своей стороны вновь призываем международное сообщество должным образом отреагировать на эту варварскую атаку (Брифинг, декабрь, 2018); Выражаем крайнее возмущение очередным ужесточением тюремного режима в отношении гражданки России М.В. Бутиной, арестованной в США минувшим летом по сфабрикованным обвинениям, которую мы квалифицируем как политическую заключенную (Брифинг, декабрь, 2018); Расцениваем действия американских властей в качестве средства давления на М.В. Бутину (Брифинг, декабрь, 2018); Расцениваем происходящее на Украине как очередной тревожный сигнал того, что ситуация в стране развивается по конфронтационному пути (Брифинг, декабрь, 2018); Киевское руководство продолжает «играть с огнем» (Брифинг, декабрь, 2018);

Комплекс вышеприведенных примеров наглядно демонстрирует, что факты, представленные в рамках настоящего времени, как правило: а) выражаются через событийные пропозиции речевых действий, семантика которых отсылает к тому или иному речевому жанру (в данном случае это призываем (призыв) и выражаем возмущение (возмущение)); б) квалифицируются с использованием логической пропозиции характеристики с ощутимой семантикой оценки (квалифицируем как заключенную; расцениваем в качестве средства давления... как тревожный сигнал); наконец, в) репрезентируют пропозиции социального действия (ситуация в стране развивается по конфронтационному пути; руководство продолжает «играть с огнем») также с большой долей оценочности.

Следует оговориться, что знак оценки меняется в зависимости от самого объекта оценки: если в данной позиции представлен недружественный участник политического процесса, тогда оценка отрицательная (см. примеры выше); если же в центре квалификации – Россия, представляющие ее субъекты либо дружественные участники, тогда предсказуема положительная характеристика; приведем следующие примеры: Российская Федерация последовательно выступает за соблюдение заложенных в Общем рамочном (Дейтонском) соглашении о мире в Боснии и Герцеговине 1995 г. базовых принципов, заключающихся в уважении суверенитета и территориальной целостности страны (Брифинг, октябрь, 2017); Успешно реализуем в рамках Конвенции о «негуманном» оружии и ее Дополнительного протокола II (ДП-2) наши подходы к противодействию минной угрозе (Брифинг, октябрь, 2017).

Специфицируя особенности текстов М. Захаровой, содержание которых обращено в будущее, отметим, что в большинстве случаев они представляют оценочность со знаком «плюс»; например: Второго – пятого декабря в рамках «Года волонтера», объявленного в России в 2018 г., в Москве пройдет Международный форум добровольцев с участием членов Правительства Российской Федерации, руководителей крупных некоммерческих объединений, представителей бизнес-сообщества и образовательных организаций» (Брифинг, ноябрь, 2018);

Третьего декабря состоится сессия «Мир: возможности для России», на которой планируется выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова, в котором будут затронуты вопросы участия России в международном сотрудничестве в сфере добровольчества – в целях консолидации усилий по реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., а также проекты, реализуемые совместно с Программой развития ООН и Программой добровольцев ООН, направленные на развитие волонтерства (Брифинг, ноябрь, 2018); К числу российских приоритетов, которые мы будем продвигать в ходе встречи в Милане, относятся задачи борьбы с терроризмом и наркоугрозой, сопряжения интеграционных процессов, защиты традиционных ценностей (Брифинг, ноябрь, 2018).

Тексты, приведенные выше, демонстрируют, что события, помещенные в модусную рамку будущего, представлены М. Захаровой в целом как положительные. Эта оценочность инкорпорирована в диктум языкового высказывания, квалифицирует тот или иной элемент его внутривербальной структуры (защита традиционных ценностей, устойчивое развитие, добровольцы и пр.). Такое положение оценочных смыслов позволяет предположить, что политическое будущее трактуется спикером как пространство, имеющее явную положительную перспективу.

В результате исследования сделан *вывод* о том, что большая часть выявленных модусных маркеров демонстрируют семантику настоящего времени, поскольку М. Захарова как субъект властной сферы лично включена в ситуацию речи и с учетом тех полномочий, которыми наделена в данный момент, реализуется в актуальном настоящем. Второй темпоральный «акцент», который делает спикер в публично исполняемых текстах, сосредоточен на футуральной событийной перспективе. В последнем случае спикер, морально и эмоционально чувствующий себя ответственным не только за политическое настоящее, но и будущее, становится на речевую позицию «прогнозиста».

Кроме того, на основе семантического анализа текстов выступлений М. Захаровой расширено представление о языковом содержании публичного политического имиджа. Одним из элементов, влияющих на имиджевый образ спикера, является реализация категории темпоральности – использование тех временных рамок, в которые он «вставляет» описываемые в тексте политические события.

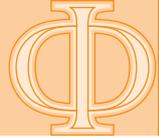
Список источников

1. Брифинги официального представителя МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/brifingi>

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 416 с. URL: https://www.studmed.ru/alefirenko-nf-sovremennye-problemy-nauki-o-yazyke_702e695c4fe.html
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/arutyнова/index.htm>

3. Башкова И.В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 472 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005023377>
4. Богуславская О.В. Речевой имидж политика-лидера (на русско-польском языковом материале) // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры: XII Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (11 ноября 2016, Краснодар). URL: <http://www.apriori-nauka.ru/electronic-arc/Clovo-Predlozhenie-Tekst-analiz-jazykovej-kultury/id/304>
5. Богуславская О.В., Осетрова Е.В. Субъективные составляющие языкового имиджа женщины-политика: ситуация социально-речевой деятельности // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2021. № 4 (58). С. 63–77. URL: <http://vestnik.kspu.ru/index.php/vestnik/article/view/397>. DOI: 10.25146/1995-0861-2021-58-4-304
6. Браун Л. Имидж. Путь к успеху. СПб.: Питер, 2001. 192 с. URL: <https://altairbook.com/books/949626-imidj---put-k-uspehu.html>
7. Добросклонская Т.Г. Язык политического медиадискурса Великобритании и США // Язык СМИ и политика. М.: Изд-во Московского университета. Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. 952 с. URL: <https://istina.msu.ru/collections/582793/>
8. Иссерс О.С. Коммуникативный портрет языковой личности (на примере писем Сергея Довлатова) // Русистика сегодня. 2000. № 1-4. С. 63–75.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
10. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2012-04-023-leontovich-o-a-metody-kommunikativnyh-issledovaniy-m-gnozis-2011-221-s>
11. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: доклады Всесоюзной научной конференции, 1991. Ч. 2 С. 73–75.
12. Осетрова Е.В. Языковой имидж: текстовая составляющая // Экспликация базовых ценностей этноса в речи и тексте: матер. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Красноярск, 17 ноября 2016 г. / отв. ред. А.Д. Васильев; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. С. 152–160. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28776119>
13. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с. URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf>
14. Почепцов Г.Г. Методы анализа текстов политических лидеров // Теория коммуникации. М.: Центр, 1998. С. 208–240. URL: <http://socium.ge/downloads/komunikaciisteoria/pochepcov-teoria-komunikacii.pdf>
15. Санароуа А., Багуслауская А. Политическая эластичность в формировании медиа-образов глав государств стран бывшего СССР в международном медиапространстве // Журналістыка – 2020: стан, праблемы і перспектывы: ма тэрыялы 22- й Міжнар. навук. -практ. канф., Мінск, 12–13 лістап. 2020 г. / Беларус. дзярж. ун т; рэдкал.: В.М. Самусевіч (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2020. 689 с. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/252333/1/429-432.pdf>
16. Тичер С., Водак Р. Методы анализа текста и дискурса: пер. с англ. Харьков: Гуманитарный Центр, 2009. 356 с. URL: https://socioline.ru/files/5/41/metody_analiza_teksta_i_diskursa.pdf
17. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с. URL: https://books.google.ru/books/about/Дискурс_власти_и_влас.html?id=GsjhAwAAQBAJ&redir_esc=y
18. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивные исследования политической метафоры: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/132622929.pdf>
19. Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с. URL: https://www.academia.edu/9556373/Шейгал_Политический_дискурс

20. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1995. 46 с. URL: <https://studfile.net/preview/4271626/>
21. Balakhonskaya L., Zhuravleva N., Beresneva I. Communication Strategy of Political Leader's Image Mythologization in Digital Space during the Course of Election Campaign: Comparative Aspect // IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop (ComSDS). 2019. DOI: 10.1109/COMSDS.2019.8709654
22. Balakhonskaya L., Zhuravleva N., Gladchenko I., Beresneva I. Political mythologization in a digital environment as a communicative strategy of candidate image formation during election period // 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop (ComSDS). 2018. DOI: 10.1109/COMSDS.2018.8354953
23. Bralczyk J. O języku propagandy i polityki. Warszawa: Wydawnictwo Trio, 2013. 352 s. URL: https://openlibrary.org/books/OL18566740M/O_języku_propagandy_i_polityki
24. Bull P., Waddle M. Emotionality in audience responses to political speeches // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25, No. 3. P. 611–627. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-611-627
25. Cock de B., González, Arias C. Reference to Self and Other i the Digital Public Sphere // Journal of Psycholinguistic Research. 2018. Vol. 47, No. 2. P. 343–354. DOI: 10.1007/s10936-017-9537-4
26. Ivanova S., Chanysheva Z. A word in the context of a cultural and historical universe: Some case studies from the US political discourse // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22, No. 4. P. 821–843. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-821-843
27. Kotsur V., Vilczynska I., Kotsur L. Actualization of Socio-Political Vocabulary in Everyday Discourse of the Subjects of Communication // Psycholinguistics. 2020. No. 28 (2). P. 82–98. DOI: 10.31470/2309-1797-2020-28-2-82-98
28. Moody S., Eslami R.Z. Political Discourse, Code-Switching, and Ideology // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24, No. 2. P. 325–343. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-325-343
29. Rice S., Newman J. A Corpus Investigation of English Cognition Verbs and their Effect on the Incipient Epistemization of Physical Activity Verbs // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22, No. 3. P. 560–580. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-560-580

Сведения об авторе

Богуславская Олеся Владимировна – старший преподаватель кафедры журналистики и литературоведения ИФиЯК, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: depp_lesya@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-106>

POLITICAL ACTUALIZATION OF TEMPORALITY AS A SUBJECTIVE COMPONENT OF THE LINGUISTIC IMAGE OF A FEMALE POLITICIAN

O.V. Boguslavskaya (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. This research work is focused on the analysis of the linguistic image of a female communicative type of politician, which has become one of the most attractive objects of study in recent decades. The term “linguistic image” is quite universal. The interest of modern linguistic science in the subject is explained not only by the leading anthropocentric paradigm, but also by the global process of human activities mediatization.

The purpose of the article is to reconstruct the subjective component of the linguistic image of a female politician in the context of temporal actualization.

Review of scientific literature on the problem. The wide range of works on the linguistic personality in general and the communicative component in particular reveals that the scope of researches related to the study of the time actualization component in the context of the modus categories of the female communicative type politician image is not sufficiently represented.

The methodology (materials and methods). The research work is based on the texts of public speeches by Maria Zakharova, a representative of the Ministry of Foreign Affairs, for the period of 2016-2018. The methods of linguistic description (descriptive-analytical method), relative-comparative method, as well as the method of semantic analysis are used in the work.

Research results. The semantic analysis of the texts of M. Zakharova’s public speeches revealed that one of the modus markers of the speaker’s public language images is the actualization of the temporality of a political event. It is interesting that for M. Zakharova the actual time periods in the structure of the traditional three-part time model are present and future time models.

Conclusion. The analysis of the modus meanings of M. Zakharova’s public texts showed that one of the temporal fields is the field of the present tense. It seems logical since the subject of the power sphere identifies with the situation of speaking at present and the powers he or she is actively executing at the moment. However, it is interesting that M. Zakharova chooses futural forms as the second temporal component in the temporal speech paradigm. In this form the speaker appears in the speech position of the “forecaster” as she acts as the authority responsible for the political present and future.

Keywords: *communication, semantic syntax, dictum, modus, language image, female politician, temporality, “diagnostic spot”.*

Source textes

1. Briefings by the official representative of the Russian Foreign Ministry. URL: <https://www.mid.ru/brifingi>

References

1. Alefirenko N.F. Modern problems of the science of language: textbook. 2nd ed. Moscow: Flinta: Nauka (Science), 2009. 416 p. URL: https://www.studmed.ru/alefirenko-nf-sovremennye-problemy-nauki-o-yazyke_702e695c4fe.html
2. Arutyunova N.D. The sentence and its meaning. Moscow: Nauka (Science), 1976. 383 p. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/arutynova/index.htm>

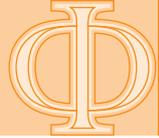

3. Bashkova I.V. The study of linguistic personality in modern Russian linguistics. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet (Siberian Federal University), 2011. 472 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005023377>
4. Boguslavskaya O.V. The speech image of a leader politician (on Russian-Polish language material) // XII Mezhdunarodnaya zaochnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Slovo. Predlozheniye. Text: analiz yazykovoy kultury" (XII International Correspondence Scientific and Practical Conference "Word. Sentence. Text: analysis of language culture" (November 11, 2016, Krasnodar). URL: <http://www.apriori-nauka.ru/electronic-arc/Clovo-Predlozhenie-Tekst-analiz-jazykovo-kultury/id/304>
5. Boguslavskaya O.V., Osetrova E.V. Subjective components of the linguistic image of a female politician: the situation of social and speech activity // Vestnik KGPU im. V.P. Astafieva (Bulletin of the State Pedagogical University after V.P. Astafiev). Krasnoyarsk, 2021. P. 63–78. URL: <http://vestnik.kspu.ru/index.php/vestnik/article/view/397>. DOI: 10.25146/1995-0861-2021-58-4-304
6. Brown L. Image. The path to success. St. Petersburg: Publishing house Peter., 2001 192 p. URL: <https://altairbook.com/books/949626-imidj---put-k-uspehu.html>
7. Dobrosklonskaya T.G. The language of the political media discourse of the UK and the USA // The language of the media and politics. Moscow: Moscow University Press. Faculty of Journalism of Moscow State University after M.V. Lomonosov, 2012. 952 p. URL: <https://istina.msu.ru/collections/582793/>
8. Issers O.S. Communicative portrait of a linguistic personality (on the example of Sergey Dovlatov's letters) // Rusistika segodnya (Russian Studies today). 2000. No. 1-4. P. 63–75.
9. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. 7th edition. Moscow: LKI Publishing House, 2010. 264 p.
10. Leontovich O.A. Methods of communicative research. Moscow: Gnosis, 2011. 224 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2012-04-023-leontovich-o-a-metody-kommunikativnyh-issledovaniy-m-gnozis-2011-221-s>
11. Nikolaeva T.M. "Sociolinguistic portrait" and methods of its description // Russian language and modernity. Problems and prospects of the development of Russian studies. Doklady Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii (Reports of the All-Union Scientific Conference), 1991. P. 2. P. 73–75.
12. Osetrova E.V. Language image: text component // Explication of the basic values of an ethnic group in speech and text: materials of scientific and practical conference with international participation, Krasnoyarsk, November 17, 2016 / Ed.: A.D. Vasiliev; Krasnoyarsk State Pedagogical University after V.P. Astafiev. Krasnoyarsk, 2016. P. 152–160. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28776119>
13. Paducheva E.V. Dynamic models in the semantics of vocabulary. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (Languages of Slavic culture), 2004. 608 p. URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/Text-Pdf1/PaduDinamMod2004.pdf>
14. Pocheptsov G.G. Methods of analysis of texts of political leaders // Teoriya kommunikatsii (Theory of communication). Moscow: Tsentr (Center), 1998. P. 208–240. URL: <http://socium.ge/downloads/komunikaciiteoria/pohepcov-teoria-komunikacii.pdf>
15. Sanaroua A., Baguslauskas A. Political elasticity in the formation of media images of supreme leaders of the former USSR countries in the international media space // Journalistyka – 2020: stan, prablemy i perspektivy: materyaly 22oy Mizhnar. navuk. -prakt. kanf., Minsk, 12–13 listap. 2020 / Belarus. dzyarzh. un t; redkal.: V. M. Samusevich (gal. ed.) [i insh.]. Minsk: BDU, 2020. 689 p. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/252333/1/429-432.pdf>
16. Ticher S., Vodak R. Methods of text and discourse analysis / Translated from English. Kharkov: Publishing House of the Humanitarian Center, 2009. 356 p. URL: https://socioline.ru/files/5/41/metody_analiza_teksta_i_diskursa.pdf

17. Chernyavskaya V.E. The discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence: textbook. Moscow: Flinta: Nauka (Science), 2006. 136 p. URL: https://books.google.ru/books/about/Дискурс_власти_и_влас.html?id=GsjhAwAAQBAJ&redir_esc=y
18. Chudinov A.P. Russia in the Metaphorical mirror: Cognitive studies of a political metaphor: monograph / Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg, 2001. 238 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/132622929.pdf>
19. Sheigal E. Semiotics of political discourse. Moscow: ITDGC “Gnosis”. 2004. 326 p. URL: https://www.academia.edu/9556373/Шейгал_Политический_дискурс
20. Shmeleva T.V. Semantic syntax. Krasnoyarsk, 1995. 46 p. URL: <https://studfile.net/preview/4271626/>
21. Balakhonskaya L., Zhuravleva N., Gladchenko I., Beresneva I. Political mythologization in a digital environment as a communicative strategy of candidate image formation during election period // 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop (ComSDS). 2018. DOI: 10.1109/COMSDS.2018.8354953
22. Balakhonskaya L., Zhuravleva N., Beresneva I. Communication Strategy of Political Leader’s Image Mythologization in Digital Space during the Course of Election Campaign: Comparative Aspect // IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop (ComSDS). 2019. DOI: 10.1109/COMSDS.2019.8709654
23. Bralczyk J. O języku propagandy i polityki. Warszawa: Wydawnictwo Trio, 2013. 352 s. URL: https://openlibrary.org/books/OL18566740M/O_języku_propagandy_i_polityki
24. Bull P., Waddle M. Emotionality in audience responses to political speeches // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25, No. 3. P. 611–627. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-611-627
25. Cock de B., González, Arias C. Reference to Self and Other in the Digital Public Sphere // Journal of Psycholinguistic Research. 2018. Vol. 47, No. 2. P. 343–354. DOI: 10.1007/s10936-017-9537-4
26. Ivanova S., Chanyshva Z. A word in the context of a cultural and historical universe: Some case studies from the US political discourse // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22, No. 4. P. 821–843. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-821-843
27. Kotsur V., Vilczynska I., Kotsur L. Actualization of Socio-Political Vocabulary in Everyday Discourse of the Subjects of Communication // Psycholinguistics. 2020. No. 28 (2). P. 82–98. DOI: 10.31470/2309-1797-2020-28-2-82-98
28. Moody S., Eslami R.Z. Political Discourse, Code-Switching and Ideology // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24, No. 2. P. 325–343. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-325-343
29. Rice S., Newman J.A. Corpus Investigation of English Cognition Verbs and their Effect on the Incipient Epistemization of Physical Activity Verbs // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22, No. 3. P. 560–580. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-560-580

About the author

Boguslavskaya Olesya Vladimirovna – Senior Lecturer, Department of Journalism and Literary Studies, School of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: depp_lesya@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-107>

УДК 81-114

НЕСКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ: МАГНЕТИЗМ ТЕМНЫХ СЛОВ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Проблемы, связанные с лексическими заимствованиями, неизменно вызывают интерес лингвистов. Вероятно, особенно привлекательны для изучения как возможные причины заимствований, так и их социокультурные последствия.

Поэтому насущным является изучение факторов, способствующих готовности языкового коллектива к безоговорочному принятию заимствований из англо-американского и их активному использованию.

Цель – социокультурный анализ заимствований, их семантический и прагматический статус в русском языке.

Для достижения цели использованы дискурсивный, лингвокультурологический и семантический *методы анализа*.

Результаты исследования. Одним из катализаторов вышеназванного бурного процесса является непроницаемость внутренней формы чужого слова для большинства носителей русского языка. Такие лексемы зачастую становятся зародышами новых мифов, канализируемых через СМИ и применяемых для манипуляций общественным сознанием.

Выводы. Сегодняшние черты процесса заимствований говорят об их близости к традиционной вербальной магии. Серьезным импульсом, поощряющим употребление англицизмов взамен семантически адекватных русских слов, выступают публичные речевые акты представителей российской правящей страты.

Ключевые слова: лексические заимствования, англицизмы, современная российская речекommunikативная ситуация, истоки притягательности заимствований, внутренняя форма слова, вербальная магия.

Постановка проблемы. Интерес к лексическим заимствованиям, имевший когда-то очевидно лишь прагматический характер, с течением времени не угасает. Об этом свидетельствует значительное число специальных лингвистических исследований. Наиболее информативны в научном отношении те из них, которые учитывают социокультурный аспект данной проблемы. Эта статья посвящена краткому обзору факторов и вероятных последствий вхождения иноязычных слов в язык-реципиент и их активного функционирования в речевой коммуникации¹.

¹ Конечно, в любом языке объективно имеется то или иное количество заимствованных слов; их можно дифференцировать на группы в зависимости от времени пребывания в языке-реципиенте, а значит, и степени освоенности. См. в диалоге персонажей пьесы: «Г р а д о б о е в <...> Уж тут его [турка] руками бери, сейчас *аман* кричит. К у р о с л е п о в <...>. Что же это он *аман* кричит, зачем? Г р а д о б о е в По-нашему сказать, **по-русски**: *пardon*» [Островский, 1972, с. 524]. Но здесь рассматривается другой аспект проблемы.

Наличие в массовом обороте множества англицизмов способно привести к парадоксальному выводу: для полноценного восприятия современной русской речи необходимо хорошее знание англо-американского лексикона. Правда, официально, кажется, такая лингводидактика еще не декларируется в системе образования, однако довольно актуальна применительно к российской ситуации.

Получается также, что многие англицизмы обозначают нечто, для именования чего якобы совершенно нет адекватных русских именований. Это приводит к умалению и даже отрицанию действительных ресурсов родного языка и сакрализации чужого (в данном случае – английского).

Стоит напомнить хотя бы некоторые дефиниции слова как понятийно-содержательной единицы языка, весьма важные для более глубокого понимания рассматриваемой тематики. «Слова суть символы <...>. Слова суть вспыхивающие в сознании монограммы бытия» [Булгаков², 1953, с. 26, 30]. – «Слова <...> как аббревиатуры или представители высказывания, мировоззрения, точки зрения и т.п.» [Бахтин³, 1986, с. 316]. «Слово – тот же текст, только обработанный, скомпрессированный и включенный в язык» [Руделев⁴, 1995, с. 3]. – «За словом и за его смыслом всегда стоит нечто большее – коллективный опыт народа, его дух...» [Трубачев⁵, 2004, с. 154].

Таким образом, слово, представляемое цитируемыми авторами в разных ипостасях (слово – символ, слово – аббревиатура мировоззрения, слово – сжатый текст, слово – носитель национальной ментальности), для осуществления успешной речевой коммуникации может – и должно быть – осмыслено, не в последнюю очередь посредством правильного понимания его внутренней формы.

К этому понятию неоднократно обращался А.А. Потебня, варьируя и уточняя его наполнение. Ср., например: «*Внутренняя форма* слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня, 1976, с. 115]. – «В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» [Там же]. – «Внутренняя форма – ближайшее этимологическое значение слова» [Потебня, 1976, с. 175].

С другой стороны, парадоксальным, на первый взгляд, может показаться то, что заимствования способны становиться зернами мифотворчества. Но это логично согласуется с положениями вербальной магии: именно непонятные слова завораживают адресата.

Цель исследования – социокультурный анализ заимствований, их семантический и прагматический статус в русском языке.

² Булгаков С.Н. *Философия имени*. Paris, 1953. 230 с.

³ Бахтин М.М. *Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества*. М., 1986. С. 297–325.

⁴ Руделев В.Г. *Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм*. Харьков, 1991. Вып. 1, ч. I. С. 70–72.

⁵ Трубачев О.Н. *Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового единства славян*. М., 2004. 224 с.

Для достижения поставленной цели использованы дискурсивный, лингвокультурологический и семантический *методы анализа*.

Результаты исследования. Непроницаемость внутренней формы выступает важнейшим критерием магического ореола слова, иначе говоря – непонимание его семантики значительным числом речедейателей придает ему в их глазах чарующую притягательность. Между прочим, в качестве непонятных фигурируют генетически различные лексемы: кроме иноязычных заимствований, это вполне могут быть также и аббревиатуры, и звукоподражания, и искусственно (т.е. без необходимости именовать какие-либо реалии) сконструированные звукобуквенные комплексы, и фонетические искажения существующих лексических единиц, и другие агнонимы.

Приведем некоторые беллетристические иллюстрации. «Глухо стала ворчать она [панночка-ведьма] и начала выговаривать мертвыми устами с т р а ш н ы е слова; хрипло вспыхивали они, как клокотанье кипящей смолы. Что значили они, того не мог бы сказать он. Философ в страхе понял, что она творила заклинания» [Гоголь⁶, 1952, с. 185]. Герой Н.С. Лескова обращает татар в православие, устроив фейерверк и прокричав «к а к и е п о п а л о н е з н а к о м ы е с л о в а <...>: парле-бьен-комса-шире-мир-ферфлюхтурмин-адью-мусью!» [Лесков, 1951, с. 190–191]. Ср. также монолог привидевшегося купчихе в кошмарном сне «жупела» (он «карапузик, весь в темной шерсти, с большим животом, с козлиными кривыми ногами, голова баранья... ртище громадный... изо рта пламя с дымом»): «Геенна! геенна огненная!.. Кимвалы... Синедрион!.. Цимбалы!.. Архитектура!.. Кафедра!.. Кедр ливанский!..» [Билибин, 1982, с. 63–64]. Или: «Бабка <...> ударила его по спине колдовским веником: Шíлцы-вíлцы-цýгорцы-ходíлцы!» [Шишков, 1961, с. 289] и т.п.

Ср. теоретизированное обоснование логики «заумного языка»: «...Заговоры и заклинания так называемой волшебной речи, священный язык язычества, эти „шагадам, магадам, выгадам, пиц, пац, пацу“ – суть вереницы набора слогов, в котором рассудок не может дать себе отчета <...>. Между тем этим непонятным словам приписывается наибольшая власть над человеком...» [Хлебников⁷, 1986, с. 633–634].

Несколько позднее в русском языке активизируется создание аббревиатур для обозначения учреждений нового государства – советского. Некоторые (если не многие) современники усматривали в таких конструктах явные черты вербальной магии. Ср.: «*Чека, цик, ревком* и огромная масса других, не менее диких сочетаний, совершенно невразумительных для непосвященных <...>. Нельзя взять в руки газету или брошюру последнего времени, прочесть объявление или вывеску, чтобы не натолкнуться на десяток, а то и сотню подобных магических слов» [Баранников⁸, 1919, с. 77] – и: «... Теперь “куются” совсем новые слова, <...> все

⁶ Гоголь Н.В. Вий // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1952. Т. 2. С. 153–192.

⁷ Хлебников В. О стихах // Хлебников В. Творения. М.: Советский писатель, 1986. С. 633–635.

⁸ Баранников А. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы // Ученые записки Самарского ун-та. 1919. Вып. 2. С. 64–80.

эти богомерзкие *совдепы*, *викжели* <...> и под. <...>. Образуется целое облако таких мертвых слов-ларв, вампиров, которые сосут кровь языка и служат черной их магии» [Булгаков⁹, 1953, с. 32]¹⁰.

Кроме того, этот период ознаменовался также введением в оборот множества заимствованных слов, понимание семантики которых было недопустимо огромному большинству тогдашних носителей русского языка (см. описания подобных ситуаций: [Булгаков, 1989, с. 520–523; Зоценко, 1986, с. 264–266; Маяковский, 1957, с. 66–67; Замятин, 1989, с. 452–460], а также об этом: [Васильев, 2020, т. 1, с. 122–124; 2021, с. 125–127]). Таким образом, речедеятели, использующие один и тот же национальный язык, были фактически разграничены на две неравные макрогруппы: первая (меньшая), знавшая значения слов нового прагматикона и утверждавшая их применением новую (свою) власть, – и вторая (гораздо бóльшая), остававшаяся в неведении, а потому – в статусе пассивного объекта речевых манипуляций.

Несмотря на очевидные тематические различия собственно магических слов (заклинаний и проч.) и обретших такой статус советских новообразований и заимствований, отчетливо наблюдается типологическое сходство между ними (отсутствие понимания семантики широкой аудиторией), а также их трансляторами, воспринимаемыми массой адресатов как носители сакрального (или инфернального) знания.

Но то же самое в значительной степени следует отнести и к сегодняшним заимствованиям и их проводникам.

Нередка авторитетность адресантов – или, может быть, культивируемая пропагандой аура их персон, обуславливаемая их высоким статусом в социальной иерархии, а потому обеспечивающая их коммуникативным актам некую эталонность в восприятии всех прочих и их не вполне осознанное стремление к имитации речевых фрагментов властителей. Такой образ вербального поведения позволял и позволяет многим представителям низших страт словесно мимикрировать, имитируя лояльность к начальствующему слою, то есть близость к нише «своих».

В некогда хрестоматийной заметке говорилось, в частности: «Русский язык мы [!] портим. Иностранные слова употребляем без надобности» [Ленин, 1976, с. 380] – очевидно, указывалось на форму публичных выступлений тогдашних вождей и трибунов разных рангов.

Однако и сегодня подобные черты устойчиво присутствуют в речах российских *топ-менеджеров*, начиная с вершины вертикали власти, например: «Убежден, при наличии воли мы можем восстановить эффективность системы международных и региональных институтов. Тут даже не надо что-либо строить полностью, с нуля, это не “*гринфилд*”»¹¹. – «Мы будем делать упор на льготирование

⁹ Булгаков С.Н. *Философия имени*. Paris, 1953. 230 с.

¹⁰ И в послесоветский период аббревиация используется широко, ср.: Центризбирком (ЦИК), РАН, МВД, МЧС, РПЦ...

¹¹ В.В. Путин. Заседание клуба «Валдай» 21.10.14. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860>

бизнеса [на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири], имея в виду работу в рамках проектов, которые начинаются с нуля, так называемые *гринфилды...*» [Там же] (интересно, что в первом случае предпринимается попытка косвенной семантизации заимствования, а во втором, кроме пояснительной перифразы, оно сопровождается рефлексивом. Кроме того, пример № 2 любопытен и как пример передачи значения исконно русского словосочетания посредством англицизма). Такое словоупотребление поддерживается речевыми актами и других элитариев: «Мы оказались в стане стран, которые проигрывают, в стане стран-*дауншифтеров*»¹². – «Экономику Российской Федерации надо вывести из состояния *стэндбай*»¹³.

Благоговейное отношение к заимствованиям, утверждаемое подобными высказываниями-камертонами, явно напоминает о почитании «особенного такого “сло́ва”, которое “хоть из какой хошь трущобы тебе лошадь вывезет!”» [Салтыков-Щедрин, 1976, с. 246]. Можно увидеть некое сходство между кучером-чародеем, знающим магически спасительное «слово», – и державными кормчими, демонстрирующими владение лексикой, которая содержит (предположительно) некое сакральное знание, способное волшебным образом облагодетельствовать страну.

Допустимо предполагать, что приливы лексических заимствований из определенного языка, сопровождающие усиление его позиций как экзогенного для какого-либо социума, в определенной степени могут быть сопоставимы с подобными процессами совсем иного исторического периода, знаменуемого воздействием другого иностранного языка на тот же автохтонный. Причем в том и другом случаях следует говорить также и о синхронной чужеземной экспансии.

Сравним в этом отношении Петровскую эпоху и хронологически примыкающий к ней XVIII в. – и настоящее время.

Обратим прежде всего внимание на то, что на рубеже XVII–XVIII вв. в русский язык активно притекают западноевропейские лексические единицы (латинские, немецкие, голландские) научной, технической, военной, административной сферы, реже – бытовой [История..., 1981, с. 59; и др.]. Это слова, необходимые, как правило, для именования новых реалий, вызванных к жизни почти всесторонним реформированием русской промышленности, армии, государства, а также явной секуляризацией социума. Лингвистически «самым ярким показателем влияния иноязычных западных слов в Петровскую эпоху является, конечно, их фразеологическая активность и то, что к ним часто предпочтительно обращаются, пренебрегая их точными русскими смысловыми соответствиями» [Сорокин, 1965, с. 44]. Таким образом, и изучение современных западных языков, и заимствования их лексических элементов выступают как орудия создания новой страны, укрепления ее потенциала и совершенствования государственного аппарата (см. также: [Ковалевская, 1978, с. 155–162]) – об этом свидетельствует и состав тематических групп заимствованных слов [Там же].

¹² Г. Греф на гайдаровском форуме (Россия-24. 15.03.16).

¹³ Д. Медведев (Россия-24. 26.04.16).

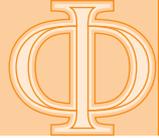
Однако спустя непродолжительное время ситуация резко меняется: дворянская верхушка русского общества (впрочем, как и других европейских стран [Биржакова, 1981, с. 104]) оказывается охваченной галломанией. Теперь предпочтительным становится хотя бы фрагментарное знание французского языка и малооправданное использование его в речевой коммуникации. Отсюда происходят чрезвычайно важные социокультурные последствия. Во-первых, языковая дифференциация порождает почти совершенную взаимную изоляцию разных страт социума, то есть подрывает единство нации, и так уже классово разобщенной. Во-вторых, галломания транслировала чужекультурные и иноментальные идеи и настроения, тем самым отвращая ее приверженцев от российской действительности (см.: [Ключевский, 1990, т. IX, с. 37–38]). Лавинообразное же заимствование слов (также французских) тематически охватывает преимущественно сферу досуга аристократии: веяния моды в одежде, парфюмерия и косметика, театр и кулинария, светская жизнь и литература и т.п. Насыщение речи многих дворян макаронизмами приводит к хрестоматийному «смешению языков: французского с нижегородским» [Грибоедов, 1964, с. 25].

Владение французским языком в России надолго становится прочным свидетельством принадлежности к элите, как и употребление лексико-фразеологических галлицизмов.

Обратимся теперь к современному периоду русского языка. Последние тридцать лет в России также чрезвычайно насыщены радикальными реформами, плавно переходящими в некую конвенциональную «стабильность». Это время характеризуется в том числе и скачкообразным повышением интереса к изучению английского языка, и заметным наплывом англоязычных лексических заимствований (см. об этом: [Васильев, 2020, с. 97–141; и др.]). Сегодняшняя англomania «уважаемых россиян», имеющая к тому же явный америкofильский оттенок, конечно, не случайна, поскольку определяется характером всеобъемлющих преобразований, их движущими силами и ориентирами.

Что касается тематической сферы новейших англицизмов, то, судя по некоторым источникам, среди них незначительно количество принадлежащих промышленному производству, но много таких, которые относятся к потребительским нуждам и вкусам: массовой культуре и шоу-бизнесу, формам проведения досуга (особенно молодежного), продуктам питания, бытовой технике, предметам одежды и личной гигиены (например: [Скляревская, 2001, с. XI–XII]; за время, прошедшее с момента издания этого словаря, число заимствований из английского чрезвычайно возросло).

Стоит отметить также, что, подобно давно минувшим эпохам, отмеченным галломанией как признаком аристократизма и противопоставления высшей страты русского общества его низшим слоям, сегодняшний отечественный социум тоже дифференцируется и на классовой, и на лингвоментальной основе (сосуществуют, почти не соприкасаясь, «элита» – и прочее «население»).

Причем активное употребление англицизмов позволяет многим речедеятелям и сигнализировать адресатам о собственном предположительном владении «престижным» языком, и демонстрировать свою принадлежность если не собственно к элите, то, по крайней мере, к «продвинутым» гражданам (которые *в тренде*).

Кроме того, скорость, с которой ранее распространялись заимствования, несопоставима с сегодняшней: благодаря техническому совершенствованию СМИ, чужезычные слова входят в сознание огромной аудитории мгновенно и одновременно, окончательно выхолащивая рудименты русской ментальности [Колесов, 2004, с. 203; и др.].

Совокупность новейших заимствований формирует принципиально новую языковую картину мира, заполненную представлениями, привносимыми извне. Давно замечено, что иногда такие слова играют роль эвфемизмов (*рэкетиры, киллер, киднеппинг* и т.п.). К подобным случаям относятся *чайлд-фри* (свободные от детей), *харассмент* (сексуальное домогательство)¹⁴, *трэш-стимер* (хулиган) и др.

Если в российской школе *буллинг* (травля) какого-то ученика достигает критической точки, то этот подросток (которого именуют *колумбайнером*) берет в руки оружие и устраивает *шутинг* (стрельбу) по соученикам. То есть: *шутинг* – это вроде бы и массовое убийство, но не совсем. А может быть, и совсем не убийство?

Следует обратить внимание на социокультурные импульсы, которые несут в себе многие заимствования, – и их вряд ли можно назвать благодетельными для принимающего этносоциума.

Например, *чайлд-фри* – вектор замедленного самоуничтожения для государствообразующего народа, *харассмент* – политкорректное сведение до нуля естественных отношений между полами, *тьюторы* и *коучи* (наставники и тренеры) – откровенные шарлатаны, наживающиеся на манипуляциях чужим сознанием, *блогеры* и *тик-токеры* – безответственные болтуны-тунеядцы и т.п.

Много ли в *бойфренде* от «любимого» – большой вопрос.

И действительно ли жизненно необходимы *абьюзер, лузер, хейтер, пранк, бэкграунд, шэйминг, аутсорсинг, мониторинг, скрининг* и мн. под.? Или же все-таки при незначительном умственном напряжении можно найти семантически точные русские соответствия?

Обилие маловнятных и притом магически притягательных англицизмов вместе с официальным речевым потоком образует вербальную декорацию псевдосоциума, в целом не имеющего реальных перспектив из-за отсутствия сколь-нибудь разумных аксиологических ориентиров. Современная имитация духовной жизни (за которую обычно выдают демонстративную воцерковленность) до некоторой степени напоминает существование русского дворянства второй половины XVIII в., когда «пустоту общежития наполняли громкими чужими словами» [Ключевский¹⁵, 1989, т. V, с. 148], – с той разницей, что теперь подобная имитация осмысленности бытия распространена чрезвычайно широко.

¹⁴Замечательно высказывание по поводу этой модной темы известной депутатки: «До меня никто не домагивался».

¹⁵Ключевский В.О. Курс русской истории: соч. в 9 т. М., 1989. Т. V. 476 с.

Предпочтения «своему» «чужого», то есть импортной продукции и иностранного языка, издавна характерны для представителей российских общественных слоев [Васильев, 2020, т. 1, с. 122–141] и имеют серьезные этносоциокультурные последствия. Глубоко справедливо суждение: «Народ и язык – единица неразделимая. Народ – язык, язык – народ» [Срезневский, 1986, с. 106]. Нигилистическое отношение к языку является вместе с тем и уничижительной оценкой этноса – его творца и носителя. Поскольку же избыточные англицизмы активно употребляются современными российскими «элитариями» и широко тиражируются через СМИ, то становится довольно сомнительным сколько-нибудь заметный эффект от массивованного насаждения казенного как бы патриотизма¹⁶: макаронические речевые потоки ему противостоят, выступая естественным компонентом «новорусского скверноязыка» [Фролов, 2005, с. 310–312].

Этому способствует и популяризация исключения интеллектуальной составляющей из социального оборота (см. российские «юмористические» телепередачи, замешенные на примитивных вульгаризмах с явным русофобским оттенком). Отсюда – неумение и нежелание коммуникантов затруднять себя подбором семантически точных слов родного языка и стремление к их замене заимствованиями.

Выводы. Таким образом, одним из катализаторов вышеназванного бурного процесса является непроницаемость внутренней формы чужого слова для большинства носителей русского языка. Такие лексемы зачастую становятся зародышами новых мифов, канализируемых через СМИ и применяемых для манипуляций общественным сознанием.

Сегодняшние черты процесса заимствований говорят об их близости к традиционной вербальной магии. Серьезным импульсом, поощряющим употребление англицизмов взамен семантически адекватных русских слов, выступают публичные речевые акты представителей российской правящей страты.

Лингвисты, которые не усматривают в лавинообразном натиске ничего негативного для лингвоментального облика этносоциума, либо лукавят, либо не вникают в суть проблемы.

Библиографический список

1. Билибин В.В. Сновидения // Писатели чеховской поры: в 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 62–65.
2. Биржакова Е.Э. Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 96–129.
3. Булгаков М.А. Они хотят свою образованность показать... // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1989. Т. 2. С. 520–523.
4. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: в 2 т. Красноярск, 2020. Т. 1. 368 с.

¹⁶ Самая заметная черта этого пропагандистского конструкта – склонность к избирательному присвоению и прославлению былых грандиозных свершений совсем иного государства, достигнутых под руководством тогдашней правящей партии и ее деятелей, к тому же – вовсе не под триколором (победа в Великой Отечественной, полет Ю.А. Гагарина и под.).

5. Васильев А.Д. Векторы экзогенных лингвосоциокультурных влияний (на материале произведений И.С. Тургенева) // Сибирский филологический форум. 2020. № 2. С. 96–107.
6. Васильев А.Д. Освоение языка автохтонного и языка экзогенного: потребности естественные и искусственные // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2021. № 1 (55). С. 113–121.
7. Грибоедов А.С. Горе от ума. Л., 1964. С. 3–122.
8. Замятин Е.И. Слово предоставляется товарищу Чурьгину // Замятин Е.И. Избранные произведения. М., 1989. С. 452–460.
9. Зоценко М.М. Обезьяний язык // Зоценко М.М. Собр. соч.: в 3 т. Л., 1986. Т. 1. С. 264–266.
10. История лексики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX века. М., 1981. 376 с.
11. Ключевский В.О. Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М., 1990. Т. IX. С. 28–55.
12. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М., 1978. 384 с.
13. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 240 с.
14. Ленин В.И. Об очистке русского языка // Ленин В.И. Сборник произведений. М., 1976. С. 380.
15. Лесков Н.С. Очарованный странник // Лесков Н.С. Рассказы и повести. М., 1951. С. 133–288.
16. Маяковский В.В. О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1957. Т. 4. С. 64–66.
17. Островский А.Н. Горячее сердце // Островский А.Н. Избранные пьесы: в 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 501–582.
18. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35–220.
19. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа ташкентцы // Салтыков-Щедрин М.Е. Избранное. М., 1976. С. 207–250.
20. Складаревская Г.Н. Предисловие // Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М., 2001. С. V–XXV.
21. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30–90-е гг. XIX века). М.; Л., 1965. 566 с.
22. Срезневский И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте // Срезневский И.И. Русское слово. М., 1986. С. 103–161.
23. Фролов Н.К. Новорусский сквернояз и экология языка // Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию. Тюмень, 2005. Т. 1. С. 310–312.
24. Шишков В.Я. Журавли // Шишков В.Я. Собр. соч.: в 8 т. М., 1961. Т. 2. С. 282–296.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-107>

SHAMELESS CHARM OF ANGLICISMS: MAGNETISM OF OBSCURE WORDS

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Problems related to lexical borrowings invariably arouse the interest of linguists. Probably, both the possible reasons for borrowing and their socio-cultural consequences are particularly attractive for studying. Therefore, it is urgent to study the factors contributing to the readiness of the language community to unconditionally accept borrowings from the Anglo-American and their active use.

The purpose of the article is a socio-cultural analysis of borrowings, their semantic and pragmatic status in the Russian language.

To achieve the goal, discursive, linguoculturological and semantic *methods of analysis* were used.

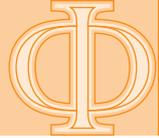
Research results. One of the catalysts of the above-mentioned turbulent process is the impenetrability of the internal form of a foreign word for most native speakers of the Russian language. Such lexemes often become the germs of new myths channeled through the media and used to manipulate public consciousness.

Conclusions. Today's features of the borrowing process speak of their proximity to traditional verbal magic. Public speech of representatives of the Russian ruling stratum act as a serious impulse encouraging the use of Anglicisms instead of semantically adequate Russian words.

Keywords: *lexical borrowings, anglicisms, modern Russian communication situation, origins of the attraction of borrowings, internal form of a word, verbal magic.*

References

1. Bilibin V.V. Dreams // Writers of the Chekhov era: in 2 vols. M., 1982. Vol. 1. P. 62–65.
2. Birzhakova E.E. The Dandies and the dandyish jargon in the Russian comedy of the XVIII century // The language of Russian writers of the XVIII century. L., 1981. P. 96–129.
3. Bulgakov M.A. They want to show their education... // Bulgakov M.A. Sobr. op.: in 5 vol. M., 1989. Vol. 2. P. 520–523.
4. Vasilyev A.D. Variable expressions of universal oppositions. In 2 vol. Krasnoyarsk, 2020. Vol. 1. 368 p.
5. Vasilyev A.D. linguosociocultural Vectors of exogenous influences (based on the works of I.S. Turgenev) // Siberian philological forum. 2020. No. 2. P. 96–107.
6. Vasilyev A.D. the Development of indigenous language and language exogenous: the needs of the natural and the artificial // Vestnik kgPu V.P. Astafiev. 2021. No. 1 (55). P. 113–121.
7. Griboyedov A.S. Woe from wit. L., 1964. P. 3–122.
8. Zamyatin E.I. floor comrade Turygino // Zamyatin E.I. Selected works. M., 1989. P. 452–460.
9. Zoshchenko M.M. Monkey language // M.M. Zoshchenko. Sobr. op. In 3 vol. M., 1986. Vol. 1. P. 264–266.
10. The history of the vocabulary of the Russian literary language of the late XVIII – early XIX century. M., 1981. 376 p.
11. Klyuchevsky V.O. Remembrance of N.I. Novikov and his time // Klyuchevsky V.O. Op. In 9 vol. IX. M., 1990. P. 28–55.
12. Kovalevskaya E.G. History of the Russian literary language. M., 1978. 384 p.

13. Kolesov V.V. Language and mentality. St. Petersburg, 2004. 240 p.
14. Lenin V.I. On cleaning the Russian language // Lenin V.I. Collected works. M., 1976. P. 380.
15. Leskov N. With. The enchanted wanderer // Leskov N. With. Stories and novels. M., 1951. P. 133–288.
16. Mayakovsky V.V. About “fiasco”, “the apogee” and other unknown things // Mayakovsky Vladimir is Full. coll. op. In 13 vol. M., 1957. Vol. 4. P. 64–66.
17. Ostrovsky A.N. Hot heart // Ostrovsky A.N. Selected plays. In 2 vol. M., 1972. Vol. 1. P. 501–582.
18. Potebnya A.A. Thought and language // A.A. Potebnya. Aesthetics and poetics. M., 1976. P. 35–220.
19. Saltykov-Shchedrin M.E. gentlemen of Tashkent // Saltykov-Shchedrin M.E. favourites. M., 1976. P. 207–250.
20. Sklyarevskaya G.N. Preface // Explanatory dictionary of the modern Russian language. Language changes of the end of the XX century. M., 2001. P. V–XXV.
21. Sorokin Yu.S. Development of the vocabulary of the Russian literary language (30s–90s of the XIX century). M.; L., 1965. 566 p.
22. Sreznevsky I.I. About the study of the native language in general and especially in childhood // Sreznevsky I.I. Russkoe slovo. M., 1986. P. 103–161.
23. Frolov N.K. The New Russian foul language and the ecology of language // Frolov N.K. Selected works on linguistics. Tyumen, 2005. Vol. 1. P. 310–312.
24. Shishkov V.Ya. Zhuravli // Shishkov V.Ya. Sobr. op. In 8 vol. M., 1961. Vol. 2. P. 282–296.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – Doctor of Philology, professor of the Department of the of general linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-108>

УДК 808.51

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА КОМПОЗИЦИИ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕЙ А.Ф. КОНИ

И.В. Пекарская (Абакан, Россия)

Е.А. Шпомер (Абакан, Россия)

Аннотация

Статья посвящена описанию лингвоперсонологической специфики композиции обвинительных речей знаменитого судебного оратора А.Ф. Кони. Актуальность рассматриваемой проблемы связана с тем, что познание именно этого рода красноречия помогает молодым специалистам приобрести необходимые знания в создании защитных или обвинительных воздействующих речей.

Целью настоящей статьи является представление попытки выявления и сравнения особенностей композиционной организации судебных обвинительных речей названного оратора.

Сегодня активно развиваются такие дисциплины, как лингвоперсонология, прагмалингвистика, психолингвистика, поэтому многие исследователи обращают внимание на языковые и коммуникативные личности, в том числе имеются работы, посвященные изучению речей А.Ф. Кони (Л.И. Тимофеева, З.В. Баишева, О.В. Демидов, С.А. Колесников и др.). Однако в данных научных трудах наблюдается лишь лингвостилистический анализ отдельно взятых выступлений или описание особенностей нарратива. В настоящей же статье представлен сравнительный анализ композиции двух прагматически значимых речей А.Ф. Кони, который проводился в рамках описательного метода во всех его реализациях.

Анализ показал, что, несмотря на различия в построении двух обвинительных речей, оба выступления отличаются безупречной логичностью изложения, убедительной и тщательно продуманной аргументацией, построенной на объективном рассмотрении доказательств и мастерском анализе психологического состояния участников процессов.

Ключевые слова: лингвоперсонология, судебный дискурс, обвинительная речь, воздействие, композиция.

Постановка проблемы. Изучение судебной риторики представляется актуальным сегодня, так как познание именно этого рода красноречия помогает молодым специалистам приобрести необходимые знания в создании защитных или обвинительных воздействующих речей. Нельзя не согласиться с Цицероном: чтобы человек мог развиваться профессионально, ему нужно «указать образец для подражания, и пусть начинающий всеми силами стремится уловить все лучшее, что есть в этом образце» [цит. по: Аристотель, 1998, с. 762].

Сегодня активно развиваются такие дисциплины, как лингвоперсонология, прагмалингвистика, психолингвистика, поэтому многие исследователи обращают внимание на языковые и коммуникативные личности, в том числе имеются работы, посвященные изучению речей А.Ф. Кони (см., например, [Тимофеева, 2015; Баишева, 2004а; 2004б; 2007; 2010; Демидов, 1999; Князькова, 2007;

Колесников, 2015; 2016; 2018; Плотникова, 2001; Катышев, Князькова, 2006; Артемова, 2008]). Однако в данных научных трудах наблюдается лишь лингвостилистический анализ отдельно взятых выступлений или описание особенностей нарратива.

Целью настоящей статьи является представление попытки выявления и сравнения особенностей композиционной организации судебных обвинительных речей «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» и «По делу об убийстве статского советника Рыжова» знаменитого оратора XIX в. А.Ф. Кони, чьи выступления до сих пор являются эталоном эффективного и воздействующего на публику слова. Выбор указанных речей обусловлен тем, что, несмотря на практически совпадающие временные рамки, они отличаются композиционно в связи с различными коммуникативными ситуациями, в которых произносились. Речи ярко характеризуют отношение оратора как к личностям подсудимых, так и к условиям, которые подтолкнули их к совершению преступления.

Методология. Анализ речей проводился в рамках описательного метода во всех его реализациях: наблюдение с целью сбора материала, связанного со спецификой композиции обвинительных речей А.Ф. Кони, обобщение (анализ, синтез) для выявления сходств и различий в композиции анализируемых речей, интерпретация текстов судебного дискурса для фиксации особенностей лингвоперсонологического представления авторской позиции.

Нельзя не согласиться с З.В. Баишевой в том, что «А.Ф. Кони воплощает в себе все черты судебного оратора, соответствующего русскому речевому идеалу» [Баишева, 2007, с. 4]», представляя собой объективную, компетентную, эрудированную языковую личность, мастерски владеющую всем коммуникативным потенциалом воздействия.

Представим композиционные анализы речей «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» и «По делу об убийстве статского советника Рыжова», а далее – их сравнительную характеристику.

Результаты исследования

Композиционный анализ речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем». Речь состоит из трех традиционных частей (вступления, основной части и заключения).

Вступление, будучи лаконичным (7 предложений), начинается с обращения к судьям и присяжным с целью установить с ними контакт и привлечь их внимание. А.Ф. Кони, по нашему мнению, выбирает искусственное начало, так как во вступлении затрагивает философский вопрос, напрямую не связанный с основной темой: оратор говорит о делах разной сложности, которые приходится рассматривать суду. Одни из них – простые, так как все участники процесса искренни в своих показаниях, следовательно, истину установить достаточно легко. Другие – сложные из-за путаных, туманных, противоречивых сведений, предоставляемых свидетелями, которые сознательно недоговаривают и уклоняются

от прямого ответа. Далее А.Ф. Кони обосновывает смысловую связь между этим вступлением и основной частью речи, отмечая, что рассматриваемое дело, без сомнения, относится ко второй категории и потребует от судей беспристрастного и внимательного анализа каждой детали.

Основная часть объемна, так как А.Ф. Кони детально анализирует каждый факт, стараясь не упустить даже самый на первый взгляд незначительный, ведь именно он может опровергнуть позицию оппонента. Поэтому, по справедливому замечанию З.В. Баишевой, его выступления являются, как правило, объемными, но не содержащими ничего лишнего [Баишева, 2006, с. 103]. К.К. Арсеньев также в свое время говорил об умении А.Ф. Кони последовательно анализировать все имеющиеся в деле факты ради нахождения истины [Арсеньев, 1992, с. 7].

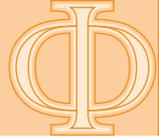
Подобное последовательное построение речи является показателем ее принадлежности к русской риторике, а именно стратегии «накапливания», о которой Г.Г. Хазагеров и Е.Е. Корнилова пишут следующее: «Подходя к теме с разных сторон, используя разные виды доводов, демонстрируя собственную уверенность и не обнаруживая излишней суетности, оратор постепенно наращивает уверенность в правильности защищаемой им модели» [Хазагеров, Корнилова, 2018, с. 116].

В основной части речи А.Ф. Кони освещает следующие аспекты.

1. *Изложение фактических обстоятельств дела.* Основную часть обвинительной речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» оратор начинает следующим образом: «Я не стану напоминать вам обстоятельства настоящего дела; они слишком несложны для того, чтобы повторять их в подробности» [Кони, 1989, с. 49]. Однако далее он коротко информирует слушателей о случившемся: банщик Емельянов вскоре после свадьбы избил студента и был арестован. На следующий день тело его жены было найдено в реке Ждановке. Помощник пристава решил, что это было самоубийство из-за поступка мужа, поэтому уголовное дело заводить не стали. Но вскоре среди жителей стали распространяться слухи о том, что именно Емельянов убил свою жену, и основу этим слухам положила Аграфена Сурина.

А.Ф. Кони подчеркивает важность показаний Суриной, сопровождая свое высказывание *оценкой личности ключевой свидетельницы*: «<...> личность ее не производит симпатичного впечатления и <...> вне обстоятельств дела, сама по себе, она едва ли привлекла бы к себе наше сочувствие» [Кони, 1989, с. 49]. Несмотря на это, оратор считает, что отрицательное впечатление от Суриной не должно помешать присутствующим вычленив из ее показаний существенные детали, которые помогут выяснить истину.

2. *Анализ и оценка доказательств* начинается с определения достоверности показаний А. Суриной. При этом А.Ф. Кони ставит перед аудиторией еще один вопрос о том, какие показания могут считаться достоверными, а какие ложными. Рассуждая, он приходит к выводу о том, что истинными будут те свидетельства, которые даны не по принуждению и без стремления сознательно навредить кому-либо, а также подкрепляются обстоятельствами дела.

Далее оратор поочередно и достаточно подробно рассматривает каждый факт, каждое свидетельское показание, выделяя ряд «условий» виновности Емельянова. Причем следует отметить, что при аргументации А.Ф. Кони активно использует вопросно-ответный ход, начиная характеристику большинства условий именно с него: «Существует ли первое условие в показаниях Аграфены Суриной?»; «Обращаюсь ко второму условию: может ли показание это иметь своею исключительною целью коварное желание набросить преступную тень на Егора, погубить его?»; «подтверждается ли [показание] бытовою обстановкою действующих лиц?»; «Как же тут утопиться?»; «Но, может быть, это убийство, совершенное Аграфеной Суриной, как намекает на это подсудимый?»; «Зачем он вызвал Аграфену, идя на убийство?». Вопросно-ответный ход является эффективным приемом и помогает оратору убедить слушателей в правильности своей точки зрения, имитируя включенность аудитории в общение, создавая впечатление того, что присутствующие рассуждают вместе с оратором.

Еще одним видом аргументации, часто применяемом А.Ф. Кони в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» является доказательство от противного: оратор заявляет тезис и доказывает его несостоятельность. Например: «Нам могут возразить против показаний Суриной, что смерть Лукерьи могла произойти от самоубийства или же сама Сурина могла убить ее. Обратимся к разбору этих могущих быть возражений» [Кони, 1989, с. 55]. Далее оратор убедительно доказывает ложность этой позиции, основываясь на точных измерительных данных («9 шагов», «под углом 45°», «через 25 минут по выходе из дома и минут через 10 после того, что было им совершено, по словам Суриной», «человек может задохнуться в течение двух-трех минут»), логических умозаключениях («природа сама выстирает платье утопленницы», «В воду “бросаются”, а не ищут такого места, где бы надо было “входить” в воду, почти как по ступенькам»), противоречиях в показаниях свидетелей («один говорит, что он засажен в часть в сапогах, другой говорит – босиком; один показывает, что он был в сюртуке, другой – в чуйке»). Подобным образом А.Ф. Кони анализирует каждое условие виновности Емельянова в убийстве жены и убеждает аудиторию в своей правоте.

В рамках блока «анализ и оценка доказательств» в анализируемой речи наблюдается присутствие четырех типов убеждения: информирование (объективно освещаются произошедшие события), разъяснение (как повествование, так и рассуждение), доказательство (детальный анализ всех фактов, показывающий несомненную правильность позиции обвинения), опровержение (ложных показаний подсудимого).

3. *Основание правовой квалификации* как отдельный блок в речи отсутствует, данную информацию мы находим в двух предложениях, завершающих основную часть речи: «<...> обвинение против подсудимого имеет достаточные основания. Поэтому я обвиняю его в том, что, возненавидев свою жену и вступив в связь с другою женщиною, он завел жену ночью на речку Ждановку и там утопил» [Кони, 1989, с. 62].

4. Сведения о личности (подсудимого, пострадавшей, свидетельницы) расположены в середине речи, в рамках блока «Анализ и оценка доказательств», так как в данном случае характеристика личностей участников процесса является доказательством вины подсудимого.

Сначала А.Ф. Кони описывает личность Емельянова и аморальный образ жизни, который он вел с 16 лет, став банщиком: «средства к жизни добываются не тяжелым и честным трудом, а тем, что он угождает посетителям»; «его постоянно окружают картины самого беззастенчивого проявления половой страсти»; «Характер твердый, решительный, смелый» «с товарищами живет <...> не в ладу, нет дня, чтобы не ссорился»; «никому спускать не любит»; «человек, не очень останавливающийся в своих порывах»; «не особенно нежный»; «обращавшийся со своею любовницею “как палач”»; «человек, привыкший властвовать и повелевать теми, кто ему покоряется, чуждающийся товарищей, самолюбивый, непьющий, точный и аккуратный». Данная детальная характеристика личности подсудимого помогает аудитории составить представление об этом человеке и предположить, на какие деяния он способен.

А.Ф. Кони, подводя итог описанию характера Емельянова, замечает, что «это характер сосредоточенный, сильный и твердый, но разившийся в дурной обстановке, которая ему никаких сдерживающих начал дать не могла». Эта ремарка может быть включена в следующий блок судебной речи, а именно в 5-й.

5. Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления. Далее оратор характеризует личности Емельяновой и Суриной, строя свое высказывание на их противопоставлении: Емельянова – «невысокого роста, толстая, белокурая, флегматичная, молчаливая и терпеливая <...> тихая, покорная, вялая и скучная»; Сурина – «бойка <...> за словом в карман не лезет <...>, очень живого, веселого характера, энергическая, своего не уступит даром, у нее черные глаза, румяные щеки, черные волосы». Этим сравнением двух женщин, столь различных как во внешности, так и в типе темперамента, А.Ф. Кони показывает, почему Емельянов, будучи сильным и решительным человеком, испытал желание избавиться от скучной жены ради Суриной.

Следует отметить, что в анализируемой речи блоки «Сведения о личности» и «Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления» тесно переплетены: описывая личности подсудимого, пострадавшей и свидетельницы, А.Ф. Кони доказывает, что именно их качества характера подталкивают Емельянова к совершению преступления.

6. Мнение о мере наказания содержится в последнем предложении, завершающем речь: «<...> подсудимый услышит из ваших уст приговор, конечно, менее строгий, но, без сомнения, более справедливый чем тот, который он сам произнес над своею женою». Это значит, что А.Ф. Кони просит не смертной казни для Емельянова, а длительного тюремного заключения. Отметим, что присяжные вынесли обвинительный приговор, осужденный был лишен всех прав и на восемь лет отправлен на каторгу.

Заключение речи, как и вступление, лаконично (4 предложения). В нем оратор вновь отмечает сложность данного дела (таким образом, можно говорить о кольцевой композиции речи), дает отрицательную оценку действиям Емельянова и выражает уверенность в том, что присяжные вынесут строгий и справедливый приговор.

Таким образом, речь «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» трехчастна, однако имеет некоторые отклонения от стандартного расположения материала в основной части судебной речи: «Основание правовой квалификации» кратко представлено в заключении речи; блоки «Сведения о личности» и «Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления» контаминируются и продолжают друг друга.

Вся аргументация односторонняя, оратор не освещает слабые моменты позиции, которую предлагает, так как уверен в ее правильности и справедливости.

А.Ф. Кони при доказывании своей позиции использует все три вида аргументации: логос (убеждение с помощью точных данных, логических умозаключений), этос (отвержение, осуждение «дела ужасного», которое совершил Емельянов) и пафос (апелляция к эмоциям слушателей с помощью вопросно-ответных ходов, обращений, оценочных высказываний).

Композиционный анализ речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова». Речь «По делу об убийстве статского советника Рыжова» [Кони, 1967, с. 108–134] имеет трехчастную композицию: вступление, основную часть и заключение.

Вступление короткое (4 предложения), начинается с обращения к судьям и присяжным (для установления с ними контакта) и посвящено слежующему. «*Изложение фактических обстоятельств дела*»: оратор напоминает присутствующим о том, что, где и когда произошло. Таким образом, начало данной речи является естественным. Однако А.Ф. Кони вносит во вступление эмоции, акцентируя внимание аудитории на том, что четверо детей осиротели после убийства отца близким семье человеком.

1. *Изложение фактических обстоятельств дела* продолжается в основной части речи, открывая ее. Оратор подчеркивает, что существенные обстоятельства рассматриваемого преступления просты, поэтому он не считает нужным обращаться к ним снова, но есть важные детали («побочные обстоятельства»), на которые нужно обратить пристальное внимание, так как они «заслоняют простые и ясные очертания» дела, осложняя его. Этот блок завершается перечислением трех ключевых моментов в позиции защиты, которые А.Ф. Кони собирается опровергать в своей речи, так как они ложны: во-первых, попытку выдать подсудимого Шляхтина за человека, не владеющего собой («большого»); во-вторых, стремление адвоката заставить присяжных усомниться в правдивости показаний трех главных свидетельниц (жены погибшего, воспитательницы детей и кормилицы); в-третьих, намеренное уничтожение личности убитого в желании представить его аморальным человеком).

2. *Анализ и оценка доказательств.* Данный блок представляет собой детальный разбор показаний трех ключевых свидетельниц, причем А.Ф. Кони сразу отмечает различие в их эмоциональном состоянии, что объясняет некоторую несхожесть в восприятии ситуации.

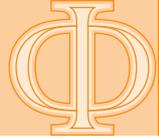
Поведение вдовы естественно, слова ее могут показаться чересчур трагичными и наигранными, но, по мнению оратора, женщина, «совершенно растерзанная и убитая горем, вся целиком поглощенная несчастьем, ее постигшим» [Кони, 1967, с. 110], именно так и должна себя вести, поэтому он всецело доверяет ее показаниям. А.Ф. Кони выдвигает тезис о том, что «положение ее поистине ужасно» [Кони, 1967, с. 110]. Далее следует ряд аргументов, доказывающих его: во-первых, со смертью мужа женщина лишилась единственной поддержки и будет вынуждена воспитывать четверых детей в одиночку; во-вторых, убийцей оказался ее брат, поэтому вдова оказалась перед нелегким выбором между памятью о муже и сохранением жизни брата. Причем А.Ф. Кони предлагает присяжным поставить себя на место Рыжовой и предположить свое поведение в сложившейся ситуации. Оба этих аргумента, по нашему мнению, относятся к пафосу, так как они формируют эмоциональный настрой аудитории.

Истинность показаний Гора, воспитательницы детей, по мнению А.Ф. Кони, тоже не вызывает сомнений, хотя защита хочет представить их в качестве ложных и данных по сговору с вдовой. Более того, адвокат настаивает на том, что Гора, испытывая неприязнь к Шляхтину, намеренно старается его очернить. А.Ф. Кони логично опровергает оба данных тезиса: во-первых, женщина не была близка семье, поэтому «безучастно относится к произошедшему» [Кони, 1967, с. 110], кроме того, она не поменяла показаний, полученных от нее сразу после преступления; во-вторых, плохие отношения со Шляхтиным не помешали Горе бесплатно заниматься с его ребенком, «она работала даром» [Кони, 1967, с. 119–120]. Не может быть причиной к желанию отомстить Шляхтину и оскорбленное самолюбие воспитательницы, так как, по замечанию оратора, гувернантки в России в силу профессии привыкают к оскорблениям и презрительному отношению. А.Ф. Кони опровергает и тезис защиты о том, что Гора могла оклеветать Шляхтина, так как применяет по отношению к детям телесное наказание. Это, по мнению оратора, может быть свидетельством того, что она не профессионал своего дела, но совершенно не имеет отношения к рассматриваемому преступлению. Данная цепочка логических умозаключений (логос) убеждает аудиторию в том, что показания воспитательницы правдивы.

Анализ показаний Прокофьевой является самым лаконичным: А.Ф. Кони лишь утверждает, что она полностью подтверждает слова двух других свидетельниц и ей нельзя не верить вследствие того, что по характеру кормилица простодушна, наивна и проста (пафос).

Далее А.Ф. Кони переходит к следующему блоку.

3. *Сведения о личности потерпевшего и подсудимого.* Он характеризует Рыжова, затем Шляхтина.

Говоря о Рыжове, оратор подчеркивает, что показания всех свидетелей подтверждают нравственную чистоту его личности. А.Ф. Кони с легкостью ставит под сомнение слова Лохвицкого, который утверждает, что Рыжов «был человек очень пристрастный к женщинам» [Кони, 1967, с. 122]. Во-первых, Лохницкий не уточняет, когда Рыжов вел себя подобным образом (до или после свадьбы) (логос); во-вторых, А.Ф. Кони выражает уверенность в том, что даже если подобные минутные увлечения имели место, это не лишает «его права на уважение», не делает его «неспособным на благородные и нравственные поступки» [Кони, 1967, с. 114] (наблюдается явное одобрение действий Рыжова со стороны оратора – этос).

А.Ф. Кони опровергает и мнение Лохвицкого о том, что Рыжов «искал с охотой командировок» [Кони, 1967, с.122], желая меньше находиться в кругу семьи и исполнять свои обязанности. Аргументируя свои слова, оратор вновь обращается к логосу – подчеркивает, что Лохницкий не знаком с сущностью профессии чиновника особых поручений Министерства государственных имуществ, которая требовала от Рыжова «постоянных разъездов и ревизий опытных и сведущих лиц» [Кони, 1967, с. 123]. Далее логос сменяется на пафос: оратор акцентирует внимание на том, что такой энергичный, деятельный человек, как Рыжов, не мог оставаться в стороне и испытывал желание приносить пользу обществу своей деятельностью.

Подводя итог, А.Ф. Кони дает следующую характеристику потерпевшему: глубоко честный, справедливый, строгий (как к себе, так и к окружающим), искренний, готовый к самопожертвованию. Все это, без сомнения, является достоинствами. Резкость, грубость и вспыльчивость Рыжова оратор объясняет его смелостью, настойчивостью и желанием всегда говорить людям правду (даже тем, кто выше него по социальному статусу).

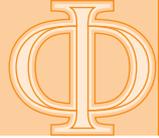
Характеризуя Шляхтина, А.Ф. Кони ссылается на показания экспертов и считает их точными, научными, не вызывающими сомнений. Проведенные экспертизы показали, что подсудимый – нервный, раздражительный, впечатлительный, однако «владеющий здравым смыслом», «обыкновенный», «нормальный» [Кони, 1967, с. 123]. Данный тезис оратор аргументирует размышлением о различии в душевном состоянии городских и деревенских жителей, утверждая следующее: «У всех нас нервы не в порядке, у всех они натянуты, как струны, и звучат сильнее, нежели у жителей деревни, близких к природе» [Кони, 1967, с. 124]. Утверждение о том, что Шляхтина к преступлению подтолкнуло его нервное состояние, по мнению А.Ф. Кони, не может служить оправданием его поступка, ведь городской житель всегда более скептичен и склонен к анализу, чем деревенский, а данные приобретенные качества характера помогают горожанам «охлаждать порывы» (логос + пафос [частотное употребление личного местоимения «мы» заставляет аудиторию «спроектировать» ситуацию на себя и согласиться с мнением оратора]).

Далее А.Ф. Кони предполагает, что защита может ему возразить, указав на подавленный вид Шляхтина после убийства. Однако оратор уверен в том, что подобное душевное состояние является не оправданием, а лишь основанием «видеть в Шляхтине человека, еще не погибшего нравственно, а лишь падшего» [Кони, 1967, с. 125], но, без сомнения, здорового, почувствовавшего страх от содеянного (пафос [формирование эмоционального настроения аудитории] + этос [моральная оценка поведения подсудимого]). Внутреннее раскаяние, по мнению А.Ф. Кони, может служить основанием для смягчения приговора.

4. *Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления.* Начинается с вопроса «Что же за преступление совершено Шляхтиным и чем можно объяснить его?» [Кони, 1967, с. 126]. Главными причинами, заставившими Шляхтина пойти на убийство, по мнению А.Ф. Кони, являются характер подсудимого и его положение в обществе – «неслужащий дворянин, проживающий без дела в деревне отца, не имеющий определенного общественного положения, но уже обзаведшийся семейством, человек нервный, болезненный, до крайности самолюбивый, и тем более самолюбивый, чем незначительней и неопределенней его положение в общественной жизни» [Кони, 1967, с. 126–127]. Именно эти обстоятельства заставили Шляхтина почувствовать гнев и уязвленность тогда, когда его сестра (Рыжова) и ее муж начали указывать на его аморальный образ жизни (вступив в связь с девушкой, живущей в доме Рыжовых, не желал жениться). А.Ф. Кони красочно и в деталях описывает сложившуюся в доме ситуацию и моральное состояние всех членов семейства, что, без сомнения, формирует у слушателей негативное отношение к Шляхтину и чувство сожаления и сострадания к Рыжовым (пафос).

В итоге оратор называет внешние и внутренние причины, побудившие Шляхтина убить Рыжова. Внешние состоят в том, что подсудимый понял, что сестра и ее муж намерены заставить его отвечать за свои поступки и жениться на Дмитриевой, чтобы оправдаться в глазах общества (аргумент-этнос). Внутренние (более сильные) заключаются в том, что чрезмерно самолюбивый Шляхтин столкнулся с «честною, правдивою, строгою и резкою» [Кони, 1967, с. 129] личностью [Рыжовым], которая осуждала его и, имея нравственное преимущество, вызывала в нем необходимость оправдываться (пафос).

Условием, способствовавшим совершению преступления, стала личная встреча Шляхтина с Рыжовым в доме последнего. Хозяин дома высказывал неуважение, «гордился своей правотою» [Кони, 1967, с. 130], чем заставил шурина достать пистолет. Гнев Рыжова по поводу неприемлемого поведения родственника еще больше усилил ненависть Шляхтина, который в конце концов убил зятя. Желая повысить уровень эмоциональности, А.Ф. Кони подчеркивает тот факт, что после выстрела подсудимый «не закричал от ужаса, не бросился к сестре, которая была также убита им нравственно, как физически был убит муж ее, не стал кричать о помощи в отчаянии от того, что сделал, не желая <...> напротив, весь в тумане, навеянном гневом <...> выбежал на улицу и только там оценил, что совершил» [Кони, 1967, с. 131] (пафос).

5. *Основание правовой квалификации содеянного*. Блок, в котором А.Ф. Кони утверждает, что преступление было совершено «в состоянии крайнего раздражения» [Кони, 1967, с. 132], что может свидетельствовать о его непреднамеренности. Однако оратор уверен в том, что убийство было осознанным и имело целью отомстить ненавистному человеку.

Заключение речи состоит из 7 предложений и включает в себя обращение к присяжным с просьбой вынести справедливый приговор, который будет «удовлетворять нравственному чувству людей» [Кони, 1967, с. 133] (этос). Кроме того, А.Ф. Кони прогнозирует трудное сиротское будущее для детей Рыжова, которых может утешить факт того, что близкий человек, лишивший их отца, был справедливо осужден и искупил свою вину (*б. Мнение о мере наказания – тюремное заключение*).

По нашему мнению, оратор использует кольцевую композицию – и во вступлении, и в заключении А.Ф. Кони эмоционально говорит об осиротевшем несчастном семействе, отец которого был убит близким и обязанным ему человеком, что помогает напомнить аудитории главную мысль речи. В итоге Шляхтин был признан присяжными виновным, но заслуживающим снисхождения.

Сравнивая композицию речей «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» и «По делу об убийстве статского советника Рыжова», можно выявить как сходства, так и различия.

Сходства заключаются, во-первых, в трехчастной кольцевой композиции текста; во-вторых, в лаконичности вступления (причем оба начинаются с обращения к суду и присяжным) и заключения (речи также заканчиваются обращением к присяжным и выражением надежды на справедливый приговор), в-третьих, в объемности основной части речи, которая посвящена детальному анализу всех фактов; в-четвертых, в специфике аргументации (односторонняя аргументация через логос, этос и пафос); в-пятых, в расположении блока «Мнение о мере наказания» (завершает речь).

Различия в композиции речей следующие:

1) вступление речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» искусственное (оратор ставит философский вопрос, на первый взгляд не связанный с темой), «По делу об убийстве статского советника Рыжова» – естественное (А.Ф. Кони после обращения к суду и присяжным сразу переходит к изложению фактических обстоятельств дела);

2) в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» первый блок «Изложение фактических обстоятельств дела» включает в себя оценку личности Суриной для того, чтобы подчеркнуть важность ее показаний и предостеречь аудиторию от влияния сложившегося у них негативного впечатления от данной свидетельницы на вычленение из ее речи существенных для дела моментов.

В речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» данный блок начинается во вступлении и продолжается в первом абзаце основной части, в кото-

ром оратор перечисляет три ключевых момента в позиции защиты, которые он собирается опровергать в своей речи;

3) в блоке «Анализ и оценка доказательств» в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» А.Ф. Кони анализирует факты, свидетельствующие о виновности Емельянова, называя их «условиями»; в речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» оратор детально разбирает показания трех ключевых свидетельниц и оценивает их достоверность;

4) в блоке «Сведения о личности» в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» А.Ф. Кони характеризует Емельянова (подсудимого), Емельянову (потерпевшую), Сурина (свидетельницу), так как именно эти три фигуры являются ключевыми в данном деле.

В речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» в данный блок входят характеристики лишь Рыжова (потерпевшего) и Шляхтина (подсудимого), так как оратор хочет показать присутствующим несхожесть характеров двух мужчин, которая стала одной из причин убийства. Личности главных свидетельниц кратко охарактеризованы А.Ф. Кони в предыдущем блоке;

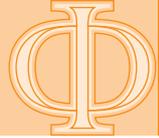
5) в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» блоки «Сведения о личности» и «Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления» тесно переплетены: описывая личности подсудимого, пострадавшей и свидетельницы, А.Ф. Кони доказывает, что именно их качества характера подталкивают Емельянова к совершению преступления.

В речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» между данными блоками четко видна граница: «Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления» начинается после завершения блока «Сведения о личности»;

б) блок «Основание правовой квалификации» в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» находится в заключении речи (последние два предложения); в речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» данный блок завершает основную часть речи.

Выводы. Несмотря на некоторые различия в построении двух проанализированных нами обвинительных речей, можно сделать вывод о том, что оба выступления отличаются безупречной логичностью изложения, убедительной и тщательно продуманной аргументацией, построенной на объективном рассмотрении доказательств и мастерском анализе психологического состояния участников процессов.

С.А. Котельникова утверждает, что судебный оратор должен учитывать при построении речи три условия: знать дело в деталях (как его положительные, так и отрицательные стороны), умело пользоваться родным языком (в том числе системой изобразительно-выразительных средств), быть правдивым и искренним [Котельникова, 2011, с. 347]. Проведенный нами анализ показал, что А.Ф. Кони мастерски владеет всеми перечисленными характеристиками.

Несомненно, обвинительные речи А.Ф. Кони являются образцом для подражания начинающим юристам, так как не только соответствуют идеалу, принятому в русской картине мира, но и становятся эффективными: знаменитый судебный оратор, являясь мастером слова, достигает поставленной цели – добивается признания подсудимых виновными в совершенном преступлении, что свидетельствует о высоком уровне его профессионализма. И, как справедливо отмечает З.В. Баишева, «судебные выступления А.Ф. Кони – это своеобразный сплав лексических средств разных стилей, разного происхождения, в котором нет ничего лишнего, все способствует достижению высокой эффективности речи» [Баишева, 2004, с. 10–14].

Библиографический список

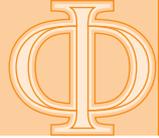
1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. 1392 с.
2. Арсеньев К.К. Русское судебное красноречие. А.Ф. Кони // Судебное красноречие русских юристов прошлого. М.: Фемида, 1992. С. 5–45.
3. Артемова Т.В. Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А.Ф. Кони: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 24 с.
4. Баишева З.В. Корректность судебного оратора (на материале обвинительных речей А.Ф. Кони) // Юрислингвистика. 2010. № 10 (10). С. 13–20.
5. Баишева З.В. Логический аспект обвинительной речи (на материале обвинительных речей А.Ф. Кони) // Вестник Оренбургского государственного университета. Оренбург: ОГУ, 2006. № 11. С. 102–106.
6. Баишева З.В. Проповедничество как особенность ораторского стиля А.Ф. Кони // Вестник Оренбургского государственного университета. Оренбург: ОГУ, 2004а. № 10. С. 29–33.
7. Баишева З.В. Слово в речи юриста: на материале судебных выступлений А.Ф. Кони // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004б. № 9. С. 10–14.
8. Баишева З.В. Языковая личность судебного оратора А.Ф. Кони: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2007. 47 с.
9. Демидов О.В. Русское судебное красноречие в контексте современности: лингвистический подход (анализ обвинительных речей А.Ф. Кони) // Вести Челябинского университета. Сер. 2: Филология. 1999. № 2. С. 225–230.
10. Катъшев П.А., Князькова Т.В. Эволюция нарративной структуры в речах А.Ф. Кони // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 96–107.
11. Князькова Т.В. Роль нарративной системы в осуществлении авторского замысла (на примере обвинительной речи А.Ф. Кони «По делу об убийстве иеромонаха Иллариона») // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 130–147.
12. Колесников С.А. Идеал судебной риторики: синтез личного и профессионального совершенствования // Вестник БелЮИ МВД России. 2016. № 1. С. 26–28.
13. Колесников С.А. Культура судебного красноречия в речах А.Ф. Кони как фактор формирования правового сознания общества // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 42–45.
14. Колесников С.А. Многогранный потенциал языковой личности А.Ф. Кони как условие профессионального становления судебного оратора // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 4. С. 22–27.

15. Кони А.Ф. Избранное / сост., вступ. ст. и примеч. М.Г. Миронова, Л.Г. Миронова. М.: Сов. Россия, 1989. 496 с.
16. Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Юридическая литература, 1967. Т. 3: Судебные речи. 535 с.
17. Котельникова С.А. Умение «твердо править словом»: судебные речи русского юриста А.Ф. Кони // Пушкинские чтения. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2011. № 16. С. 345–352.
18. Плотникова Г.Н. Государственные деятели России второй половины XIX начала XX века глазами А.Ф. Кони // Вестник Пермского университета. 2001. Сер.: История. С. 112–117.
19. Тимофеева Л.И. Судебные речи А.Ф. Кони: лингвостилистический аспект // Вестник Марийского государственного университета. 2015. С. 94–98.
20. Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е. Риторика для делового человека: учеб. пособие. М.: Флинта, 2018. 135 с.

Сведения об авторах

Пекарская Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан); e-mail: pecar-61@mail.ru

Шпомер Екатерина Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан); e-mail: catandre@rambler.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-108>

LINGUO-PERSONOLOGICAL ASPECTS IN THE COMPOSITION OF A.F. KONY'S SPEECHES FOR PROSECUTION

I.V. Pekarskaya (Abakan, Russia)

E.A. Shpomer (Abakan, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to the description of the linguo-personological aspects of the composition of the famous judicial orator A.F. Koni's speeches for prosecution. The relevance of the problem under consideration is due to the fact that the knowledge of this kind of eloquence helps young professionals acquire the necessary knowledge in creating high-impact speeches for defense or prosecution.

The purpose of this article is to present an attempt to identify and compare the features of the compositional organization of the court accusatory speeches of the named speaker.

Today, disciplines such as linguopersonology, pragmalinguistics, psycholinguistics are actively developing, so many researchers pay attention to linguistic and communicative personalities, including works devoted to the study of the speeches by A.F. Koni (L.I. Timofeeva, Z.V. Baisheva, O.V. Demidov, S.A. Kolesnikov and others). However, in these scientific works there is only a linguo-stylistic analysis of individual speeches or a description of the features of the narrative. This article presents a comparative analysis of the composition of two pragmatically significant speeches by A.F. Koni. This analysis was carried out within the framework of the descriptive method in all its implementations.

The analysis showed that, despite the differences in the construction of the two accusatory speeches, both speeches are distinguished by impeccable logical presentation, convincing and carefully thought-out arguments based on an objective examination of evidence and a masterful analysis of the psychological state of the participants in the proceedings.

Keywords: *linguopersonology, judicial discourse, accusatory speech, impact, composition.*

References

1. Aristotel. Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii. Minsk: Literatura, 1998. 1392 s.
2. Arsenev K.K. Russkoe sudebnoe krasnorechie. A.F. Koni // Sudebnoe krasnorechie russkih yuristov proshlogov. M.: Femida, 1992. S. 5–45.
3. Artemova T.V. Narrativ kak komponent ritoricheskoy strategii obvinitel'nyh rechej A. F. Koni: avtoref. diss. kand. filol. nauk / T. V. Artemova. Kemerovo, 2008. 24 s.
4. Baisheva Z.V. Korrektnost' sudebnogo oratora (na materiale obvinitel'nyh rechej A.F. Koni) / Z.V. Baisheva // Yurislingvistika. 2010. No. 10 (10). S. 13–20.
5. Baisheva Z.V. Logicheskij aspekt obvinitel'noj rechi (na materiale obvinitel'nyh rechej A.F. Koni) // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. No. 11. S. 102–106.
6. Baisheva Z.V. Propovednichestvo kak osobennost' oratorskogo stilya A.F. Koni // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Orenburg: OGU, 2004a. No. 10. S. 29–33.
7. Baisheva Z.V. Slovo v rechi yurista: na materiale sudebnyh vystuplenij A.F. Koni // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004b. No. 9. S. 10–14.
8. Baisheva Z.V. Yazykovaya lichnost' sudebnogo oratora A.F. Koni: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Ufa, 2007. 47 s.

9. Demidov O.V. Russkoe sudebnoe krasnorechie v kontekste sovremennosti: lingvisticheskij podhod (analiz obvinitel'nyh rechej A.F. Koni) // Vesti Chelyabinskogo universiteta. Ser.: 2. Filologiya, 1999. No. 2. S. 225–230.
10. Katyshev P.A., Knyaz'kova T.V. Evolyuciya narrativnoj struktury v rechah A.F. Koni // Yurislolingvistika-7: Yazyk kak fenomen pravovoj kommunikacii: mezhvuz. sb. nauch. st. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2006. S. 96–107.
11. Knyaz'kova T.V. Rol' narrativnoj sistemy v osushchestvlenii avtorskogo zamysla (na primere obvinitel'noj rechi A.F. Koni “Po delu ob ubijstve ieromonaha Illariona”) // Yurislolingvistika-8: Russkij yazyk i sovremennoe rossijskoe pravo: mezhvuz. sb. nauch. st. Kemerovo; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007. S. 130–147.
12. Kolesnikov S.A. Ideal sudebnoj ritoriki: sintez lichnogo i professional'nogo sovershenstvovaniya // Vestnik BelyUI MVD Rossii. 2016. No. 1. S. 26–28.
13. Kolesnikov S.A. Kul'tura sudebnogo krasnorechiya v rechah A.F. Koni kak faktor formirovaniya pravovogo soznaniya obshchestva // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, 2015. No. 2. S. 42–45.
14. Kolesnikov S.A. Mnogogrannyj potencial yazykovoj lichnosti A.F. Koni kak uslovie professional'nogo stanovleniya sudebnogo oratora // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2018. No. 4. S. 22–27.
15. Koni A.F. Izbrannoe / Sost., vstup. st. i primech. M.G. Mironova, L.G. Mironova. M.: Sov. Rossiya, 1989. 496 s.
16. Koni A.F. Sobranie sochinenij: v 8 t. M.: Yuridicheskaya literatura, 1967. T. 3: Sudebnye rechi. 535 s.
17. Kotel'nikova S.A. Umenie “tverdo pravit' slovom”: sudebnye rechi russkogo yurista A.F. Koni // Pushkinskie chteniya. SPb.: Leningradskoj oblasti “Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A.S. Pushkina”, 2011. No. 16. S. 345–352.
18. Plotnikova G.N. Gosudarstvennye deyateli Rossii vtoroj poloviny XIX nachala XX veka glazami A.F. Koni // Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya. 2001. S. 112–117.
19. Timofeeva L.I. Sudebnye rechi A.F. Koni: lingvostilisticheskij aspekt // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. S. 94–98.
20. Hazagerov G.G., Kornilova E.E. Ritorika dlya delovogo cheloveka: uchebnoe posobie. M.: Flinta, 2018. 135 s.

About the authors

Pekarskaya Irina Vladimirovna – DSc (Philology), Professor, Russian Philology and Journalism Department, Katanov Khakass State University (Abakan, Republic of Khakassia, Russia); e-mail: pecar-61@mail.ru

Shpomer Ekaterina Andreevna – PhD (Philology), Associate Professor, Russian Philology and Journalism Department, Katanov Khakass State University (Abakan, Republic of Khakassia, Russia); e-mail: catandre@rambler.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-109>

УДК 81'42

ДОСТОВЕРНОСТЬ РЕПРОДУКТИВНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ-ОСКОРБЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОТОКОЛОВ ДОПРОСА)

К.В. Шульгина (Красноярск, Россия),
Е.В. Осетрова (Красноярск, Россия)

Veni, vidi, dixit

Аннотация

Проблема точного изложения инвективного высказывания и соответствующей ему коммуникативной ситуации возникает при расследовании уголовных дел об оскорблении. В статье изложены основные теоретические подходы к анализу достоверности выявленных в ходе допроса речевых «следов». Кроме того, авторы проводят сравнительный лингвистический анализ ретранслируемых инвективных высказываний, занесенных в протокол допроса, доказывая гипотезу их изоморфности. На основании обобщения междисциплинарного, лингвоюридического опыта формулируется положение об относительной достоверности знания о вторичных инвективных высказываниях.

Цель лингвистического анализа – терминологическое и функциональное уточнение понятия «достоверность вторичных инвективных высказываний в протоколе допроса» в русле формирования канонического представления о вторичном инвективном высказывании.

Методологию исследования формируют теоретические представления о достоверности знания, получаемого в отношении исследуемого объекта, положения семантического и конструктивного синтаксиса, а также теории речевых жанров.

В качестве *материала* исследования используются протоколы допросов по уголовным делам об оскорблении 2013–2022 гг.

В результате исследования выявлено единое устройство вторичных инвективных высказываний (в формальном, семантическом, прагматическом аспектах), предложен алгоритм их анализа, а также обоснована необходимость лингвоюридического подхода к проблеме верификации достоверности вторичных инвективных высказываний в протоколах допроса.

Авторский вклад видится в расширении лингвистических представлений о точности и достоверности передачи инвективных высказываний допрашиваемыми. Результаты исследования могут быть положены в основу методической разработки о проведении судебной лингвистической экспертизы протокола допроса – источника информации о ситуации оскорбления.

Ключевые слова: *протокол допроса, показания, доказательства, достоверность, вторичное инвективное высказывание.*

Постановка проблемы. Проверка достоверности показаний участников уголовного судопроизводства, к которым в том числе относятся ретранслируемые первичные высказывания подозреваемого/обвиняемого по уголовным делам об оскорблении, в настоящее время является не только проблемой

теории криминалистики. Вопрос надежности показаний как объекта специального исследования возникает при производстве экспертами судебной лингвистической экспертизы. Скептическое отношение экспертов к показаниям как к виду доказательственной информации, избегание исследования документов, в которых они зафиксированы, свидетельствуют не только о «низком качестве допроса лиц», но и об отсутствии каких-либо методических приемов их анализа и даже в целом осознания и принятия такого объекта как принадлежащего «миру» текста, а значит – все же лингвистического [Кручинина¹, 2003, с. 38].

Объектами анализа являются вторичные инвективные высказывания, зафиксированные в протоколе допроса, с сопровождаемыми их и имеющимися в распоряжении авторов статьи фонографическими прототипами (**группа I**), а также вторичные инвективные высказывания, не имеющие фонографической основы, представленные лишь в протоколах допроса (**группа II**). *Предмет* анализа – когерентность в плане синтаксиса, семантики и прагматики вторичных инвективных высказываний из обозначенных групп.

Цель исследования – терминологическое и функциональное уточнение понятия «достоверность вторичных инвективных высказываний в протоколе допроса» в русле формирования канонического представления о вторичном инвективном высказывании.

В качестве *научной базы* в настоящем исследовании использованы положения семантического и конструктивного синтаксиса, теории речевых жанров, теоретические представления о достоверности знания, получаемого в отношении исследуемого объекта, и апробированные методико-криминалистические модели проверки достоверности показаний.

Достоверность – важнейшее свойство доказательств по уголовному делу. Недостоверная информация, полученная в ходе проведения уполномоченными лицами расследования, не может составлять доказательственную информацию – с помощью ее невозможно установить «наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [Уголовно-процессуальный кодекс РФ, 2020, с. 56].

Таким образом, одной из главных задач следователей является обеспечение истинности полученных в результате познавательно-поисковой деятельности сведений о преступлении.

Обзор литературы, касающейся достоверности транслируемой информации, указывает на активную научно-исследовательскую деятельность, ориентированную на поиск юристами, психологами, лингвистами техник и методик оценки точности передаваемой информации [Бельская, 2015; Караванов, Устинов, 2014; Корнеева, 2010; Кручинина, 2003; Славгородская, 2019].

¹ Кручинина Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 56 с.

Методика расследования уголовного дела предполагает для принятия законного решения оценку полученных в ходе допроса сведений (в нашем случае показаний) с позиции их соответствия действительности «путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство» [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, 2020, с. 64].

Под достоверной информацией понимаются «собранные (полученные), всесторонне проверенные и подтвержденные другими объективными данными сведения относительно исследуемых в уголовном судопроизводстве объектов (фактов, лиц, предметов и т.д.), имеющие значение для решения правовых, криминалистических и других задач, принятия и реализации решений субъектами уголовного преследования» [Кручинина, 2003, с. 19]. Один из типов информации, требующей верификации в аспекте достоверности, представляют вторичные инвективные высказывания, являющиеся репродукцией инвективной речи подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления [Шульгина, 2020; 2021].

Для установления субординации «семиотических свойств информации» определим прежде всего прагматические черты вторичных инвективных высказываний [Коженец, 1975, с. 72].

Жанр вторичного инвективного высказывания уникален – его можно охарактеризовать как жанр в жанре, то есть вторичный речевой жанр [Татарникова², 2004]. Это связано со сменой авторов, репродуцирующих высказывание. Соответственно Автор₁ – подозреваемый/обвиняемый, то есть транслятор исходного инвективного высказывания, а Автор₂ – ретранслятор вторичного инвективного высказывания – потерпевший, свидетель, а порой и сам автор первичного высказывания.

Речевые цели, как главные жанрообразующие признаки, двух обозначенных типов авторов существенно различаются [Шмелева, 1997]. Если целью Автора₁ при произнесении инвективного высказывания является оскорбление адресата путем уничтожения его действий, личных качеств и иных манифестаций, а отсюда резкое изменение самочувствия адресата в отрицательную сторону, то автор-ретранслятор (Автор₂) пытается по возможности точно, даже дословно передать услышанное им инвективное высказывание, реализуя речевую цель информирования об имевшей место речевой ситуации оскорбления [Шмелева, 1997].

Вторичные инвективные высказывания, передаваемые допрашиваемыми, относятся к идеальной (личностной) уголовно-релевантной информации,

² Татарникова Н.М. Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле речи (на примере речевых жанров допроса и протокола допроса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 23 с.

которая содержится в памяти участников речевой ситуации оскорбления [Кручинина, 2003]. Возникает проблема полноты и достоверности информации такого рода, связанная со свойствами человеческой памяти, а также проблема отличия ее от жестко фиксированной на материальных носителях предметно-документной информации.

Оценка достоверности показаний в правовом поле устанавливается через использование «тактических операций», к которым относятся: сопоставление сведений в показаниях со сведениями из иных юридически значимых документов, имеющих отношение к уголовному делу (протоколов допроса, следственных действий, заключений судебных экспертиз); проведение дополнительных и повторных допросов; сбор новых доказательств; следственные эксперименты, изучение личности свидетеля и т.д. [Кручинина, 2003; Корнеева, 2010; Славгородская, 2019].

Более того, сам порядок допроса предусматривает предупреждение лица, сообщающего информацию, об уголовной ответственности за заведомо ложные показания, что является своеобразным правовым средством воздействия и регуляции в поле «достоверность/недостоверность» передаваемых сведений. Основная «пресуппозиция» протокола допроса – вся сообщаемая лицом информация является а priori достоверной.

Лингвистическая «достоверность» отсылает к понятийному аппарату семантического синтаксиса [Шмелева, 1994; Осетрова³, 2010; Всеволодова, 2017; Мустайоки и др., 2020]. «Модусная аранжировка» высказывания, по Т.В. Шмелевой, предполагает в том числе анализ категории «персуазивности» как характеристики сообщаемого в аспекте достоверности [Шмелева, 1994]. Вводные слова (*наверное, кажется, очевидно*), авторизационные конструкции (*я думаю, якобы, будто*) служат лексическими маркерами степени уверенности/неуверенности говорящего в этом отношении [Всеволодова, 2017, с. 422].

Как утверждает А. Мустайоки, степень достоверности «зависит от личности говорящего, его информированности, намерений, а также от условий общения» [Мустайоки и др., 2020, с. 399]. Эта общая идея находит подтверждение в юридической сфере: используя средства персуазивности, допрашиваемые по сути квалифицируют себя как «надежных» или «ненадежных рассказчиков» [Плотникова, 2017].

Вторичные инвективные высказывания, будучи репродуктивными, предполагают наличие в протоколах допроса ссылок допрашиваемого на их авторов. Допрашиваемые, примеряя на себя «роль посредника», в обязательном порядке описывают авторизованный источник [Осетрова, 2010, с. 3]. Таким образом, категория достоверности «соседствует» в протоколе допроса с категорией авторизации, указывающей на «источник» первичного инвективного высказывания в ситуации речевого оскорбления [Шмелева, 1994].

³ Осетрова Е.В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2010. 43 с.

В протоколах допроса репрезентация ситуации оскорбления укладывается в типовой семантический сценарий, главные элементы которого: **агнец (Ag) + адресат (Adr)** (формы личных местоимений (*он, она; я*), антропонимы (*фамилия, имя*); наименования по полу, социальному, ситуативному, процессуальному или иному статусу (*мужчина, женщина, инспектор, водитель, прохожий, подсудимый*)) + **пропозиция речевого действия (Prop)** (формы локутивных предикатов) + языковой **инструмент (Instr)** (формы номинативов с семантикой языковых / речевых единиц) + собственно **инвективное высказывание (Invect)** (формы цитирования, прямой речи, косвенной речи) (см. примеры).

1. Когда *X* вывели из служебного автомобиля, тот (Ag) стал кричать, выражаясь (Prop) в адрес инспекторов ДПС Y_1 и Y_2 (Adr) нецензурной бранью (Instr), называя их «козлами» и «п...расами» (Inv).

2. Подсудимый *X* (Ag), услышав назначенный ему по приговору срок наказания, стал выражаться (Prop) в мой адрес (Adr) оскорбительными словами и нецензурными выражениями (Instr), а именно он сказал: «сучка, е...ная пи...ка» (Inv).

3. Я потребовал от *X* (Ag) прекратить свои противоправные действия, в ответ на мои требования *X* (Ag) неожиданно для меня (Adr) начал высказывать (Prop) в мой адрес личные оскорбления, в грубой нецензурной форме (Instr) называя меня «п...ром (лицом нетрадиционной ориентации), сукой, душой е...ной» (Inv).

Как видно, заполнение валентности локутивного предиката способствует авторизационному маркированию сообщаемой информации. Кроме того, допрашиваемые практически не используют маркеры уверенности: в плане выражения обязательны лишь сигналы неуверенности в достоверности изложения первичного инвективного высказывания [Шмелева, 1994].

Проведенные исследования подтверждают гипотезу достаточной точности воспроизведения допрашиваемым первичных (исходных) инвективных высказываний. Вторичное (репродуктивное) высказывание в протоколе допроса сохраняет важный «структурно-смысловой компонент – инвективную лексику» [Шульгина, 2021].

В свое время Дж. Миллер на основе серии экспериментов доказал, что объем кратковременной памяти человека в среднем способен удерживать и сохранять от 5 до 9 (7 ± 2) содержательных элементов [Miller, 1956].

Наш собственный статистический анализ показывает, что количество лексем, составляющих вторичные инвективные высказывания, не превышает 9 слов. В среднем же допрашиваемые транслируют вторичные высказывания, включающие в себя 3–5 лексических единиц.

Вторичное представление оскорбления допрашиваемым субъектом всегда является вариантом, при котором допустимы погрешности в отражении фактически случившейся речевой ситуации. Тогда вся информация, обработанная сознанием человека, является относительной, а определить достоверность – значит найти общие моменты в языковой репрезентации оскорбления его свидетелями.

Результаты исследования. С учетом сказанного мы предлагаем ввести понятие «относительной достоверности» вторичных инвективных высказываний в понятийный и терминологический аппарат юрислингвистики, а также принять следующий алгоритм оценки достоверности подобных высказываний.

1. Подсчет элементов (слов), составляющих вторичное инвективное высказывание: его соотнесение с формулой (7 ± 2) , регламентирующей «количество информации», которое способен запоминать и передавать человек как «коммуникационная система» [Miller, 1956].

2. Сопоставление вторичных инвективных высказываний и лексем из всех имеющихся протоколов допроса по конкретному уголовному делу. Исключение из выводной части анализа инвективных слов, воспроизводимых только одним из допрашиваемых.

3. Анализ маркеров авторизации и достоверности, в числе прочего составляющих общий контекст ситуации оскорбления и зафиксированных в протоколе допроса.

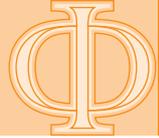
4. Выявление формально-содержательных параметров вторичных инвективных высказываний без фонографической основы; их сопоставление с однотипными параметрами вторичных инвективных высказываний, имеющих фонографический прототип [Шульгина, 2021]. Важно в данной связи рассмотреть структурные схемы инвективного высказывания, под которыми здесь понимаются «абстрактные синтаксические образцы» [Русская грамматика, 1980, с. 92].

Данная последовательность из четырех аналитических шагов, по сути, попытка совмещения: а) юридической тактической модели верификации достоверности сообщаемого, заключающейся в сравнении лексического состава высказываний; б) их количественного состава, оправдываемого «формулой Миллера»; в) лингвистического подхода, сводящегося к оценке семантико-синтаксической структуры вторичных высказываний и языковых сигналов уверенности/неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого.

Предложенный выше алгоритм применен на эмпирическом этапе исследования, в котором использован материал, извлеченный из 14 протоколов допроса по различным уголовным делам об оскорблении 2013–2021 гг.

Напомним, что в центре анализа – две группы высказываний: вторичные инвективные высказывания с сопутствующими им фонографическими прототипами (**группа I**), а также вторичные инвективные высказывания без фонографической основы (**группа II**).

Группу I составляют семь высказываний: «Гандон», «Ты п...рас», «А то я на х...й вас сожгу здесь п...расов!», «Б...я, идиотище, у...бище на х...й, сука!», «П...раска, что прокурорша шлюха, что ты б...дь проститутка е...ная!», «Х...ли ты мне сука снимаешь», «Тебе п...да б...дь, товарищ говнюк!». В **группу II** также входят семь высказываний: «Мусора!», «П...расы», «Ты моральный урод», «Вы все жополизы судебной системы»; «Тварь, я убью тебя», «Пошел на х...й, чепушила тупая, мусор», «Пнул бы тебя, е...чее животное».

В таблице представлены результаты анализа каждого из перечисленных высказываний, подлежащих проверке на предмет их относительной достоверности и препарированных в соответствии с четырьмя этапами алгоритма верификации.

Верификация достоверности вторичных инвективных высказываний

№	Инвективное высказывание	Этап 1 Количество слов, составляющих вторичное инвективное высказывание	Этап 2 Сопоставление инвективных лексем из всех протоколов допроса по одному уголовному делу, где «=» – совпадение лексического значения словоформ во всех протоколах	Этап 3 Наличие маркеров авторизации и персуазивности в протоколе допроса, где «+» – наличие маркера авторизации, «-» – отсутствие маркера персуазивности	Этап 4 Выявление формально-содержательных особенностей вторичного инвективного высказывания, в данном случае – минимальных структурных схем простых предложений, входящих в его состав
1	2	3	4	5	6
Группа I					
1	<i>Гандон</i>	1	=	+ / -	$N_{IInvect}$
2	<i>Ты п...рас</i>	2	=	+ / -	$Pron_I N_{IInvect}$
3	<i>А то я на х...й вас сожгу здесь п...расов!</i>	9	=	+ / -	$Pron_I V_{fin}$ Инвективная лексика не входит в предикативный центр высказывания, занимая позицию распространителя-дополнения (N_4)
4	<i>Б...я, идиотнице, у...бище на х...й, сука!</i>	6	=	+ / -	$N_{IInvect}$
5	<i>П...раска, что прокурорша илюха, что ты б...дь проститутка е...ная!</i>	9	=	+ / -	$N_{IInvect}$ $N_I N_{IInvect}$ $Pron_I N_{IInvect}$ Инвективная лексика в последнем (третьем) высказывании, помимо предикативного центра, занимает позиции аппеллятивов (N_1) и распространителя-определения одного из них (Adj_1)

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
6	<i>Х...ли ты мне, сука, снимаешь</i>	5	=	+ / –	$\text{Pron}_1 V_{\text{fin}}$ Инвективная лексика не входит в предикативный центр высказывания, занимая позицию апеллятива (N_1)
7	<i>Тебе п...да б...дь, товарищ говнюк!</i>	5	=	+ / –	$\text{Pron}_3 N_1$ Инвективная лексика не входит в предикативный центр высказывания, занимая позиции апеллятивов (N_1)
Группа II					
1	<i>Мусора!</i>	1	=	+ / –	$N_{1\text{Invect}}$
2	<i>П...расы</i>	1	=	+ / –	$N_{1\text{Invect}}$
3	<i>Ты моральный урод</i>	3	=	+ / –	$\text{Pron}_1 N_{1\text{Invect}}$
4	<i>Вы все жополизы судебной системы</i>	5	=	+ / –	$\text{Pron}_1 N_{1\text{Invect}}$
5	<i>Тварь, я убью тебя</i>	4	=	+ / –	$\text{Pron}_1 V_{\text{fin}}$ Инвективная лексика не входит в предикативный центр высказывания, занимая позицию апеллятива (N_1)
6	<i>Пошел на х...й, чепушила тупая, мусор</i>	6	=	+ / –	$[\text{Pron}_1] V_{\text{fin}}$ Инвективная лексика не входит в предикативный центр высказывания, занимая позицию распространителя обстоятельства (N_4), а кроме того, позиции апеллятивов (N_1), и распространителя-определения одного из них (Adj_1)
7	<i>Пнул бы тебя, е...чее животное</i>	5	=	+ / –	$[\text{Pron}_1] V_{\text{fin}}$ Инвективная лексика не входит в предикативный центр высказывания, занимая позицию апеллятива (N_1) и его распространителя-определения (Adj_1)

Прокомментируем результаты исследования, представленные в таблице.

Предваряя комментарии, заметим, что сравнение первичных инвективных высказываний, зафиксированных на аудиозаписях, со вторичными высказываниями из протокола допроса приводит к оценке лингвистических особенностей последних и степени соответствия их первичным высказываниям [Шульгина, 2021]. Это с учетом принципа «доверия к интуитивным суждениям» и с учетом «сравнения сходств и различий между тем, что исследуется, и тем, что уже считается установленным» [Ядута, 2017], в свою очередь, позволяет подтвердить гипотезу «откалиброванности» – стандартного языкового представления – вторичных инвективных высказываний из протоколов допроса.

Сопоставительный анализ высказываний из групп I и II показывает, что «емкость канала памяти» при запоминании вторичных инвективных высказываний составляет от 1 до 9 языковых элементов. Первый этап их проверки на достоверность, таким образом, показывает соответствие исследуемого объекта формуле 7 ± 2 [Miller, 1956].

Второй этап анализа демонстрирует полное совпадение инвективных высказываний во всех протоколах допроса на лексическом уровне. Состав высказываний остается прежним, не модифицируясь путем включения новых лексем, которые могли бы привести в высказывание новые смыслы.

Анализ авторизации и достоверности в обеих группах (третий этап) указывает на присутствие в высказываниях маркеров авторизации и одновременно отсутствие маркеров персуазивности, что, как уже отмечалось, является свидетельством уверенности говорящего в том, что он сообщает достоверную информацию.

Наконец, анализ минимальных структурных схем вторичных инвективных высказываний (четвертый этап) свидетельствует об идентичной и типичной их синтаксической реализации в однокомпонентных ($N_{1Invect}$) либо двухкомпонентных ($N_1N_{1Invect}$, $Pron_1N_{1Invect}$, $Pron_3N_1$, $Pron_1V_{fin}$) структурных схемах.

Принципиально отметить и то, что, помимо предикативного центра высказывания, инвективная лексика регулярно подключается еще к оформлению позиций апеллятива ($N_{1Invect}$), дополнения ($N_{4Invect}$), обстоятельства ($N_{4Invect}$) и определения ($Adj_{1Invect}$).

Как видно, отрицательная оценка может быть сосредоточена в предикативном центре, на относительной периферии высказывания, а иногда занимает обе эти позиции. В целом же это приводит к эффекту интенсификации, усиления оскорбительной оценочности высказывания.

Заключение. Оценка достоверности текстовой информации – одна из актуальных проблем современного языкознания, а верификация достоверности показаний – одна из задач уголовного права. Вторичные инвективные высказывания, входящие в доказательную базу дел об оскорблении, обладают природой языкового знака, и значит, должны быть рассмотрены в прагматическом, семантическом и синтаксическом аспектах для установления степени их достоверности.

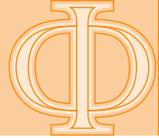
Исследование структурно-семантических особенностей двух типов вторичных высказываний (имеющих и не имеющих фонографическую основу в материалах дела) показывает совпадение их содержания (присутствие инвективно-квалификатива), модусной рамки (уверенность речевого субъекта в достоверности передаваемой информации) и выражения (использование однотипных структурных схем).

Отсутствие в ряде случаев фонографической копии оскорбления компенсируется воспроизведением свидетелем/участником оценочной лексики, извлеченной из высказывания-основы. Описание ее речевой функции составляет главную задачу лингвиста-эксперта.

Помимо этого, реконструкция вторичных инвективных высказываний предполагает воссоздание объективного положения дел путем сопоставления множественных показаний. Предложенный в статье алгоритм проверки достоверности, основанный прежде всего на лингвистической методологии, а кроме того, на положениях уголовного права и психологии, способствует наиболее точному определению достоверности сообщаемой в ходе допроса информации о высказывании инвектора.

Библиографический список

1. Бельская Н.С. Методологические основания лингвистической диагностики достоверности сообщаемого как дискурсивной когнитивно-коммуникативной категории в рамках проведения психолого-лингвистической экспертизы // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 8 (103). С. 134–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovaniya-lingvisticheskoy-diagnostiki-dostovernosti-soobschaemogo-kak-diskursivnoy-kognitivno-kommunikativnoy/viewer> (дата обращения: 10.01.2022).
2. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М., 2017. 656 с.
3. Караванов А.А., Устинов И.Ю. Психофизиология и достоверность добросовестных свидетельских показаний // Территория науки. 2014. № 2. С. 170–176. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologiya-i-dostovernost-dobrosovestnyh-svidetelskih-pokazaniy/viewer> (дата обращения: 12.01.2022).
4. Коженец Т.Ф. К вопросу измерения смысловой информации слова // Методы анализа текстов: сб. науч. ст. / Минский государственный педагогический институт иностранных языков. Минск, 1975. С. 71–79.
5. Корнеева А.Н. Оценка достоверности показаний потерпевшего // Научный журнал КубГАУ. 2010. № 62 (08). URL: <http://ej.kubagro.ru/2010/08/pdf/40.pdf> (дата обращения: 14.01.2022).
6. Мустайоки А. и др. Функциональный синтаксис русского языка: учебник для вузов / А. Мустайоки, З.К. Сабитова, Т.В. Парменова, Л.А. Бирюлин. М., 2020. 728 с.
7. Плотникова А.М. «Ненадежные рассказчики» в практике лингвистической экспертизы текста // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 246–250. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nenadezhnye-rasskazchiki-v-praktike-lingvisticheskoy-ekspertizy-teksta/viewer> (дата обращения: 14.01.2022).
8. Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 2: Синтаксис / Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан, В.А. Цикович и др. М., 1980. 709 с.

9. Славгородская О.А. К вопросу достоверности показаний свидетеля // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1. С. 20–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dostovernosti-pokazaniy-svidetelya> (дата обращения: 09.01.2022).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2020. 288 с.
11. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 88–98.
12. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1994. 46 с.
13. Шульгина К.В. Лингвистическая корреляция первичного текста и его вербальной репродукции в протоколе допроса // Сибирский филологический форум. 2021. № 3 (15). С. 33–43. URL: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-15-3-83> (дата обращения: 07.01.2022).
14. Шульгина К.В. Чужая речь в протоколе допроса как вид вторичного текста // Сибирский филологический форум. 2020. № 4 (12). С. 21–28. URL: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-60> (дата обращения: 05.01.2022).
15. Ядута Л.И. Как возможна достоверность в археологии? // Символ науки. 2017. № 03-3. С. 8–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-vozmozhna-dostovernost-v-arheologii> (дата обращения: 06.01.2022).
16. Miller G.A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two // The Psychological Review. 1956. Vol. 63. P. 81–97. URL: <http://www2.psych.utoronto.ca/users/peterson/psy430s2001/Miller%20GA%20Magical%20Seven%20Psych%20Review%201955.pdf> (дата обращения: 27.12.2021).

Сведения об авторах

Шульгина Кристина Витальевна – аспирант кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: watermark2@yandex.ru

Осетрова Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: osetrova@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-109>

RELIABILITY OF A REPRODUCTIVE STATEMENT-INSULT (ON THE EXAMPLE OF INTERROGATION PROTOCOLS)

K.V. Shulgina (Krasnoyarsk, Russia)

E.V. Osetrova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The problem of the exact presentation of the invective statement and the corresponding communicative situation arises in the investigation of criminal cases of insult. The article outlines the main theoretical approaches to the analysis of the reliability of the speech “traces” identified during the interrogation. In addition, the authors conduct a comparative linguistic analysis of the relayed invective statements recorded in the protocol of interrogation, proving the hypothesis of their isomorphism. Based on the generalization of interdisciplinary, linguistic-legal experience, a position is formulated on the relative reliability of knowledge about secondary invective statements.

The purpose of the article is the terminological and functional clarification of the concept of “reliability of secondary invective statements in the protocol of interrogation” in line with the formation of a canonical idea of a secondary invective statement.

The research methodology is formed by theoretical ideas on the reliability of knowledge obtained in relation to the object under study, the position of semantic and constructive syntax, as well as the theory of speech genres. As a research material, protocols of interrogations in criminal cases on insult in 2013–2022 are used.

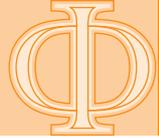
As a *result of the study*, a single structure of secondary invective statements (in formal, semantic, pragmatic aspects) was revealed, an algorithm for their analysis was proposed, and the need for a linguistic-legal approach to the problem of verifying the reliability of secondary invective statements in interrogation protocols was substantiated.

The author's contribution is seen in the expansion of linguistic ideas about the accuracy and reliability of the transmission of invective statements by the interrogated. The results of the study can be used as the basis for a methodological development on the conduct of a forensic linguistic examination of the interrogation protocol as a source of information about the situation of insult.

Keywords: *testimonies, evidence, reliability, interrogation protocol, secondary invective utterance.*

References

1. Belskaya N.S. Methodological foundations of linguistic diagnostics of the reliability of the reported as a discursive cognitive and communicative category in the framework of the psychological and linguistic expertise // *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2015. No. 8 (103). P. 134–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovaniya-lingvisticheskoy-diagnostiki-dostovernosti-soobschaemogo-kak-diskursivnoy-kognitivno-kommunikativnoy/viewer> (access date: 10.01.2022).
2. Vsevolodova M.V. The theory of functional-communicative syntax: A fragment of the fundamental applied (pedagogical) model of the language. Moscow, 2017. 656 p.
3. Karavanov A.A., Ustinov I.Yu. Psychophysiology and reliability of conscientious testimony // *Territoriya nauki*. 2014. No. 2. P. 170–176. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologiya-i-dostovernost-dobrosovestnyh-svidetelskih-pokazaniy/viewer> (access date: 12.01.2022).
4. Kozhenets T.F. On the issue of measuring the semantic information of a word // *Metod analiza tekstov*. Minsk, 1975. P. 71–79.

5. Korneeva A.N. Assessment of the reliability of the testimony of the victim // *Nauchnyy zhurnal KubGAU*. 2010. No. 62 (08). URL: <http://ej.kubagro.ru/2010/08/pdf/40.pdf> (access date: 14.01.2022).
6. Mustayoki A. Functional syntax of the Russian language / A. Mustayoki, Z.K. Sabitova, T.V. Parmenova, L.A. Biryulin. Moscow, 2020. 728 p.
7. Plotnikova A.M. “Unreliable narrators” in the practice of linguistic examination of the text // *Politicheskaya lingvistika*. 2017. No. 5 (65). P. 246–250. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nenadezhnye-rasskazchiki-v-praktike-lingvisticheskoy-ekspertizy-teksta/viewer> (access date: 14.01.2022).
8. Russian grammar. In 2 vol. / Ed.: N.Ju. Shvedova (gl. red.) i dr.]. Vol. 2: Sintaksis / E.A. Bryzgunova, K.V. Gabuchan, V.A. Cikovich et al. Moscow, 1980. 709 p.
9. Slavgorodskaya O.A. To the question of the credibility of the testimony of a witness // *Vestnik BFU im. I. Kanta*. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2019. No. 1. P. 20–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dostovernosti-pokazaniy-svidetelya> (access date: 09.01.2022).
10. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Moscow, 2020. 288 p.
11. Shmeleva T.V. Speech genre model // *Zhanry rechi*. Saratov, 1997. Is. 2. P. 88–98.
12. Shmeleva T.V. Semantic syntax: text of lectures from the course “Modern Russian Language” // Krasnoyar. un-t. Krasnoyarsk, 1994. 46 p.
13. Shulgina K.V. Linguistic correlation of the primary text and its verbal reproduction in the protocol of interrogation // *Sibirskiy filologicheskii forum*. 2021. No. 3 (15). P. 33–43. URL: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-15-3-83> (access date: 07.01.2022).
14. Shulgina K.V. Someone else's speech in the protocol of interrogation as a type of secondary text // *Sibirskiy filologicheskii forum*. 2020. No. 4 (12). P. 21–28. URL: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-60> (access date: 05.01.2022).
15. Yaduta L.I. How is certainty possible in archeology? // *Simvol nauki*. 2017. No. 03-3. P. 81–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-vozmozhna-dostovernost-v-arheologii> (access date: 06.01.2022).
16. Miller G.A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two // *The Psychological Review*. 1956. Vol. 63. P. 81–97. URL: <http://www2.psych.utoronto.ca/users/peterson/psy430s2001/Miller%20GA%20Magical%20Seven%20Psych%20Review%201955.pdf> (access date: 27.12.2021).

About the authors

Shulgina Kristina Vitalievna – PhD Candidate, Department of Modern Russian Language and Methods, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: watermark2@yandex.ru

Osetrova Elena Valerievna – DSc (Philology), Professor, Department of Modern Russian Language and Methods, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: osetrova@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-110>

УДК 82

«ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЕ КУХНИ» В РОМАНЕ Л.Е. УЛИЦКОЙ «ЗЕЛЕНый ШАТЕР»: ТВОРЧЕСТВО КАК СТИМУЛ БЫТИЯ

А.И. Гонтарева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы и цель. Творчество Л. Улицкой и по сей день является объектом повышенного внимания критиков и литературоведов. Роман «Зеленый шатер» (2011) обозначил новый этап в развитии творчества автора. В отличие от ранних текстов Л. Улицкой, «Зеленый шатер» охватывает не судьбу одной личности или семьи, но целую эпоху «от Иосифа до Иосифа» (1951–1990) и, как следствие, представляет читателю целый калейдоскоп героев, их судеб. Замах на эпическую эпопею отвечает задаче автора – изобразить идеологию, историю русского диссидентства означенного периода. В статье рассматривается поэтика романа «Зеленый шатер», особое внимание уделяется теме творчества, образу художника. Опорой исследования послужили труды Н. Лейдермана, М. Липовецкого, Н. Ковтун, О. Осьмухиной, Н. Поляковой, Д. Тищенко, посвященные творчеству Л. Улицкой.

Методологией исследования стали сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический и историко-культурный подходы.

Предметом исследования является реализация темы творчества в романе «Зеленый шатер».

Результаты исследования. На основании анализа романа Л. Улицкой «Зеленый шатер» показано, как изменяется восприятие образа эпохи, проблемы творчества, личности в историческом контексте. Если в ранних произведениях автора на первый план выдвигается бытие человека и его окружения, то в данном произведении наблюдается трансформация авторской манеры. В текстовой действительности Л. Улицкой возникает необходимость обращения не к одной человеческой судьбе, но к судьбе поколений, стержнем истории становится тема взаимоотношений художника и власти.

Заключение. Л. Улицкая, помещая героев романа в реальный исторический контекст, вписывая их судьбы в историю страны, ставит в произведении социально-философские проблемы взаимоотношений человека и государственной машины. Творчество становится единственным способом выживания личности в условиях диктатуры.

Ключевые слова: проза, Л. Улицкая, диссидентство, образ творца, неосентиментализм.

Постановка проблемы. Современный литературный процесс в России является объектом повышенного интереса критиков и литературоведов. Взаимопроникающие литературные системы становятся объектом актуального научного дискурса [Ковтун, 2016]. При внушительном корпусе исследовательских работ обозначить строгие границы определенной художественной парадигмы становится сложно. Доказательством этому служит разноречивый анализ текстов Л. Улицкой, чье раннее творчество (1990–2010) традиционно относят к эстетике неосентиментализма [Гонтарева, 2019, с. 18] или мидл-литературе

[Ковтун, Богданова, 2014], поздний этап связан с попыткой создания текстов, претендующих на эпопейность.

Исследователи подчеркивают, что рубеж XX–XXI вв. стал переломным моментом в устоявшихся художественных направлениях, породил многообразие синхронно сосуществующих литературных систем. Так, роман «Зеленый шатер» не вписывается в рамки той «авторской герменевтики», о которой говорила писательница в начале своего творчества. В отличие от ранних текстов Л. Улицкой («Сонечка», «Медея и ее дети», «Веселые похороны», «Искренне ваш Шурик»), роман «Зеленый шатер» охватывает судьбу не одной личности, а целую эпоху «от Иосифа до Иосифа» (1951–1990) и, как следствие, представляет читателю целый калейдоскоп героев и их судеб. Такой замах на «эпопейность» повествования отвечает новой задаче автора [Осьмухина, 2012, с. 108].

Целью настоящего исследования является анализ темы творчества в романе «Зеленый шатер», выявление функциональной значимости образов советской интеллигенции «вне закона». Достижение цели помогает понять идейно-художественную доминанту произведения, глубинные интертекстуальные связи и смыслы.

Методология. Для осмысления темы творчества, роли образов творческой интеллигенции, представленной в романе Л. Улицкой, в статье применяются сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический и историко-культурный методы анализа литературных произведений.

Результаты исследования. Жанр произведения Л. Улицкой «Зеленый шатер» критики и исследователи определяют по-разному. Так, Т. Григорьева говорит о нем как о «синкретическом труде»: «Это не роман, не историческое исследование и не публицистическая статья, а нечто среднее», своего рода публицистическая беллетристика [Григорьева, с. 2011]. Критик Т. Фролова называет роман «очень историческим, в квадрате», где само «время – главный герой и оно же движущая сила повествования» [Фролова, 2011]. Исследователь В.С. Вуколова дает тексту Улицкой определение «филологический роман» [Вуколова¹, 2017, с. 124], отмечая его литературоцентричность. Разные взгляды сходятся в том, что в художественном методе писательницы произошла эволюция.

Структурно художественный текст состоит из 30 рассказов, каждый из которых на первый взгляд кажется самостоятельным произведением, так как все они имеют начало и логическое завершение, перед читателем открывается свобода: прочесть роман полностью, линейно или выборочные главы и даже изменить последовательность прочтения. Однако все элементы произведения связаны между собой образами главных героев, представителей группы «Трианон»: Саня Стеклов, Миха Меламид, Илья Брянский – и их окружением. Важным признаком этой группы персонажей является обособленность от остального мира и даже противостояние, в частности с «вождями» класса – Мурыгиным и Мутюкиным: *А потом, когда Мутюкин и Мурыгин мирились, опять начинали замечать*

¹ Вуколова В.С. Литературоцентричность прозы Людмилы Евгеньевны Улицкой (интертекстуальный аспект): дис. ... канд. филол. наук: 01.01.01. Тамбов, 2017. 202 с.

этих непарных, некомпанейских чужаков, которых избить как следует труда не составляло, но интереснее было держать их в страхе и беспокойстве и постоянно напоминать, кто здесь главный: еврей-очкарик, музыкант, школьный шут или «нормальные ребята» <...> (Улицкая, 2011, с. 30).

Главными героями Л. Улицкой становятся аутсайдеры, которые находятся вне общества, не вписываются в рамки образа идеального советского человека. Только они, по мнению К. Чачанидзе, способны транслировать нормальное человеческое отношение к жизни: «Ihre Protagonisten sind Außenseiter, jene „Kranken, Alten, Invaliden und Verrückten“, die außerhalb der sowjetischen Gesellschaft stehen und als solche die „normale menschliche Beziehung zum Leben“ besonders deutlich zeigen» [Chachanidze, 2005, с. 60].

Изображаемое время в романе – 60–80-е гг. XX в. – эпоха новой культурной и духовной формации. Именно в этот период возникает феномен *интеллигентские кухни* [Полякова, 2020, с. 155]. Этот феномен подразумевает «группу людей, объединенную общим интересом к литературе и искусству»: *На кухнях пили чай и водку, шелестели преступные бумаги, шуришали магнитофонные ленты с Галичем и молодым Высоцким...* (Улицкая, 2011, с. 237). Сама писательница в интервью отвечает на вопрос, почему была выбрана столь «винтажная» тема: *Диссиденты в России были первым поколением, которое побороло в себе страх перед властью, которое начало великую борьбу за право иметь собственное мнение, за право думать не «по-газетному» <...>. Это была школа мужества и независимости* (Улицкая, 2010).

Стоит отметить, что автор отнюдь не идеализирует образ диссидентов в своем романе: *Все подпольщики тех лет, читатели и делатели самиздата, переругались и разбились по мелким партиям, на овец и козлиц* [Улицкая, 2011, с. 380]. Так, если Миха Меламид из-за своей большой впечатлительности от прочитанного самиздата попадает на крючок кагэбэшников, то Илья Брянский относится к литературе хладнокровно и профессионально: *Илья на самиздате зарабатывал. В отличие от большинства прочих гуттенбергов своего времени, интеллигентским чистоплутьством он не страдал и за потраченное время желал получить приличное вознаграждение...* (Улицкая, 2011, с. 170).

Особенностью изображения культурного поля в романе «Зеленый шатер» является акцент на его альтернативных формах, в первую очередь *диссидентстве и самиздате*: «Основное напряжение связано с противостоянием диссидентской культуры и “официоза”, защищаемого государством» [Полякова, 2020, с. 156]. Помимо постоянного преодоления опасности, организующим фактором для этого культурного пространства стала *эпидемия чтения* (Улицкая, 2011, с. 240): *Жадное, безудержное, маниакальное чтение – хобби, невроз, наркотик. Для многих книга из учителя жизни превращалась в ее заменитель* (Улицкая, 2011, с. 332). По мнению исследователя Е. Новиковой, в условиях потери перспективы жизни человек пытается найти некое убежище. Им может стать любовь, творчество, для героев романа Л. Улицкой – чтение: «<...> окружающая действительность транс-

формируется в новую, “виртуальную” реальность. Человек пытается убежать от самого себя и спрятаться в мире “иллюзорном”» [Новикова, 2019, с. 22]. Эта же картина «запойного чтения» персонажей отличает и раннюю повесть «Сонечка», главная героиня которой до встречи с художником (недавним зэком) буквально остается в книжных лабиринтах – подвале библиотеки – и не способна отличить игру и «внетекстовую реальность» [Ковтун, 2014].

В рассматриваемом дискурсе важным становится вопрос об истинном творчестве, вписанном в сложный исторический контекст, о творце, перед которым постоянно стоит выбор – «соблюдать правила» государства или же, рискуя свободой и жизнью, транслировать в мир истинное искусство. Категорию творца мы рассматриваем в самом широком смысле – это писатели, музыканты, художники, журналисты, критики и т.д.

Точкой отсчета в возникновении такой «интеллигентской кухни» на страницах романа «Зеленый шатер» становится появление нового учителя в жизни Трианона – Виктора Юльевича Шенгели (Руки). Жизнь главных героев меняется в лучшую сторону, преподаватель становится путеводной звездой ребят в мире литературы и истории: *Литература – лучшее, что есть у человечества. Поэзия – это сердце литературы, высшая концентрация всего лучшего, что есть в мире и в человеке. Это единственная пища для души* (Улицкая, 2011, с. 50). Виктор Юльевич учит детей мыслить критически, пользоваться не только «официальными» учебниками, но и другими источниками информации, ценить классическую литературу. На любви к литературе и формируется кружок «ЛЮРСЫ» – кружок любителей русской словесности.

Это объединение отличает ощущение живой связи с историей родной страны, декабризма, с идеями русской литературы: *Из всякого времени надо вырывать-ся, высказывать, не давать ему поглотить себя. – Литература – единственное, что помогает человеку выживать, примиряться со временем, – назидал Виктор Юльевич своих воспитанников* (Улицкая, 2011, с. 54). Именно здесь формируются жизненно-философские установки на будущее у группы Трианона – Миха решает поступать на филологический, Илья развивает свой талант документальной журналистики – собирает архив ЛЮРСОВ, который позже попадет в руки КГБ: *Пройдет полтора десятилетия, прежде чем полковник Чибиков... доберется до этого детского архива... и еще пятьдесят лет до того года, когда институт изучения Центральной и Восточной Европы регистрирует этот архив за семизначным номером с косой чертой посередине* (Улицкая, 2011, с. 34).

Характерной особенностью кружка стало разнообразие топосов, в которых он изображен: не только на кухне Юлича, но и на московских улицах: *По средам Виктор Юльевич таскал <...> «люрсов», как они себя называли, по Москве и выводил их, дуя в свою флейточку, из бедного и больного времени в пространство, где работала мысль, где жила свобода, и музыка, и всякие искусства. Вот, здесь все это обитало! За этими окнами* (Улицкая, 2011, с. 50). Сакральным местом для избранных становится Потаповский переулок, по которому еще ходила

<...>последняя любовь Пастернака, отсидевшая срок за эту любовь, и ее дочка, тоже отсидевшая срок за причастность (Улицкая, 2011, с. 524). Герои постоянно ощущают связанность с русской культурной традицией, независимо от времени сохраняющей след: *И Пастернак по этому переулку ходил каких-то двадцать лет тому назад. А сто пятьдесят лет тому – Пушкин... И мы тут проходим, огибая вечные лужи* (Улицкая, 2011, с. 525). Именно ЛЮРСЫ становятся проводниками по закулисью Москвы для русского иностранца-журналиста Пьера Занда (отсылка к культуре русской эмиграции): *А вчерашние «люрсы» были лучшими из проводников для тоскующего по России Пети* (Улицкая, 2011, с. 115).

Еще одним признаком антисоветской интеллигенции на страницах романа становится закодированный язык, что типично для русских интеллектуальных сообществ, диссидентства в целом начиная с Арзамаса и Северного тайного общества. Лексика ее сформировалась как реакция на искусственно созданный официальный язык Советов с его лозунгами и плакатами. В финальной главе романа, названной по одноименному сборнику стихотворений И. Бродского «Конец прекрасной эпохи», друзья встречаются в эмиграции, в доме поэта, названного языком советизмов «тунеядцем». Он же, опровергая это звание *...читал и без всяких просьб, ему самому нужно было это произнесение вслух – колебание воздуха, доказательство жизни* (Улицкая, 2011, с. 581).

По мнению исследователя Н. Поляковой, одним из главных культурных кодов времени в романе является имя Бориса Пастернака. Л. Улицкая часто работает с узнаваемыми лицами. Реализуя задачи миддл-литературы, играя с интертекстуальным полем текста, Л. Улицкая подчеркивает особый «код доступа» в мир интеллигенции – это погружение в роман «Доктор Живаго», который не вписывался в рамки соцреализма: *«Великий постскриптум к русской классической литературе», – вывел Виктор Юльевич свое заключение* (Улицкая, 2011, с. 74). Чтение, обсуждение, перепечатывание на машинке и даже хранение в личном архиве рукописи запрещенного текста было исполнено большого риска и равнялось подвигу: *Такие книги меняют жизнь!* (Улицкая, 2011, с. 101).

В предлагаемом ракурсе «люрсы», несмотря на то что являются почти детьми, воспринимаются как миссионеры. В романе «Зеленый шатер» упоминание имени Б. Пастернака и даже намек на него становятся «маркерами» культурного единства и духовного «родства героев романа» [Полякова, 2020, с. 156]. Показательно, что избранные персонажи ведут себя как члены некоего тайного общества, в их поведении проскальзывает что-то заговорщическое: *Моя бабушка дружит с Борисом Леонидовичем чуть не всю жизнь. Она его роман перепечатывала. Это бабушкин экземпляр. Виктор Юльевич накрыл горячей рукой болтливый рот: «Никогда и никому этого не говорите. И мне вы этого не говорили»* (Улицкая, 2011, с. 101). Автор создает хронотоп, в котором ощущение опасности, конспиративность являются структурообразующими элементами сюжета.

Конфликт в романе зиждется на строгой оппозиции: с одной стороны, *советская фантазмагория* (Улицкая, 2011, с. 105): *Страна жила своей безумной*

жизнью – после невидимой свары у гроба Джугашвили, тайной борьбы за власть, после возвращения первых тысяч лагерников и ссыльных... (Улицкая, 2011, с. 106), с другой – противостоящие ей представители подлинной интеллигенции, составляющие пространство, где работала мысль, где жила свобода, и музыка, и всякие искусства (Улицкая, 2011, с. 74). Так, в изображении художника Бориса Муратова это противостояние перерастает в открытую авторскую иронию над «официозом» – в его квартире не работает ордер на обыск, а вот почетная грамота с профилем вождя и печатью оказывает свое действие на представителей власти и позволяет художнику Муратову сбежать в глубинку. Жизнь художника в деревне не только спасительна, но и умиротворяет его душу: *Борис Иванович давно уже и не помышлял о колбасе – в этих краях она полностью потеряла свой символический смысл, как предмет давно забытый и полностью вышедший из обихода. <...> Рисовал теперь Муратов исключительно застолья старух* (Улицкая, 2011, с. 419).

Исследователь Катрин Чачанидзе считает, что интеллектуальность, духовность, неформальное искусство и образ жизни «подполья» становятся единственным способом выжить в условиях диктатуры, сохранить подлинного себя: *«Damit geraten jüdische „Geistigkeit“ und „Intellektualität“ sowie die „entartete“ Kunst und Lebensweise des „Underground“ zur einzigen Möglichkeit, die Diktatur in Authentizität, in Treue zu sich selbst und in geistigem Reichtum überleben zu können»* [Chachanidze, 2005, с. 109]. Всесторонне нарастающее напряжение: атмосфера страха, постоянное ощущение опасности рождает, однако, необъяснимый духовный подъем и ощущение скорых перемен, что транслируется через поэзию: *Сколько стихов! Сколько стихов! Не было другого такого времени в России ни до, ни после. Стихи заполняли безвоздушное пространство, сами становились воздухом* (Улицкая, 2011, с. 140).

Как отмечает Д.Е. Тищенко, одной из ведущих тем романа «Зеленый шатер», поддерживающей идейно-смысловую структуру, является проблема взаимоотношения человека и власти. Большинство героев книги находятся в открытой конфронтации с действующим режимом [Тищенко, 2015, с. 309]. В разрешении этой проблемы важным становится выбор самого героя-творца, который определит его дальнейшую судьбу. Среди представителей Трианона мы видим три варианта разрешения: *уход в смерть, уход в эмиграцию, уход в искусство* (курсив наш. – А.И.).

Так, Миха Меламид, искренний и добродушный герой, который всю жизнь ощущает жертвенную вину перед всеми, в столкновении с властью не выдерживает давления. Именно творчество актуализирует его самоутверждающийся тип самосознания, позволяет не обрывать связь с окружающей действительностью. Невозможность заниматься творческой деятельностью становится для него постыдной, толкает на самоубийство: *Какой простой и верный выход. Почему это никогда раньше не приходило в голову? Как хорошо, что тридцати четырех еще не исполнилось. Ведь именно в тридцать три года Иисус совершил поступок, подтвердивший его абсолютную зрелость: он добровольно отдал свою жизнь за идею, которая вообще-то не вызвала у Миши большого сочувствия, – за чужие грехи* (Улицкая, 2011, с. 544).

Илья Брянский, столкнувшись с государственной машиной, чувствуя опасность, эмигрирует за границу, оставляя семью и друзей: *Самолет все набирал высоту и стремительно уходил на запад, оставляя позади руины проклятой жизни, вязкую путаницу, страх, стыд, ложь, и он вдыхал искусственный самолетный воздух – воздух свободы и высокогорья. Впереди маячила восхитительная пустота, жизнь начиналась с чистой страницы, все помарки стертые, как ластиком* (Улицкая, 2011, с. 445).

Саня Стеклов находит спасение в искусстве, в мире музыки: *И снова, и снова слушал Саня Баха, и к исходу второй недели исцелился совершенно. Последняя прелюдия и fuga си-минор – Бах написал «Ende Gut – Alles Gut». – Хорошо, – сказал Саня. Он Баху доверял* (Улицкая, 2011, с. 531). Уже после смерти бабушки и друга Мухи он эмигрирует в США, где становится всемирно известным музыкантом. Эмиграция для Сани – способ обретения свободы, единственная возможность писать и говорить о музыке без оглядки на постановления правительства.

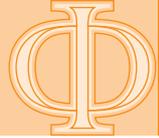
Эпилог романа указывает на субъективность повествования, что характерно для современной русской литературы в целом, об этом говорила еще Л.Я. Гинзбург: «...именно для современной литературы очень характерно изменение позиции автора. В очень многих романах автор поставлен в особое положение. Он обнаруживает свое присутствие <...> Такое личное, автобиографическое присутствие автора, <...> есть характерные для современной прозы размытые границы между вымыслом и реальностью» [Гинзбург, 2010]. Нивелирование этих границ достигается и за счет смешения образов реальных исторических личностей с вымышленными персонажами. Стоит отметить, что введение знаковых фигур (В. Набоков, И. Бродский, Б. Пастернак, А. Солженицын, А. Сахаров и т.д.) в структуру сюжета – характерный для творчества писательницы прием, они являются собой образы-символы, выполняют пророческую функцию в тексте.

Таким образом, мы приходим к выводу, что автор, помещая героев романа в реальный исторический контекст, вписывая их судьбы в историю страны, ставит в произведении социально-философские проблемы взаимоотношений человека и государства, культуры и власти, творческой свободы или несвободы, проблему нравственного выбора в условиях диктатуры. Центральную философско-художественную идею произведения озвучивает Саня в финале повествования: *Время слонится, <...> все происходит одновременно. Близко к концу... отсюда цитатность. Кажется, **ничто ценное не устареет*** (Улицкая, 2011, с. 586).

В целом ясно обнаруживается писательская интенция, утверждающая, что в самые суровые времена ментальной чертой русской интеллигенции остается вера в особое духовно-нравственное предназначение искусства. Тема творчества приобретает в таком ключе онтологическое значение как способ героя выжить в страшной истории.

Список источников

1. Улицкая Л.Е. Зеленый шатер. М.: Эксмо, 2011. 592 с.

2. Улицкая Л.Е. Личинки, дети личинок // Интервью с Л. Улицкой. Гостева А. / Газета.ru. 21.12.2010. URL: https://m.gazeta.ru/culture/2010/12/21/a_3472805.shtml (дата обращения: 15.11.2021).

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. Последнее интервью с Лидией Яковлевной Гинзбург // Сеанс: электронный журнал. 15.12.2010 / Л. Аркус. URL: <https://seance.ru/articles/ginzburg/> (дата обращения: 20.11.2021).
2. Глазкова М.М., Попова И.М. «Цитатность» как способ выражения авторской позиции в романе «Зеленый шатер» Л. Улицкой. Лейтмотив «имаго» // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2014. № S13. С. 26–30. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14653.html> (дата обращения: 10.11.2021).
3. Гонтарева А.И. Образ «сироты духа» в романе Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик» // Актуальные проблемы современной филологии: матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.А. Полуэктова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2019. С. 18–22.
4. Григорьева Т. Людмила Улицкая. Зеленый шатер. 24.01.2011. URL: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/20064?expand=yes#expand> (дата обращения: 04.11.2021).
5. Ковтун Н.В. Актуальная литература в зеркале манифестов («Мой манифест» Распутина, «Учение ЕПС» В. Ерофеева и «Отрицание траура» С. Шаргунова) // LITERATURA (Rusisrica Villnensis). 2016. № 58 (2). Vilnius: Vilniaus universitetas, p. 52–65.
6. Ковтун Н., Богданова О. Коммуникативные стратегии в «миддл-литературе» рубежа XX–XXI вв.: случай Л. Улицкой // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. № 1. С. 14–25.
7. Ковтун Н.В. Мифопоэтика сюжета о поиске и обретении истины в повести Л. Улицкой «Сонечка» // Известия Уральского федерального университета. 2014. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 1. С. 233–248.
8. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: в 3 т. М.: Академия, 2003. Т. 3. 567 с.
9. Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века: учеб. пособие. М.: Флинта, 2005. 310 с.
10. Новикова Е.О. Апокалиптические темы и мотивы в истории русской литературы // Современная филология: состояние, проблемы, перспективы: матер. VIII Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием / отв. ред. Т.А. Полуэктова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2019. С. 17–22.
11. Осьмухина О. Скромное обаяние эпохи. «Зеленый шатер» Л. Улицкой // Вопросы литературы. 2012. № 3. С. 108–119.
12. Полякова Н.А. Альтернативное культурное пространство в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер» // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург. 2020. № 12 (102). Ч. 3. С. 155–158. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.102.12.104>
13. Тищенко Д.Е. Роман Л. Улицкой «Зеленый шатер»: проблематика, поэтика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Изд-во Грамота. 2015. № 8, ч. 2. С. 307–311.
14. Фролова Т. Шатер с табличкой «Выход» // Нева. 2011. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2011/8/shater-s-tablichkoj-vyход.html> (дата обращения: 05.12.2021).
15. Chachanidze K. Zerrbilder des Weiblichen und Jüdischen: Das Andere in Texten Ljudmila Ulicakajas und Mariam Juzefovskajas (Open Access). Dissertation 2005. Einzelnachweise [Bearbeiten | Quelltext bearbeiten]. 285 с.

Сведения об авторе

Гонтарева Альбина Игоревна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: albka_kaza@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-110>

“INTELLECTUAL KITCHENS” IN L.E. ULITSKAYA'S NOVEL “THE BIG GREEN TENT”: CREATIVITY AS A STIMULUS OF BEING

A.I. Gontareva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Introduction. The works of L. Ulitskaya are still the subject of increased attention of critics and literary researchers. The novel “The Big Green Tent” marked a new stage in the development of the author’s work. Unlike L. Ulitskaya’s early texts, “The Big Green Tent” covers not only the fate of one person or family, but the whole epoch “from Joseph to Joseph” (1951–1990) and, as a result, presents the reader with a whole diversity of heroes and their destinies. The epic swing meets the author’s task – to depict the ideology, the history of Russian dissidence of the indicated period. The article examines the poetics of the novel “The Big Green Tent”, special attention is paid to the theme of creativity, the image of the artist. The research was based on the works of N. Leiderman, M. Lipovetsky, N. Kovtun, O. Osmukhina, N. Polyakova, D. Tishchenko, dedicated to the work of L. Ulitskaya.

The *methodology of the study* was comparative, structural-typological and historical-cultural approaches.

The subject of the study is the realization of the theme of creativity in the novel “The Big Green Tent”.

Results. Based on the analysis of the novel by L.E. Ulitskaya, it is shown how the perception of the image of the epoch, the problem of creativity, personality in the historical context changes. If in the author’s early works the existence of a person and his environment is brought to the fore, then in this work there is a transformation of the author’s manner. In the textual reality of L. Ulitskaya, there is a need to address not just one human fate, but the fate of entire generations, the core of the story becomes the theme of the relationship between the artist and the authorities.

Conclusions. L. Ulitskaya in her work poses the socio-philosophical problems of the relationship between a person and the state machine by placing the heroes of the novel in a real historical context, inscribing their destinies in the history of the country. Creativity becomes the only way for the survival of the individual in a dictatorship.

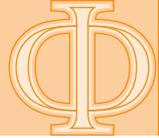
Keywords: *prose, L. Ulitskaya, dissidence, the image of the creator, neosentimentalism.*

List of sources

1. Ulitskaya L.E. The big green tent. Moscow: Eksmo Publishing House, 2011. 592 p.
2. Ulitskaya L.E. Larvae, children of larvae // Interview with L. Ulitskaya. Gosteva A. / Газета.ru. 21.12.2010. URL: https://m.gazeta.ru/culture/2010/12/21/a_3472805.shtml (access date: 15.11.2021).

References

1. Ginzburg L.Ya. The last interview with Lidia Yakovlevna Ginzburg // Electronic magazine “Session”. 12.15.2010 / L. Arkus. URL: <https://seance.ru/articles/ginzburg/> (access date: 20.11.2021).
2. Glazkova M.M., Popova I.M. “Citation” as a way of expressing the author's position in the novel “The big green tent” by L. Ulitskaya. Leitmotif “imago” // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. 2014. No. S13. P. 26–30. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14653.html> (access date: 10.11.2021).

3. Gontareva A.I. The image of the “orphan spirit” in L. Ulitskaya's novel “Sincerely your Shurik” // Actual problems of modern philology / Materials of the IX International scientific and Practical Conference / Ed. by T.A. Poluektov; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev. Krasnoyarsk, 2019. P. 18–22.
4. Grigorieva T. Lyudmila Ulitskaya. “The big green tent”. 24.01.2011. URL: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/20064?expand=yes#expand> (access date: 04.11.2021).
5. Kovtun N.V. Actual literature in the mirror of manifestos (“My Manifesto” by Rasputin, “The Doctrine of the ENP” by V. Yerofeyev and “Denial of Mourning” by S. Shargunova) // LITERATURA (Rusisrica Villnensis). 2016. No. 58 (2). Vilnius: Vilnius universitetas, p. 52–65.
6. Kovtun N., Bogdanova O. Communicative strategies in the “middle literature” of the turn of the XX–XXI centuries: the case of L. Ulitskaya // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 9. 2014. No. 1. P. 14–25.
7. Kovtun N.V. Mythopoetics of the plot about the search and finding of truth in L. Ulitskaya's story “Sonechka” // Izvestiya Ural Federal University. Ser. 2: Humanities. 2014. No. 1. P. 233–248.
8. Leiderman N.L., Lipovetsky M.N. Modern Russian Literature. In 3 vol. Moscow: Publishing House of the Academy, 2003. Vol. 3. 567 p.
9. Nefagina G.L. Russian prose of the end of the XX century: textbook. manual. Moscow: Flint Publishing House, 2005. 310 p.
10. Novikova E.O. Apocalyptic themes and motives in the history of Russian literature // Modern philology: state, problems, prospects: materials of the VIII All-Russian scientific and methodological conference with international participation / Ed. by T.A. Poluektov; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev. Krasnoyarsk, 2019. P. 17–22.
11. Osmukhina O. Modest charm of the epoch. “The big green tent” by L. Ulitskaya // Questions of literature. 2012. No. 3. P. 108–119.
12. Polyakova N.A. Alternative cultural space in L. Ulitskaya's novel “The Green Tent” // International Scientific Research Journal. Yekaterinburg. 2020. No. 12 (102) H. 3. P. 155–158. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.102.12.104>
13. Tishchenko D.E. Roman L. Ulitskaya “The big green tent”: problematics, poetics // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Publishing House of the Diploma. 2015. No. 8, p. 2. P. 307–311.
14. Frolova T. Tent with a sign “Exit”// Neva Magazine. 2011. No. 8. URL: <https://magazines.Gorky.media/neva/2011/8/shater-s-tablichkoj-vyhod.html> (access date: 05.12.2021).
15. Chachanidze K. Distorted Images of the Feminine and the Jewish: The Other in texts by Lyudmila Ulickaja and Mariam Juzefovskaja (Open Access). Dissertation 2005. References [edit]. 285 p.

About the author

Gontareva Albina Igorevna – Postgraduate student of the Department of World Literature and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: albka_kaza@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-111>

УДК 882

ОБРАЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ РОМАНА СЕНЧИНА

Е.О. Новикова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Статья посвящена *проблеме* становления героя в раннем творчестве Романа Сенчина. Верный традициям «нового реализма», автор пишет о безнадежном и бессмысленном мире, в котором погряз современный человек. Герой писателя – «маленький человек», но уже лишенный ореола трансцендентального, который признавала за ним классика.

Цель статьи – рассмотреть трансформацию образа «маленького человека» в современной русской прозе на примере ранних произведений писателя: «Нубук», «Лед под ногами», «Жить, жить», а также выявить основные черты литературного героя, созданного художником.

В работе используются сравнительно-исторический и социологический *методы*.

Результаты исследования. В литературе XXI в. образ «маленького человека» существенно отличается от художественной традиции XIX – начала XX в. С наступлением двухтысячных годов происходит очередной слом культурной парадигмы, меняется привычный уклад жизни людей, ценностные ориентиры, представление о Будущем...

На основании анализа произведений Романа Сенчина можно сделать *вывод* о том, что писатель анализирует болезнь нынешней эпохи, название которой «обыденность». Диагноз болезни – отсутствие воли к жизни, чувство бессмысленности собственного существования, невозможность реализовать себя как личность, духовная дезориентация, неврастения. «Маленькому человеку» нового времени присущи такие состояния, как отстраненность, отчужденность, нерешительность, нервозность и социальная дезориентация.

Ключевые слова: «новый реализм», Роман Сенчин, «маленький человек», отчуждение, одномерное общество.

Постановка проблемы. «Новый реализм» – относительно новое направление в литературе, сформировавшееся в начале двухтысячных. Денис Гуцко, Сергей Шаргунов, Дмитрий Новиков, Роман Сенчин, Захар Прилепин, Михаил Елизаров, Михаил Тарковский являются его яркими представителями [Kovtun, Klimovich, 2018, с. 315]. Их произведения демонстрируют всю сферу современного уклада человека, обнажая социальные проблемы общества. На страницах «новой прозы» срединный человек становится «значительней и интересней любых самых бесподобных текстов» [Новикова, 2019, с. 46].

Роман Сенчин – российский прозаик, который ставит в центр своих текстов образ «маленького человека». Автор в одном из интервью высказался следующим образом: «Я пытаюсь писать о жизни ничем особенным не выдающихся, как Пушкин их называл, “ничтожных” людей. <...> Жизнь большинства складывается из череды дней-близнецов, которые не запоминаются, не радуют и не огорчают. <...> И вот эти бесцветные, лишние дни я и беру для описания»

[Беляков, 2013, с. 236]. Писатель через повествование о бытовой жизни людей создает колоритную атмосферу безнадежности и бессмысленности человеческого существования. Именно человек и его место в мире выходят на первый план в его творчестве. Говоря о жанре как о специфике художественного произведения, критики все чаще склоняются к тому, что «главный жанр Сенчина – социально-психологическая проза» [Беляков, 2013, с. 390].

Цель статьи – рассмотреть трансформацию образа «маленького человека» в современной русской прозе на примере ранних произведений писателя, а также выявить основные черты литературного героя, созданного художником.

Методы исследования. В ходе исследования используются методы сравнительно-исторического и социологического анализа.

Результаты исследования. Произведения Сенчина, заголовки его книг носят кричащий характер. «Постоянное напряжение», «На черной лестнице», «Лед под ногами», «Срыв», «Петля»... Они свидетельствуют об отчаянии отдельного человека и экзистенциальном кризисе современной цивилизации. Мрачность, безнадежность, пессимизм усматривает читатель, открывая ту или иную книгу. Р. Сенчин оправдывает это словами: «Я реалист, пытаюсь более или менее объективно зафиксировать некоторые, к сожалению, часто неприглядные стороны нашей жизни. Литература вообще фокусируется на проблемах, трагедиях, драмах. Радостных произведений литературы как-то и не вспомнить, везде таится какая-то беда» [Васильев, 2017].

Многие представители теоретико-литературной мысли делят творчество Р. Сенчина на два периода – *ранний* и *поздний*. Ранний приходится на начало двухтысячных годов. В это время выходят в свет сборники повестей и рассказов «Афинские ночи», «День без числа», «Минус», роман «Нубук». Краеугольным камнем раннего периода являются автобиографичность текстов, их острая социальность. «Его отличала предельная откровенность до саморазоблачения и самоуничтожения», – пишет о Сенчине Сергей Беляков [Беляков, 2013, с. 236]. Валерия Пустовая заявляет, что произведения писателя «...это самоанализ на уровне исповеди перед медицинской картой» [Пустовая, 2013, с. 125]. Соотношение биографической личности с литературным героем создает необходимую для писателя-реалиста почву, позволяет отразить окружающую действительность через мысли, чувства, эмоции, ценности и настроения героя.

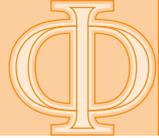
«Новый реализм» сформировал новые отношения между автором, героем и читателем, где отсутствуют дистанции. Отношения трех сторон выстраиваются по горизонтали. В произведениях прошлых столетий писатель для многих людей был в роли просветителя, наставника, «инженера человеческих душ». Сегодня, автор-реалист – «свой человек», один из нас, который сочувствует каждому, относится уважительно к личности. Подчеркнутая связь между автором и героем принесла в прозу достоверность, искренность, исповедальность. Переход автора от автобиографической прозы в сторону традиционной реалистической поэтики ознаменовался поиском новых форм, сменой повествовательного дискурса, который призван воплотить особую реальность.

Поздний период творчества Сенчина датируется с 2009 г., когда в свет выходит роман «Елтышевы», который вызвал много споров в литературно-критическом сообществе. Многие критики высказывались о романе как о «главном событии ушедшего года» [Беляков, 2013, с. 387]. Вячеслав Огрызко в статье «Неизбежный бунт» пишет: «В “Елтышевых” Сенчин наконец-то отказался от привычной модели. На этот раз он не стал делиться только собственными ощущениями и переживаниями. Теперь в фокус его зрения попала уже чужая история» [Огрызко, 2013, с. 307]. Евгения Погорелая в журнале «Знамя» констатирует, что с появлением романа «Елтышевы» Сенчин завершает тему «лишнего человека», на смену которому «пришел человек действия, инстинктивного, природного, человек, которого нечеловеческие условия понуждают выказать свою животную сущность» [Погорелая, 2009].

В романе «Елтышевы» чудовищность изображаемого быта обнажает острые социальные проблемы современности. В произведении показано, как со временем деградирует, умирает отдельная семья, а вместе с ней разлагается, угасает страна. Честность, откровенность, принципы натурализма сближают сенчинский реализм с «чернухой» [Липовецкий, 1999]. Неонатурализм, позволяющий вовлечь в художественное пространство те реалии, которые традиционно расцениваются в качестве табуированных, рождает устойчивый интерес к пограничным состояниям бытия.

Литературная критика по-разному оценила новый опыт писателя-реалиста. Одни говорят, что Сенчин стал «наследником чернушной линии» [Иванова, 2008]. Его проза ассоциируется с «физиологической», «натуралистической», «чернушной», даже названа «чернухой второго поколения» [Агеев, 2013, с. 41]. «Это чернуха, на стороне которой выступает главный литературный Бог – Автор» [Там же]. Другие утверждают, что Роман Сенчин пишет «серым по серому» [Ганиева, 2013, с. 337]. Так, автор «не абсолютизирует ни “черного”, ни уж тем более “белого”, но до рези в глазах вглядывается в их смешение – в серость, которая и является основным цветом повседневности» [Комаров, 2019]. Сам писатель высказался следующим образом: «В современной литературе нет Павла Корчагина, но читатель ждет его появления. Я и сам этого жду. Не думайте, что я поклонник чернухи и пессимистического сюжета» [Платонов, 2018].

На страницах нынешней прозы отсутствует герой-Корчагин, готовый на подвиг ради высшей цели. На смену Павлу Корчагину с волевым и целеустремленным характером пришел «герой нашего времени» – безвольный, бесхарактерный, бесперспективный. В так называемом позднем периоде творчества автора повествование ведется с позиции ущемленного и пассивного героя. Мотив рутинности жизни тесно пересекается с мотивом бессмысленности собственного существования. Однако в поздних текстах писателя на смену юному персонажу приходит сорокалетний герой, который окончательно смирился с реалиями нынешней действительности. То, что объединяет два периода творчества писателя-реалиста, это художественный тип – «маленький человек».

Р. Сенчин пишет о жизни «типичных людей» в «типичных обстоятельствах». В литературной традиции понятие «тип» отражает художественный образ, характерный для определенной общественной среды [Чернец, 2016]. Сергей Беляков в журнале «Новый мир», констатирует, что «тип», «типизация», «типичность» являются очень характерными понятиями для современного общества. По словам критика, «...в нынешнем веке воскрес век позапрошлый» [Беляков, 2013, с. 237], из нескольких индивидуальных историй складывается панорама, где герой Сенчина выступает «маленьким человеком» рубежа XX–XXI вв. В классических текстах образ «маленького человека» – один из ключевых. Сенчин вослед А.С. Пушкину пишет о «ничтожных людях». Первый образ «маленького человека» у А.С. Пушкина – Иван Петрович Белкин. Он объединяет цикл повестей «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка».

Самсон Вырин из повести «Станционный смотритель» – прекрасный образец типичного человека невысокого социального сословия, чье душевное спокойствие, благополучие разрушено появлением светского волокиты, не желающего считаться с обстоятельствами. Человек в рассказах Романа Сенчина часто становится игрушкой случая, сильных мира сего. Его персонажи – типичные люди: бывший милиционер, писатель, начинающий бизнесмен. Они все довольны своим социальным положением, собой. Сенчин сочувствует своим героям: Станиславу Олеговичу («Гаврилов»), Сергею Игоревичу («Срыв»), Никите Сергеевичу («Конец сезона») и т.д.

И чем же все кончится на страницах авторской прозы? У Пушкина – смертью, иного выхода для Самсона Вырина не предусмотрено. У Сенчина – «тихим ужасом» – бесперспективностью и бессмысленностью. В каждой повести нарастают отчаяние, экзистенциальный ужас. Его герои сожалеют и мучительно страдают от осознания того, что жизнь сложилась неудачно, что изменить ее невозможно. Вспомним диалог двух друзей, Романа и Владимира из рассказа «Жить, жить...». В начале произведения герои думали покончить жизнь самоубийством, а в конце, разговаривая друг с другом по телефону, спрашивают: ««Как дела?» – и ответ: “Да так, более-менее. Живу”» [Сенчин, 2011, с. 273].

В романе «Лед под ногами» можно прочесть следующее четверостишие:
За весной – лето, за осенью – зима,
А голова пустая, ни капли в ней ума.
Теку я вдоль по жизни, и мне все равно,
Сажусь на унитаз, валю в него дерьмо [Сенчин, 2007, с. 163].

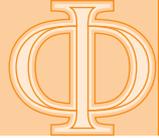
Музыкальная композиция Дениса Чащина, так же как и телефонный разговор Романа и Владимира, заключают одно положение – жизнь не имеет никакого значения и смысла. Герои Сенчина оправдывают свое пребывание в этом мире тем, что прослужили в армии, отучились в университете, произвели потомство, выплатили кредиты и т.д. Свою «миссию» они выполнили перед государством и семьей. «А остальное... Я не хочу больше мучиться, не хочу бегать и искать...

Меня завтра выкинут из агентства, и куда проситься?» [Сенчин, 2011, с. 267]. Социальная дезориентация еще один синдром, которым страдает современный герой. Возникает он на почве представления о враждебности и несправедливости окружающего мира. Следствием этого становится пограничное состояние отчуждения от себя и мира вообще. Рождается человек-автомат, который живет по определенному сценарию. Программу того, что он должен выполнить за свою жизнь, пишет за него государство или масскультура.

Появление человека-автомата началось с развитием технологического прогресса, когда государство с помощью тотального программирования внушило обществу ложные ценности. Обратной стороной относительного материального благополучия стал духовный кризис, который породил «одномерного человека». Известные слова Эриха Фромма: «Если я – то, что я имею, и если то, что я имею, потеряно, – кто же тогда я?» [Фромм, 2010], – звучат актуально и по сей день. Герой Сенчина боится потерять то единственное, на чем держится его жизнь: будь то работа, дом или семья. Когда человек находит свое законное место, тогда исчезают его сомнения в оправданности собственной жизни. Персонажи сенчинских повестей и рассказов пытаются найти «место под солнцем». Они переезжают из города в деревню, к земле («Елтышевы») или, напротив, из деревни в крупный город («Нубук»), к возможностям и красивой жизни, однако куда бы они ни направились, лучшей жизни обрести не могут.

Мотив поиска обетованной земли как дорога к светлой цели был одним из структурирующих в традиционалистской прозе [Ковтун, 2009, с. 323]. Страдание всегда оправдывалось грядущим светлым миром (Беловодье, град Китеж) [Ковтун, 2017, с. 81]. А русский человек, так же как герой Сенчина, страдает вообще, «всем существом и от всего существующего» [Бойко, 2013, с. 206]. Ф. Достоевский писал о том, что «у русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него не полно» [Достоевский, 1989–1996]. Так может быть спасение сенчинских героев в страдании?

Литературный герой Сенчина постоянно находится в состоянии страдания независимо от его положения, однако ему чужда мысль о какой-то особой миссии: «Оказывается, вся литература, философия, вообще культура доказывают одно: жизнь – это цепь страданий. Одно страдание сменяет другое, и так бесконечно, до полного добивания человека. И в итоге человек ждет не дождется, когда же придет смерть-избавление. Понимаешь? Ему уже невыносимо становится, ничего не мило совершенно. А? – Ну да, – кивнул Владимир. – И что? – Что?! А смысл страданий какой? Смысл, а? – Да никакого, наверно. – Вот и я про то же. Для самоукрепления, чтоб силы жить были, выдумывают тот свет, царство небесное, прочую лабуду, а на самом деле...» [Сенчин, 2011, с. 266]. Подобное отношение к феномену «страдания» является одной из причин русской катастрофы. По словам М. Бойко, «сегодня именно упоение собственным страданием позволяет нам равнодушно смотреть за лихорадочным скатыванием государства и целого народа к гибели» [Бойко, 2013, с. 206].

Р. Сенчин не дает никаких ответов на вопросы о будущем России. Герои его прозы – «бедные люди», «униженные и оскорбленные». Таковыми они остаются в «Зоне затопления», в «Елтышевых», в «Минусе», «Чужом», «Льде под ногами» – везде. Ощущение бесперспективности оставляет герою один выход – наблюдать, как гибнет целая цивилизация и он вместе с ней.

В раннем творчестве писателя присутствует какая-то надежда на то, что в конечном итоге все образуется, появится хотя бы один шанс на счастливое будущее. В 2002 г. на страницах журнала «Новый мир» появляется повесть «Нубук». Главные герои произведения – три друга, один из которых носит имя автора – Роман Сенчин. Автор рассказывает о доморощенных бизнесменах, озабоченных проблемами собственного выживания. Все трое выброшены на обочину «свободной» жизни, без внешней и внутренней опоры. Нет ни успешной работы, ни настоящей любви. Те ценности, что завещало им прошлое поколение, чему учили, обратились в прах в двухтысячных годах. Быть честным человеком и любить свою страну заведомо означает быть нищим, так как на достойную жизнь честным трудом не заработаешь. И для того чтобы выжить, приходится рисковать. Для главного героя риск – это шанс на долгую и успешную жизнь. Участие в бизнесе стало шансом для Романа изменить свое положение в обществе.

В 90-е гг. окончательно рухнул железный занавес, Россия открывает Европу заново. На рынках начали появляться импортные вещи, продукты. Постепенно промышленность в стране уничтожалась, заводы и фабрики закрывались, на смену пришла рыночная торговля. Повесть «Нубук» как раз о том, как молодые ребята, выращенные на ценностях советского общества, пытаются перестроиться, войти в новый уклад и ритм жизни. «Нубук – вид кожи, он очень красивый, популярный на Западе, но обувь из него недолговечная. Слишком мягкая для нашего климата» [Сенчин, 2002]. Данная фраза становится символом произведения. На практике западные либеральные реформы оказываются неадаптированными к российской земле. Частное предпринимательство начинает использовать грабительские схемы, аферы и махинации. В итоге все три героя терпят неудачу, никому из них не удается достичь даже малой доли успеха. Сенчин в традициях «нового реализма» изображает неустойчивый, опасный мир русского бизнеса, который помещен в более широкий социокультурный контекст: страх перед распадом целого государства, обострение национальных конфликтов, нищета и чувства общей потерянности и безнадежности.

Сенчин прекрасно раскрывает типичные черты молодых героев, которые стремятся подняться по социальной лестнице, достигнуть положения в обществе, и тех, кто не смог «перейти Рубикон», освоиться в новом времени. Внимание писателя направлено не только на причину и следствие социального упадка, но и на изменения в самой личности. «Маленький человек» становится эгоистичным, он ставит себя, свой интерес выше семьи и дружбы, пребывает в постоянном напряжении и упадочническом состоянии духа, но стремится соответствовать ценностям и нормам культурного человека, как он его понимает. Непостоянство в характере «маленького

человека» обусловлено тем, что у героя несформированные жизненные позиции и ориентиры. В произведении автор проводит параллель между внутренним миром героя и неустойчивостью в северной столице: «...весь город держался на чуде, держался каким-нибудь последним гвоздем, полусгнившей подпоркой, единственным, не до конца разъеденным влагой кирпичом» [Сенчин, 2002]. В художественном пространстве текста душевное равновесие свойственно людям старшего поколения, выходцам из Советского Союза. Это люди чести и слова, работающие не покладая рук, рассчитывающие только на собственные силы. Связь между старым и новым поколением и анализируется в романе. Главный герой, Роман, покидает родительский дом, деревню под Абаканом подобно «блудному сыну». Владимир, друг и будущий партнер по бизнесу, соблазняет Романа идеей о «райском месте», величайших возможностях, и герой отправляется в столицу – Санкт-Петербург.

Мотив «блудного сына» проходит тонкой нитью от начала произведения до его конца. Герой сбегает из деревни в новый мир ради «освобождения», «спасения», но вскоре воротится обратно под родительский кров. Словно библейский герой Роман не смог прожить вдали от отчего дома, ему не хватило сил, сноровки закрепиться в столице, «выйти в люди», и он убегает в привычное ему место. Однако не стоит забывать, что нубук – вид материала, который не пригоден для носки. Таким становится и сам герой – непригодным. Его спутники – сомнения и страх начать все сначала: «Специалистке в Енисейск я тоже пока не звонил – тоже побаиваюсь принять окончательное решение. Откладываю каждый день, сомневаюсь, листаю буклетки» [Сенчин, 2002]. В итоге герой остается наедине с собой и своими мечтами: «Валяясь на полке, я уже представлял, как сижу в своем офисе где-нибудь на центральной улице Абакана, у меня человек десять подчиненных – одни распродают товар, другие считают башли» [Сенчин, 2002]. Таким образом, «Нубук» повествует о «маленьком человеке», чьи жизненные устремления не достигают намеченной цели. Герою проще сдаться, убежать, спрятаться, плыть по течению жизни, а куда она приведет, стоит только догадываться.

Драматичнее и безысходнее «Нубука» роман «Лед под ногами», опубликованный в журнале «Знамя» в 2007 г. Произведение отразило типичного персонажа сегодняшнего поколения – «маленького человека». Чащин Денис Валерьевич – «альтер-эго» писателя Сенчина. Он – рок-музыкант, полный мечтаний и надежд найти место в мире и изменить его. Герой вступает в революционное общество, однако чувствует бессилие перед социальной системой, поэтому вынужден сменить свои амбиции на рутинную работу в редакции модного московского журнала.

С первых страниц романа читатель чувствует однообразие и скуку, обыденность героя и обстоятельств. «Осенью и зимой по утрам в будни он видел за окном одно и то же – колонна белых огней медленно двигалась вниз и уходила почти под дом <...> Он не то чтобы любил по утрам стоять у окна – нет, он даже не замечал, как, умывшись, побрившись, заварив чашку кофе и закулив первую за день сигарету, подходил к окну и смотрел» [Сенчин, 2007, с. 6]. Описанная картина утра Дениса Чащина изображает сменяющиеся друг друга унылые дни,

хождение по замкнутому кругу: дом, работа, дом, что создает патовую ситуацию, из которой герою никак не удастся вырваться. «День сурка» становится воплощением серой и скучной жизни. Каждый новый день протекает по одному и тому же сценарию. Сенчин в романе иллюстрирует, как попадает в ловушку замкнутого круга человек. Однако это болезнь не индивидуума, а целой эпохи.

Александр Резник в журнале «Эхо свободы», анализируя роман «Лед под ногами», заявляет о новом явлении в путинскую эпоху – чащиновщине. «Чащиновщина отражает уродливость постсоветской “демократии”, безвыходность в рамках этой системы. Чащиновщина свидетельствует, что ничего-не-обязывающее существование “работающего” планктона – смертельно опасная утопия. Город и Система пожрали Чащина. А его место займут еще более убогие мещане, так же сложив свои кости в фундамент Стабильности <...> “Лед под ногами” отразил мрачную метафизику негативности бытия» [Резник, 2013, с. 159]. «Чащиновщина» – явление, раз за разом появляющееся в произведениях Сенчина, меняется только форма, а содержание, темы, мотивы остаются прежними. Главный герой стал жертвой жизненной пассивности, замкнутости, отчуждения от собственного тела и бытия в сложившихся условиях настоящего. Ему комфортнее пребывать в состоянии покоя, неподвижности. Любые колебания внешнего мира герой воспринимает враждебно: «...лишь аромат каких-нибудь необыкновенных духов иногда возвращал в реальность <...>. И Чащин злился: зачем побеспокоили, раздражили, разбудили?» [Сенчин, 2007, с. 8].

Создается ощущение, что персонажи сенчинской прозы пребывают в платоновской пещере, вот только современная пещера имеет немного иную форму. В мифе рассказывается о людях, закованных в цепи, не имевших возможности свободно передвигаться или смотреть по сторонам. Люди видели лишь тени от огня, а истинную картину мира они не в состоянии были познать. Сенчин надел оковы на своих героев в виде «рутинности». Быт заполняет все бытие человека, а государственная власть с помощью средств массовой информации создает тот иллюзорный мир, который наиболее выгоден. Уставший от постоянной, однообразной и бессмысленной жизни герой с радостью пойдет на поводу той системы, которая пообещает решить за него проблемы.

Каждодневное использование телевидения, информационных изданий, Интернета привело к тому, что человек постоянно вбирает в себя огромный поток информации. Информация дезориентирует человека, так как в ней он не находит смысла: «на шестнадцати доступных Чащину каналах нечего было смотреть – просто он начинал искать лучшее, наконец находил какой-нибудь интересный фильм, а когда тот прерывался рекламой, щелкал дистанционно дальше» [Сенчин, 2007, с. 40]. Герой романа в силу специфики своей деятельности создает и внедряет в массы «проплаченные материалы о кинопремьерах, репертуар кинотеатров, рейтинги кинопроката» [Сенчин, 2007, с. 13] и прочую «пустую» информацию. Очень часто журналисты, работающие в новостных отделах, подвержены синдрому «эмоционального выгорания» [Федотова, Борейко, 2015].

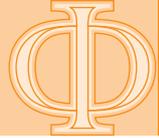
Это, в свою очередь, рождает чувство внутренней опустошенности, которое герою пытается заполнить бутылкой холодного пива «Туборг». Денис Чащин – олицетворение «маленького человека», вовлеченного в огромный, постоянно движущийся механизм «производства и потребления».

В условиях бюрократии государства человек должен быть полезен, чувство полезности/нужности мотивирует его ходить на нелюбимую (и т.п.) работу: «Рабочий день казался ему бесконечным, мучительным; по утрам он не верил, что сможет дотянуть до вечера и не шизануться. То и дело взглядывал на часы, поражаясь, как медленно тянется время, представлял, сколько всего важного, интересного, значительного мог бы сделать вместо сидения за этим столом» [Сенчин, 2007, с. 11]. Единственным стимулом становится материальное благо, которое человек сливает на «нужные вещи».

В «одномерной реальности» герой заполняет свое внутреннее бытие вещами. Чащину приятно, обессилев, переползая «на удобный, купленный им самим в “Икее” диван» [Сенчин, 2007, с. 40]. В романе автор не раз делает акцент на господстве материального мира над духовным. Сенчин включает в художественное поле текста известные слова из песни Егора Летова: «Пластмассовый мир победил, макет оказался сильнее» [Сенчин, 2007, с. 55]. Действительно, макет, рекламный щит, симулякр оказался могущественным в условиях нынешней действительности.

Текст песни в сжатой иносказательной форме иллюстрирует модель мира – пародию на реальность. И в этой видимой конфигурации настоящие ценности заменены ложными, «общество потребления» оказалось сильнее духовных и нравственных идеалов. «Почти автоматически он набивал пакеты» [Сенчин, 2007, с. 39] – подобно запрограммированной роботу герою Сенчина приобретает привычный набор продуктов, тем самым раскручивая колесо бюрократической машины, а та, в свою очередь, формирует «одномерное общество» [Маркузе, 2002]. Герой теряет жизненные ориентиры, превращаясь в механизм, автомат, живущий по сценарию и тем установленным правилам, которые считаются общепризнанными: «Теперь он был готов к автоматному существованию в квартире» [Сенчин, 2007, с. 39]. В романе автор периодически делает акцент на гитаре под названием «Джипсон». Чащину «то и дело попадалась стоящая в углу гитара» [Сенчин, 2007, с. 40]. Гитара становится символом творческой натуры. Инструмент символизирует творческое, созидательное начало, которому противостоит «система вещей» [Бодрияр, 2021].

Антагонизм духовного и материального в романе приводит в итоге к тому, что у главного героя «появилось желание от гитары избавиться» [Сенчин, 2007, с. 272]. Чащин неохотно перебирает пальцами струны. Гитара не приносит ему прежнего удовольствия, угасли те амбиции, что двигали его вперед в начале творческого пути. Появилось лишь чувство дискомфорта от потраченного времени на настройку музыкального инструмента. Чащин «засунул „Джипсон” обратно в чехол, застегнул молнию. Поискал глазами, куда бы спрятать. За шкаф. Поглубже туда. И забыть. Снова сел на диван, взял пульт, включил телевизор» [Сенчин, 2007, с. 272]. Зачем тратить время на создание чего-то нового, намного проще

включить компьютер и отправиться в виртуальный мир. Ведь там можно построить свою «очередную цивилизацию» [Сенчин, 2007, с. 40]. Побег в альтернативную реальность сегодня обеспечивает то чувство превосходства, в котором человек нуждается в своей обыденной жизни. Лев Данилкин написал о романе, что это «...бальзаковская история типичного героя нашего времени, бунтаря, угодившего в душную стабильность нулевых годов – и заживо съеденного обществом потребления» [Данилкин, 2013, с. 264].

Выводы. Итак, автор не стремится скрыть некое послание через художественные образы, мотивы или цитаты известных песен. Он отражает окружающую действительность и быт человека в том свете, каков он есть на самом деле. При чтении произведений Сенчина появляется чувство внутреннего напряжения, дискомфорта, он затрагивает болезненные проблемы современного общества. Современный мир осваивает новые процессы, диффиниции: «урбанизация», «глобализация», «технологизация», «цифровизация», «информатизация». И в этом мире сложных систем, отношений человек чувствует себя незначительным – «маленьким». Роман Сенчин досконально, до мельчайших подробностей отражает бытие в настоящем. «Устоять», «ухватиться», «подняться», «добиться» – действия, которые требуют непомерных усилий. Герои прозы Сенчина редко достигают чего-либо, а если и оказываются на вершине успеха, то это оборачивается для них печальными последствиями. Автор изображает тонкую грань между героем и льдом под его ногами. И остается только догадываться, в какой момент лед треснет.

Таким образом, главной темой творчества Романа Сенчина становится «маленький человек». Автор на страницах своей прозы иллюстрирует болезнь нынешней эпохи, название которой «обыденность». Диагноз личности – отсутствие воли к жизни, духовная дезориентация, неврастения. Сенчин не делает окончательных выводов, он вместе с героем старается найти те возможности, цели, которые откроют современному человеку путь к самому себе.

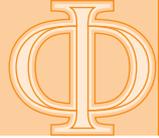
Библиографический список

1. Агеев А. Голод 54. Практическая гастроэнтерология чтения // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
2. Беляков С. Призрак титулярного советника // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
3. Беляков С. Роман Сенчин: Неоконченный портрет в сумерках // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: РИПОЛ классик, 2021. 256 с.
5. Бойко М. Русский фарш // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
6. Васильев О. Литература возвращает себе вес // Новая газета во Владивостоке. 2017. 12 окт. № 411. URL: <https://novayagazeta-vlad.ru/411/kultura/literatura-vozvrashhaet-sebe-ves.html> (дата обращения: 29.12.2021).
7. Ганиева А. Серым по серому // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.

8. Данилкин Л. Очень точный роман про нулевые // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
9. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876 [Электронный ресурс]. СПб.: Наука, Ленинградское отделение, 1989–1996. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=110964&p=18>, свободный.
10. Иванова Н. Писатель и политика // Знамя. 2008. № 11.
11. Ковтун Н.В. Деревенская проза в зеркале утопии / М-во образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, Сиб. федер. ун-т. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 494 с.
12. Ковтун Н.В. Историоризация мифа: от «благословенной» Матеры к Пылево (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) // Вестник ОмГПУ. 2017. № 4 (17). С. 81–87.
13. Комаров К. Рок умер а мы живем: сб. // Урал. 2019. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2019/2/zhizn-proishodit.html>
14. Липовецкий М. Растратные стратегии, или Метаморфозы «чернухи» // Новый мир. 1999. № 11. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/11/rastratnye-strategii-ili-metamorfozy-chernuhi.html (дата обращения: 29.12.2021).
15. Маркузе Г. Эрос и цивилизация: исследование идеологии развитого индустриального общества Одномерный человек / пер. А. Юдина; сост. предисл. примеч. В.Ю. Кузнецова. М.: Изд-во АСТ, 2002. 526 с.
16. Новикова Е.О. «Новый реализм» его авторы и герои // Сибирский филологический форум. 2019. № 2 (6). С. 45–55.
17. Огрызко В. Неизбежный бунт // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
18. Платонов О. В современной литературе нет Павла Корчагина, но читатель ждет его появления // Бизнес Online. 2018. 11 апр. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/378464> (дата обращения: 29.12.2021).
19. Погорелая Е. ...На севших батарейках?.. // Знамя. 2009. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2009/10/8230-na-sevshih-batarejkah.html>
20. Пустовая В. Новое «Я» современной прозы: об очищении писательской личности // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
21. Резник А. Мы лед под ногами // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
22. Сенчин Р.В. На черной лестнице: рассказы. М.: Астрель, 2011. 347 с.
23. Сенчин Р. Нубук // Новый Мир. 2002. № 11.
24. Сенчин Р.В. Рок умер а мы живы: сб. М.: «Э», 2007. 352 с.
25. Федотова Н.А., Борейко А.Д. Стрессогенные факторы журналистской профессии: результаты исследования // Психолог. 2015. № 3. С. 89–101. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15284 (дата обращения: 29.12.2021).
26. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ: Астрель, 2010. 314 с.
27. Чернец Л.В. О типологическом изучении литературных персонажей // STERHANOS. 2016. № 1. С. 80–90.
28. Kovtun N., Klimovich N. The Traditionalist discourse of contemporary Russian literature: from the neo-traditionalism to «new realism» // The Art of Words Journal of Literary, Theatre and Film Studies (Хорватия). 2018. № 3/4. P. 315–337.

Сведения об авторе

Новикова Елизавета Олеговна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: elisanov1991@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-111>

THE IMAGE OF A LITERARY HERO IN THE EARLY WORKS OF ROMAN SENCHIN

E.O. Novikova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article analysis the literary character in the writings of Roman Senchin.

Following traditions of new realism Roman Senchin depicts in his writings a hopeless and meaningless world in which the person is mired and from which they can not escape. His hero is a “little man”.

The character of “little man” of XIX and XX centuries evolves significantly from XXI century due to artistic significance. New decade has brought numerous changes including lifestyle and values.

With the onset of the two thousandth, the habitual way of life of many people has changed, and along with it the value guidelines.

The aim of the article is analysing the transformation of the “little man” in modern Russian prose, taking such novels as “Nubuk”, “To live, to live”, “Ice underfoot” as an example of the writing.

The work uses comparative historical and sociological methods.

Research results. In the literature of the XXI century, the image of the “little man” differs significantly from the artistic specificity of the works of the XIX and XX centuries. With the onset of the two thousandth, the way of life of many people has changed, and with it the value guidelines.

Based on the analysis of the works of Roman Senchin, it can be concluded that the author illustrates the disease of the present era, the name of which is “routine”. The diagnosis of the disease is a lack of will to live, a sense of the meaninglessness of one’s own existence, the inability to realize oneself as a person, spiritual disorientation, neurasthenia. The “little man” of the new era is characterized by such states as detachment, aloofness, indecision, nervousness and social disorientation.

Keywords: *realism, Roman Senchin, little man, autobiography, everyday slavery, alienation, one-dimensional society.*

References

1. Ageev A. Hunger 54. Practical reading gastroenterology // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
2. Belyakov S. The ghost of a titular advisor // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
3. Belyakov S. Roman Senchin: Unfinished portrait at dusk // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
4. Baudrillard J. System of things / lane. with fr. S.N. Zenkina. M.: RIPOL classic, 2021 . 256 p.
5. Boyko M. Russian minced meat // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
6. Vasiliev O. Literature regains its weight // New newspaper in Vladivostok. 2017. 12 Oct. No. 411. URL: <https://novayagazeta-vlad.ru/411/kultura/literatura-vozvrashhaet-sebe-ves.html> (access date: 12.29.2021).
7. Ganieva A. Gray on gray // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
8. Danilkin L. A very accurate novel about zero // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
9. Dostoevsky F.M. Diary of a writer 1876 [Electronic resource]. SPb.: Science, Leningrad Branch, 1989–1996. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=110964&p=18>

10. Ivanova N. *Writer and Politics* // Banner. 2008. No. 11.
11. Kovtun N.V. *Village prose in the mirror of utopia*. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Feder. educational agency, Sib. Feder. Univ. Novosibirsk: Publishing house of the SB RAS, 2009. 494 p.
12. Kovtun N.V. *Historicization of the myth: from the “blessed” Matera to Pylevo (about the author's dialogue between V. Rasputin and R. Senchin)* // Vestnik OmGPU. 2017. No. 4 (17). P. 81–87.
13. Komarov K. *Rock died – and we live: Collection* // Ural. 2019. No. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2019/2/zhizn-proishodit.html> (access date: 29.12.2021).
14. Lipovetsky M. *“Waste strategies, or Metamorphoses of” chernukha* // Novy Mir. 1999. No. 11. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/11/rastratnye-strategii-ili-metamorfozy-chernuhi.html (date accessed: 29.12.2021).
15. Marcuse G. *Eros and civilization: a study of the ideology of a developed industrial society One-dimensional man* / Transl. A. Yudina; Compiled by foreword Note., V.Yu. Kuznetsova. M.: LLC “Publishing house AST”, 2002. 526 p.
16. Novikova E.O. *“New Realism” – Its Authors and Heroes* // Siberian Philological Forum. 2019. No. 2 (6). P. 45–55.
17. Ogryzko V. *Inevitable revolt* // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
18. Platonov O. *There is no Pavel Korchagin in modern literature, but the reader is waiting for his appearance* // Business Online. 2018. Apr 11. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/378464> (access date: 29.12.2021).
19. Pogorelaya E. *...On dead batteries?* // Banner. 2009. No. 10. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2009/10/8230-na-sevshih-batarejках>
20. Pustovaya V. *New “I” of modern prose: about the purification of the writer's personality* // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
21. Reznik A. *We are ice under our feet* // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
22. Senchin R.V. *On the Back Staircase: Stories*. M.: Astrel, 2011. 347 p.
23. Senchin R. *Nubuk* // New World. 2002. No. 11.
24. Senchin R.V. *Rock died – and we are alive: collection*. M.: Publishing house “E”, 2007. 352 p.
25. Fedotova N.A., Boreyko A.D. *Stressogenic factors of the journalistic profession: research results* // Psychologist. 2015. No. 3. P. 89–101. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15284 (date accessed: 29.12.2021).
26. Fromm E. *To have or to be?* / Trans. from ger. E.M. Telyatnikova. M.: AST: Astrel, 2010. 314 p.
27. Chernets L.V. *On the typological study of literary characters* // STEPHANOS. 2016. No. 1. P. 80–90.
28. Kovtun N., Klimovich N. *The Traditionalist discourse of contemporary Russian literature: from the neo-traditionalism to “new realism”* // The Art of Words Journal of Literary, Theatre and Film Studies (Croatia). 2018. No. 3/4. P. 315–337.

About the author

Novikova Elizaveta Olegovna – postgraduate student of the Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: elisanov1991@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и в соответствии с международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и References.

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

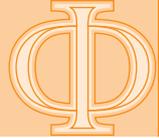
Текст

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).

2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756

3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2

4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION A.G. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (перевод на английский)

1. Lustig M.V., Koester J. Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures. 6th ed. Boston: Pearson Education Inc., 2010. 388 p.

2. Plotnikova S.N. The role of interpretative discourse in the organization of communication community. In: Russian Philology and Comparative Studies: international collection of scientific papers on philology. Moscow: Knigodel, 2019. Is. 13. P. 304–312. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.20

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (access date: 05.02.2011).

About the author

Spiridonova Galina Sergeevna – Candidate of Philology, associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail:

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2022. № 1 (18)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 25.02.22.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 13,12